

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
Министерство национальной и территориальной политики
Республики Хакасия

**ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ КАК УСЛОВИЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

*Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической конференции
(Абакан, 15 декабря 2023 г.)*

Абакан
2023

УДК 323.28:[070+004]:327(063)
ББК 66.4(2 Рос),304я431+66.3(2Рос),5
П842

***Печатается по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»***

Редакционная коллегия:

Научный редактор: Наумкина Валентина Владимировна – доктор юридических наук, директор Института истории и права ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова».

Ответственный редактор: Козлова Валерия Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова».

Члены редакционной коллегии:

Лебедев Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»;

Лубенникова Светлана Александровна – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института истории и права ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»;

Троякова Юлия Константиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института истории и права ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»;

Степанов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова».

Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 15 декабря 2023 г.) / науч. ред. В. В. Наумкина; отв. ред. В. Н. Козлова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2023. – 192 с.
ISBN 978-5-7810-2397-4

Настоящий сборник содержит материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений», организованной в рамках реализации подпрограммы «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия» государственной программы Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия», утвержденной Постановлением Правительства Республики Хакасия от 01.11.2016 г. № 528.

Издание адресовано специалистам органов государственной и муниципальной власти и управления, представителям бизнеса, научно-педагогическим работникам, аспирантам и студентам вузов.

УДК 323.28:[070+004]:327(063)
ББК 66.4(2 Рос),304я431+66.3(2Рос),5

ISBN 978–5–7810-2397-4

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2023
© Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, 2023

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ АКЦИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЮ

Сафьянов Лев Александрович,

*и.о. Министра национальной и территориальной политики Республики Хакасия,
г. Абакан, Республика Хакасия*

В докладе раскрывается содержание реализуемых Министерством национальной и территориальной политики Республики Хакасия дополнительных мер по поддержанию общественно-политической стабильности в Республике Хакасия, предупреждению и пресечению экстремистских акций, направленных на ее дестабилизацию.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские акции, общественно-политическая стабильность, Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия (далее – Миннацполитики Хакасии, Министерство) в рамках установленных полномочий обеспечивает реализацию мероприятий в сфере государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Хакасия.

Одной из дополнительных мер по поддержанию общественно-политической стабильности в Хакасии, предупреждению и пресечению экстремистских акций, направленных на ее дестабилизацию является мониторинг публикаций в социальных сетях с использованием регионального сегмента государственной информационной системы мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций (далее – система мониторинга).

В настоящее время сотрудниками Миннацполитики Хакасии в модуле «Темы постоянного наблюдения» регионального сегмента системы мониторинга создано 95 тем для отслеживания негативных публикаций в социальных сетях.

В отчетный период текущего года в соцсетях фиксировались публикации, на которые было обращено внимание. К примеру, в феврале текущего года была зафиксирована публикация о потасовке в ночном клубе г. Абакана и комментарии пользователей к публикации в отношении одной из этнических групп населения Хакасии.

Несколько публикаций были зафиксированы в июле и августе 2023 года, речь шла о конфликте иностранных граждан с местным жителем; о конфликтной ситуации между торговой компанией и представителями диаспоры, действующей в Хакасии.

Обо всех публикациях информация оперативно доводилась до МВД по Республике Хакасия и Министерства по делам юстиции и региональной безопасности Республики Хакасия для сведения и возможной профилактической работы.

В некоторых случаях по факту произошедшего и в целях недопущения возможного возникновения межнационального конфликта в этот же период Министерством были проведены профилактические мероприятия: несколько встреч с участием всех заинтересованных сторон, одно рабочее совещание в администрации Усть-Абаканского района, встреча с пострадавшим гражданином и представителями диаспоры в Хакасии.

По итогам проведенной работы некоторым представителям диаспор было рекомендовано провести профилактическую беседу со своими соотечественниками о мерах ответственности за противоправные действия, с пострадавшим обсуждены вопросы о возможном примирении и недопущения дальнейшей эскалации конфликта. Темы произошедших ситуаций были внесены в тему постоянного наблюдения с использованием регионального сегмента системы мониторинга для дальнейшего отслеживания.

Сотрудник Министерства совместно с представителем мусульманской религиозной организации «Махалля» принял участие в профилактической беседе с осужденными на территории колонии.

С участием представителей национальных общественных объединений и диаспор, религиозных организаций, государственных и муниципальных служащих проведено около 50 иных мероприятий (рабочие совещания и встречи, индивидуальные собеседования и консультации), в которых были затронуты вопросы профилактики в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений. Например, рабочие встречи и беседы с представителями национальных общественных и религиозных организаций по таким вопросам, как: недопущение участия членов их земляков в возможных несанкционированных мероприятиях, поводом которых могла стать специальная военная операция (далее – СВО), а также конфликты за пределами РФ; исключение деструктивных высказываний в адрес какой-либо национальности, этнической или социальной группы; предостережение от взаимодействия с деструктивными общественными структурами, финансируемыми западными государствами; изменения в миграционном законодательстве Российской Федерации для представителей мусульманского духовенства; мероприятия по направлению «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», запланированные в Республике Хакасия в 2023 году, применение единых подходов к информационному освещению и сопровождению итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. по национальному составу населения для органов государственной и муниципальной власти.

Отдельные семинары прошли по вопросам реализации государственной национальной политики, направленным на привлечение общественных организаций – этнических, казачьих организаций (казачьих обществ) и

других форм некоммерческих структур к участию в конкурсе на предоставление грантов по реализации целевых социальных программ (направление «Укрепление межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, профилактика экстремизма и ксенофобии»).

На базе ХГУ им. Н. Ф. Катанова проведены два научно-практических семинара по теме «Профилактика проявлений экстремизма и терроризма среди иностранных граждан и молодежи» (приняло участие более 50 иностранных граждан) и для государственных и муниципальных служащих по теме «Профилактика экстремизма и терроризма в молодежной среде».

Несколько семинаров, где была затронута тема отбора на военную службу по контракту (в части получения российского гражданства в упрощённом порядке иностранными гражданами, поступившими на военную службу по контракту, и членами их семей а также об обязательной постановке на воинский учет граждан, получивших российское гражданство), прошли с участием республиканского военного комиссариата.

В рамках плановой работы на базе ХГУ им. Н. Ф. Катанова в декабре ожидается проведение IV Всероссийской научно-практической конференции «Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений».

В отчётном периоде была продолжена работа консультативно-совещательных органов, действующих при Правительстве Республики Хакасия, в их числе пять советов и комиссий, которые координирует Министерство: Координационный совет по межнациональным отношениям, Межконфессиональный консультативный совет, Совет представителей коренных малочисленных народов, Комиссия по делам казачества, Совет по сохранению и развитию хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма. Все плановые заседания были проведены в I полугодии текущего года.

Одним из масштабных можно назвать расширенное заседание двух советов по теме «Межнациональный мир и межрелигиозное согласие» при участии Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия В. О. Коновалова, председателя Верховного Совета Хакасии В. Н. Штыгашева, а также некоторых депутатов Государственной Думы Российской Федерации. На заседании был рассмотрен вопрос о роли национальных общественных и религиозных организаций в работе по сохранению духовно-нравственных ценностей в условиях современной глобализации.

Не говоря о проведенных мероприятиях в сфере госнацполитики, Министерством также было обеспечено размещение около 150 статей и публикаций в официальных группах, на страницах социальных сетей Министерства, а также 45 баннеров, из них 25 широкоформатных баннеров (три баннера были посвящены Дню солидарности в борьбе с терроризмом на автодорогах по разным направлениям, 10 баннеров патриотической направ-

ленности и несколько баннеров, посвященных укреплению единства российской нации, этнокультурному развитию и гармонизации межнациональных отношений), остальные мелкоформатные баннеры были изготовлены для пункта отбора по контракту и УФСИН.

Таким образом, работа в данном направлении будет продолжена.

© Сафьянов Л. А., 2023

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Наумкина Валентина Владимировна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена проблеме распространения экстремистских идей среди молодежи. Автор рассматривает факторы, способствующие распространению экстремистских идей среди молодежи. Анализируются особенности распространения деструктивной идеологии в информационной среде.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность.

Информационная среда оказывает большое влияние на становление личности, формирование жизненных установок и мировоззрение человека. При этом информационная среда может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Развитие информационных технологий привело к появлению огромного информационного поля, которое наполнено разнородной информацией (в том числе деструктивной, лживой, фальсифицированной и т. д.).

Информационная среда, наряду с семьей, оказывает значительное влияние на развитие личности. В настоящее время существует «перекос» в сторону интернет-пространства, которое зачастую оказывает большее влияние на подростка, чем родители. Вакуум «живого общения» в семье и среди сверстников восполнили социальные сети. И если ранее родители имели возможность контролировать круг общения ребенка и оценивать влияние, оказываемое на ребенка, то информационная среда, как правило, не контролируется семьей и очень слабо отслеживается государством. При этом родители зачастую хуже владеют различными гаджетами, поэтому даже при желании не всегда могут оценить ту информационную среду, в которую «погружается» молодежь.

Элементы контроля со стороны государства не позволяют охватить всю информацию, которая распространяется на широкий круг пользователей через Интернет. Объем информации увеличивается, что затрудняет ее отслеживание. Это позволяет экстремистским и террористическим группировкам распространять информацию, а также навязывать свои идеи широкому кругу лиц и привлекать новых членов в свои группиров-

ки [5]. Так, по оценкам специалистов, члены запрещенных международных террористических организаций используют более 10 тысяч сайтов и более 200 тысяч аккаунтов в социальных сетях [2]. Удаленное распространение информации расширяет круг потенциальных участников экстремистских группировок.

Распространение экстремистских идей посредством информационных технологий позволяет формировать массовое сознание и манипулировать общественным мнением [7]. При этом информационные технологии активно развиваются и охватывают все большую аудиторию [1].

Исследователи отмечают, что наиболее часто преступления экстремистской направленности совершаются с использованием сети Интернет, при этом субъектами преступлений являются преимущественно лица от 16 до 30 лет [2].

В качестве причин распространения экстремистских идей среди молодежи можно выделить следующие. Во-первых, специфические возрастные особенности. Молодежь, в силу небольшого жизненного опыта, особенностей психики, отсутствия четких жизненных ориентиров подвержена влиянию деструктивной идеологии, в том числе экстремизму. Усугубляет проблему высокая зависимость именно молодежи от социальных сетей и различных гаджетов. Во-вторых, экстремистские взгляды характерны для лиц с определенным уровнем социально-культурного развития. Нельзя не согласиться с Т. А. Малыхиной, которая полагает, что экстремизм зарождается в социально «нездоровой среде» [4]. В качестве причин можно выделить социальную неопределенность, нестабильность мировоззренческих взглядов и др. [4]. Как правило, молодежь с низким социально-культурным уровнем не охвачена культурно-массовыми, спортивными и иными мероприятиями, даже если обучается в образовательных учреждениях. Поэтому правосознание этой группы населения преимущественно формирует интернет-пространство. В-третьих, в «группе риска» находятся социально пассивные молодые люди. Если человек учится или работает, занимается спортом или имеет хобби, то, как правило, меньше времени проводит в интернет-пространстве. Кроме того, социальная активность способствует развитию устойчивых взглядов. В-четвертых, отказ государства от реализации идеологической функции привел к тому, что идеологию стали распространять иные субъекты, в том числе субъекты антироссийской направленности.

Государственная идеология способствует единению общества, правовому воспитанию и формированию государственно ориентированного мировоззрения. А. С. Шальнева полагает, что именно социальная дезорганизация российского общества является основной предпосылкой распространения экстремизма в нашей стране [6]. Отсутствие национальной идеи и распространение либеральных идей о приоритете интересов личности привело к развитию «потребительской» психологии.

Потребительский подход к жизни проявляется в дисбалансе запросов личности и желания приложить какие-либо усилия для удовлетворения

своих потребностей и реализации запросов. Отсюда – разочарование в государстве, негативное отношение к иным членам общества (особенно к тем, ко оказался более успешным), как следствие, – негативное отношение личности к обществу и государству. Лица с позитивным отношением к жизни менее подвержены вовлечению в экстремистскую деятельность.

В комплексе все это ведет к формированию «благоприятной почвы» для распространения экстремистских идей, агрессивного отношения к иным людям, отрицанию общечеловеческим нравственным ценностям.

В сложившихся условиях необходима системная работа. Лучшей профилактикой экстремизма является формирование активной гражданской позиции, правомерного поведения и четких мировоззренческих установок, основанных на общечеловеческих традиционных ценностях. Информационные технологии будут развиваться и дальше, данный процесс будет сопровождаться увеличением объема информации. Необходимо формировать у молодежи ценностные мировоззренческие установки, а следовательно, устойчивость к деструктивной информации. Системный подход к воспитанию должен включать различные механизмы воздействия.

Библиографический список

1. Воронина Д. А. Интернет как благоприятная среда для развития молодежного экстремизма // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2021. № 18. С. 114–116.
2. Зиннуров Ф. К., Шляхтин Е. П. Экстремизм в молодежной среде: проблемы и способы их решения (по материалам Республики Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). С. 487–495. DOI 10.37973/KUI.2021.97.51.007.
3. Курбатова С. М. Некоторые вопросы профилактики экстремизма и терроризма в образовательном процессе // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 21 октября 2021 года / науч. редактор Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2021. С. 160–162.
4. Малыгина Т. А. Об особенностях предупреждения экстремизма в современной молодежной среде // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 89–99. DOI 10.24411/2312–3184–2020–10009.
5. Таков А. З. Фактор анонимности как ключевой концепт распространения экстремизма в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 4. С. 63–66.
6. Шальнева А. С. Экстремизм в молодежной среде: особенности формирования и проблемы противодействия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3–2 (42). С. 229–233. DOI 10.24411/2500–1000–2020–10300.
7. Эльмурзав С. М., Пикина Т. В. Стратегическое направление противодействия экстремизму в молодежной среде // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 45. С. 1363–1370.

© Наумкина В. В., 2023

СЕКЦИЯ 1. ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ ВО ВСЕХ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯХ: ФИЛОСОФСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ АСПЕКТЫ

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ХАКАСИИ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ОЦЕНОК ХАРАКТЕРА МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Аксютин Юрий Михайлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых
и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Тема религиозного радикализма в публичном пространстве субъектов Российской Федерации в условиях усиливающейся нестабильности международных отношений, экономических кризисов и стоящей перед страной задачи консолидации обретает особое звучание. Проводимые в период с 2013 по 2019 гг. в Республике Хакасия массовые социологические опросы свидетельствуют, что республиканский социум находится в ситуации возрастания рисков усиления конфликтостенной напряженности межрелигиозного взаимодействия, снижения уровня религиозной толерантности жителей. Делается вывод, что тема религиозного радикализма, а в случае неблагоприятного стечения обстоятельств – религиозного экстремизма и радикализма в публичном пространстве Республики Хакасия сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: Республика Хакасия, религиозный экстремизм, радикализм, межрелигиозное взаимодействие, толерантность.

Понятие «религиозный экстремизм» в научной литературе и общественном дискурсе закрепилось давно (конец XIX в.), но имеет множество коннотаций и определений. В результате под религиозным экстремизмом часто понимаются в сущности разные явления – от социально и политически индифферентных религиозных групп, сект, деноминаций до радикально настроенных террористических группировок, а порой и просто бытовая, стереотипированная неприязнь, интолерантность. Неопределенность содержания ключевых понятий, конкуренция классификаций видов религиозного экстремизма, радикализма, нетерпимости закономерно привели к ситуации функционирования в отечественном научном и политико-правовом дискурсе нескольких подходов к пониманию их сущности, акцентирующих внимание на одном или совокупности следующих признаков: применение насилия; противоправная деятельность; пропаганда и практика нетерпимости и др. [4, с. 179]. Тенденция расширения классификаций и детализации критериев различения видов религиозного экстремизма, радикализма, нетерпимости обусловлена как потребностью научного знания в более глубоком понимании исследуемых явлений, так и заинтересованностью правоприменителей в определении

ориентиров государственной политики, создании механизмов диагностирования и противодействия религиозному радикализму и экстремизму при условии соблюдения конституционных прав и свобод граждан. В то же время достаточно часто за границами внимания исследователей остаются вопросы анализа и диагностирования процессов и рисков радикализации регионального религиозно-конфессионального пространства, формирования нетолерантного отношения к проявлениям религиозного экстремизма, радикализма, неприязни к представителям иных конфессий, аномализирующих межрелигиозную коммуникацию. В таком контексте анализ динамики изменения межконфессионального взаимодействия, уровня религиозной толерантности в поликонфессиональном пространстве обладает как теоретической, так и практической значимостью. Это особенно актуально для тех регионов, где представители религиозных течений и конфессий взаимодействуют непосредственно и ежедневно.

Одним из таких регионов является Хакасия – полиэтноконфессиональная республика, представляющая собой своеобразную «лимитрофную зону» религиозно-конфессионального контакта гетерогенных религий: христианства (трех основных его конфессий), шаманизма и буддизма (преимущественно – ламаизма). По данным проводимых нами массовых опросов, осуществленных в условиях изменений социально-экономической и внешнеполитической ситуации, ситуация межконфессионального взаимодействия в Республике Хакасия может быть охарактеризована как сложная, с отрицательной динамикой оценок восприятия жителями республики характера межконфессионального взаимодействия при достаточно высокой численности верующих (верующими себя считали 55,2 % опрошенных (русские – 61,7 %, хакасы – 48,8 %)). В частности, выявлено устойчивое снижение доли респондентов – жителей республики (с 63 % в 2013 г. до 56,3 % в 2019 г.), отмечающих благоприятный, неконфликтный характер функционирующей в Хакасии ситуации межконфессионального взаимодействия. Напряженность отмечали 21,3 % (сильную – 1,9 %) опрошенных. Причины межконфессиональной напряженности 34,6 % респондентов в Хакасии (в равной степени русские и хакасы) видели в миграции. Порядка 20 % участников опроса назвали политические процессы в стране, 15 % отметили фактор ухудшения ситуации в экономике. Еще 10 % опрошенных в качестве фактора напряженности назвали деятельность религиозных организаций, и почти столько же – деятельность служителей различных конфессий [1; 5; 6].

Напряженность межконфессиональных отношений в республике, очевидно, делает необходимым мониторинг динамики уровня религиозной толерантности, под которой понимается устойчивая ориентация представителей гетерогенных конфессий на несиловое, мирное разрешение возникающих противоречий [3, с. 52]. В частности, результаты опроса 2013 г. продемонстрировали, что подавляющее большинство респондентов не испытывает неприязнь к каким-либо религиям и конфессиям (почти 90 % опрошенных). Только 2,5 % ответили, что имеются религии (и их предста-

вители), которые вызывают настороженность и неприязнь у опрошенных. В последующих опросах большинство респондентов также демонстрировали отсутствие неприязни к представителям каких-либо конфессий, но их число, пусть незначительно, но стабильно и зримо снижалось. Анализ результатов опроса 2019 г. позволил констатировать, что уровень негативных установок жителей Хакасии вырос почти до 8 %, а в периоды наибольшего социально-экономического и политического напряжения (2014–2015 гг.) достигал пиковых значений (порядка 10 %) [1; 2].

Проводимые в период с 2013 по 2019 гг. в Республике Хакасия исследования продемонстрировали, что республиканский социум находится в ситуации возрастания рисков усиления конфликтогенной напряженности межрелигиозного взаимодействия. В обозначенный период оценки жителями республики характера взаимоотношений между представителями различных религий и конфессий приобрели заметный негативный оттенок, и каждый второй опрошенный не считал возможным назвать их благоприятными, неконфликтными. Напротив, уровень религиозной неприязни жителей республики демонстрировал тенденцию роста, но сопоставим со среднероссийскими значениями (7–8 %). Справедливости ради стоит отметить, что открытых конфликтов не отмечалось. Другими словами, тема радикализма в публичном пространстве Республики Хакасия сохраняет свою актуальность.

Библиографический список

1. Аксютин Ю. М. Межконфессиональное взаимодействие в оценках и представлениях жителей Саяно-Алтайского региона периода 2010-х гг.: характер, основания, факторы эскалации напряженности // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 5–4 (107). С. 6–9. DOI 10.23670/IRJ.2021.107.5.103.
2. Аксютин Ю. М. Трансформации религиозности в Республике Хакасия (на основе результатов массовых опросов 2007–2019 гг.) // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / отв. ред. В. А. Мансуров. Тюмень: Российское общество социологов, 2020. С. 4925–4931. DOI 10.19181/kongress.2020.580.
3. Рыжова С. В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 49–58. DOI 10.31857/S013216250004006–9.
4. Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 177–184.
5. Социологическое исследование (2013 г.) в рамках ФЦИ по теме: «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (соглашение: 14.B37.21.0511), выборочная совокупность Хакасия – 520: приложение к отчету; рукопись / Ю. М. Аксютин. Абакан, 2013.
6. Социологическое исследование (2019 г.) по проекту: «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х – 2018 гг.)» (Договор № 18–411–190002). Выборочная совокупность Хакасия – 1000 чел.: приложение к отчету; рукопись / Ю. М. Аксютин. Абакан, 2019.

ДОКУМЕНТЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И МИРА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Баранцева Наталья Анатольевна,

*кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье с опорой на документы Нюрнбергского процесса характеризуются преступления нацистской Германии против мира и человечности в контексте их оценки как актов государственного терроризма.

Ключевые слова: *Нюрнбергский процесс, доказательства террористической сущности германского фашизма, преступления против человечности и мира.*

Проблема наказания военных и политических преступников периода Второй мировой войны, в соответствии с решениями Международного военного трибунала (далее – МВТ), имеет политический, правовой и нравственный аспекты. Трибунал стал важным шагом к «определению основ уголовной ответственности за тягчайшие международные преступления», выступил с «моральным осуждением нацистской и фашистской идеологии» [1, с. 416]. Результаты Нюрнбергского процесса являются «историко-культурным кодом и фундаментом правового мышления всей послевоенной истории человечества» [2, с. 86].

Предложение об уголовной ответственности германских властей за развязывание агрессивной войны было высказано наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым уже 22 июня 1941 г. В январе 1942 г. правительства девяти стран, подвергшихся агрессии, включая США и Великобританию, подписали декларацию о наказании военных преступников [3, с. 74]. В ходе работы Международного военного трибунала 20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г. было проведено 403 открытых заседания, обвинителями представлено 2 630 документов, защитниками – 2 700. За преступления против мира, международной безопасности, человечности и геноцид были казнены через повешение двенадцать главных нацистских преступников, включая Геринга, Риббентропа, Розенберга, Кальтенбрунера, Бормана. Трое, в том числе Гесс, были приговорены к пожизненному заключению. Четверо обвиняемых получили тюремные сроки от 10 до 20 лет (Ширах, Шпеер, Нейрат, Дениц). Трибунал признал преступными организациями руководящий состав нацистской партии (НСДАП), тайную полицию (гестапо), охранные отряды (СС) и службу безопасности (СД) [4, с. 77–78]. Впервые в практике осуждения государственных преступлений подверглись наказанию правящий режим, карательные институты, высшее военное и политическое руководство [1, с. 416].

Обвиняемым, в соответствии со статьёй 6 Устава Трибунала, инкриминировали свершение военных преступлений с применением практики «то-

тальной войны», использованием боевых действий и военной оккупации, прямо «противоречащих законам и обычаям войны». Особо отмечались преступления против военнопленных, а «на оккупированных территориях против гражданского населения этих территорий» [3, с. 292]. Подчеркивалось, что обвиняемые, не участвовавшие лично в преступлениях, выступали как «руководители, организаторы, подстрекатели и соучастники» [3, с. 293].

Главный обвинитель на Нюрнбергском трибунале от Соединенных Штатов Америки Р. Х. Джексон во вступительной речи от 21 ноября 1945 г. указал, что «четыре Великие державы, поддержанные семнадцатью другими странами, использовали международное право для противодействия агрессивной войне и осуждение преступлений», которые «столь преднамеренны, злы и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали». Обвиняемых преступников Джексон назвал «живыми символами расовой ненависти, террора и насилия... национализма и милитаризма» [3, с. 390–391], приводя неопровержимые доказательства преступлений стран-агрессоров в отношении военных и гражданского населения. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко 8 февраля 1946 г. подчеркнул ответственность за преступления не только подсудимых, но и «преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечности» [3, с. 573].

Нюрнбергский процесс в «формулу преступлений против человечности» включил действия, «нацеленные на физическое и нравственное уничтожение целых народов, преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам» [4, с. 86]. Акцентировалось, что обвиняемые проводили умышленное и систематическое истребление народов, принадлежащих к определенным расам, национальным и религиозным группам. Особое внимание было обращено на жестокость обращения с военнопленными и гражданским населением, массовые убийства через расстрелы, отравление газом, доведение до голодной смерти, отсутствие санитарной и медицинской помощи, проведение экспериментов над людьми. Приводились примеры, что узники концентрационных лагерей, отнесённые к категории «мрак и туман», изолированные от внешнего мира, исчезали бесследно [3, с. 293–294].

В опубликованных материалах Нюрнбергского конгресса приводились неоспоримые доказательства преступлений нацистов в отношении различных народов. Так, из 228 тыс. французов, арестованных и обвиненных по политическим и расовым мотивам, содержавшихся в концентрационных лагерях, выжило только 28 тыс. человек. Над живыми людьми проводили псевдомедицинские опыты, включая стерилизацию женщин в Освенциме и Равенсбрюке, искусственное заражение раком и тифом в лагерях Освенцим и Бухенвальд, пересадку костей и мышц в Равенсбрюке [3, с. 295–296]. Сотнями человек исчислялись гражданские жертвы в Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурге, тысячами в Италии.

Несоизмеримыми по численности были жертвы мирных жителей в Советском Союзе. Так, в Львовской области УССР в Яновском лагере 200 тыс. человек были уничтожены с помощью массовых расстрелов, испытания холодом, замораживания и пр. В Крыму более 144 тыс. гражданского населения погрузили на баржи, вывезли и потопили в море. В Ленинградской области были убиты и замучены более 172 тыс. человек, в Латвийской ССР – 577 тыс. [3, с. 298–300].

Наряду со взрослыми нацисты без сожаления истребляли детей как с родителями, группами, так и по одиночке. В течение сентября–ноября 1942 г. в Белорусской ССР, близ городов Брест, Пинск, Кобрин, Дивин, Малориты и Берёза-Каргузская каратели расстреляли около 400 детей. На кавказском курорте Теберда нацисты уничтожили 500 детей, лечившихся от костного туберкулёза [3, с. 300].

В ходе нацистской оккупации СССР, а также европейских стран правительство и верховное командование Германии организовывали вывоз физически здоровых лиц трудоспособного возраста для принудительных работ на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях страны. Эти преступления противоречили международным конвенциям, в частности, статье 46 Гаагских правил 1907 г., законам и обычаям войны, а также общим принципам уголовного и международного права. С 1940 по 1944 гг. из Голландии в Германию и оккупированные ею страны были вывезены в качестве рабов около 500 тыс. мирных жителей. Условия содержания и перевозки были «нечеловеческими», многие из угнанных в плен умирали в пути. Из Советского Союза было вывезено на принудительные работы около 5 млн советских граждан, из Чехословакии – 750 тыс. человек для обслуживания военных нужд в Германии [3, с. 301–302].

Международный Трибунал констатировал массовые убийства и жестокое обращение с военнопленными, которых лишали необходимой пищи, жилья, медицинского ухода, подвергали нечеловеческим унижениям, рабскому труду, а затем безжалостно убивали. Убийства и жестокое обращение с военнопленными осуществлялись вопреки международным конвенциям, в том числе статьям 4, 5, 6, 7 Гаагских правил 1907 г., статьям 2, 3, 4, 6 Женевской конвенции о военнопленных 1929 г., законам и обычаям войны, принципам уголовного права. В документальных свидетельствах Трибунала приводились данные о том, что военнопленным с западного фронта приходилось преодолевать пешком расстояние до концлагерей более 600 км без пищи и воды. Умерших от голода и истощения, отстававших убивали. Советских военнопленных истребляли массово по приказам военного командования, штаба ЗИПО и СД (полиции безопасности и службы безопасности) [3, с. 303–304].

На оккупированных Германией и её сателлитами территориях обвиняемые широко использовали практику взятия заложников из гражданского населения. Например, в Крагуеваце в Югославии были расстреляны 2 300 заложников в октябре 1941 г.; в Кралёво – 5 000 заложников [3, с. 305].

Важным пунктом обвинения Трибунала являлось расхищение оккупационными властями общественной и частной собственности для укрепления мощи «нацистской военной машины» и установления экономического преобладания Германии на европейском континенте. Установление нацистами контроля за экономикой и ресурсами захваченных земель лишило местное население возможности вести сельское хозяйство, развивать промышленное производство, провоцировало голод. Обвиняемым вменялись и такие преступления, как разрушение городов, поселков и деревень, плотин, памятников культуры, научных учреждений, не связанных с военной необходимостью. Эти действия нарушали статьи 46–56 Гаагских правил 1907 г., а также другие законы и обычаи войны, уголовные законы всех цивилизованных наций. Так, на территории СССР нацистские преступники уничтожили или сильно разрушили 1 710 городов и более чем 70 тыс. деревень и населенных пунктов, более 6 млн зданий и оставили без крова примерно 25 млн человек. Катастрофическим разрушениям подверглись города Сталинград, Севастополь, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орёл, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону, Сталино и Ленинград.

Нацисты подвергли разрушениям 427 музеев, среди которых были усадьбы А. С. Пушкина в Михайловском, Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, осквернили могилы писателей. Немецкие преступники уничтожили 1 670 православных храмов, 237 римско-католических церквей, 532 синагоги и т. д. Были уничтожены и осквернены такие христианские святыни, как Киево-Печерская лавра, монастырь «Новый Иерусалим» в Истринском районе, а также многие древнейшие монастыри и церкви [3, с. 305–312].

Таким образом, изначально советское правительство вопрос о наказании нацистских преступников перевело из политического в правовое русло, исключив произвол, месть и внесудебные расправы над обвиняемыми. К этой точке зрения в ходе Второй мировой войны присоединился президент США Ф. Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль). В ходе подготовки и проведения Международного военного трибунала обвинители и судьи, представлявшие четыре ведущие державы, несмотря на различие мировоззрения и правовых систем, сотрудничали в деле осуждения фашизма, военной агрессии, преступлений против человечности и мира.

Библиографический список

1. Тимофеева А. А., Сурикова А. А. Нюрнбергский процесс в аспекте современной политики // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 415–417.
2. Орешина М. А. В поисках вакцины от нацизма. К 75-летию окончания Нюрнбергского процесса // Военно-исторический журнал. 2021. № 3. С. 83–87.
3. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. В 8 томах. Т. 1. Москва: Юридическая литература, 1987. 688 с.
4. Лебедева Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 75–92.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УСТАШЕЙ: ОБРАЗОВАНИЕ, ИДЕОЛОГИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Берестов Андрей Анатольевич,

студент

*Научный руководитель: Баранцева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой истории Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Представлена характеристика идеологических основ и деятельности хорватской националистической и террористической организации, более известной как усташское движение, в Королевстве Югославия до Второй мировой войны.

Ключевые слова: Югославия, движение усташей, терроризм.

Историю возникновения террористического движения усташей можно отсчитывать с возникновения Государства сербов, хорватов и словенцев (далее – КСХС). В конце 1918 г. там действовала Хорватская партия права, которая приветствовала распад Австро-Венгерской империи, но активно выступала против создания единого государства южных славян. Идеология данной партии носила националистический, ксенофобский по отношению к сербам характер. Главной целью Хорватской партии права являлось обретение хорватами своей государственности. Секретарём партии в 1919 г., а впоследствии лидером был адвокат Анте Павелич. В КСХС партия права не обладала большой популярностью: на выборах в Скупшину в 1920 г. она получила только 2 места [1, с. 245]. Социальная база была узка: националистически настроенная интеллигенция и офицерство бывшей австро-венгерской армии. Деятельность партии права в 1920-х гг. была направлена на получение хорватами автономии и дальнейшее обретение независимости от КСХС.

Было несколько причин стремления хорватского народа к независимости. Во-первых, привилегированным народом в КСХС были сербы, которые проводили политику централизации и унитаризма в государстве, ущемлявшем хорватский народ, который претендовал на независимое существование. Во-вторых, регионы КСХС отличала неравномерность в социально-экономическом развитии. Хорватия обладала сравнительно развитой промышленностью и сельским хозяйством, что делало её более самостоятельной в отношении других регионов.

Главным толчком для формирования хорватской националистической организации стало введение 6 января 1929 г. королем Александром Карагеоргиевичем чрезвычайного положения и установление монархической диктатуры с целью устранения политического кризиса и сохранения территориальной целостности КСХС. Была отменена Конституция 1921 г. Запрету подлежали политические партии, были усилена цензура, проводились репрессии в отношении оппозиции. Деятели партии права пришлось бежать за границу и действовать на нелегальном положении. На территории фашистской Италии 7 января 1929 г. была создана хорват-

ская революционная организация усташей. Она носила крайне правый, шовинистический, расовый характер. Общая численность усташей насчитывала свыше тысячи человек [2, с. 251].

7 января 1929 г. был принят устав, согласно которому основной целью организации провозглашалось становление Хорватии в качестве независимого государства в её исторических территориях всеми возможными методами. С обретением независимости государства усташа должны были обеспечить его безопасность. В уставе было закреплено организационное устройство, состоящее из Збирова, Табора, Логора, Стожера и Главного усташского стана. Главный усташский стан являлся высшей организационно-иерархической ячейкой, в которой была сосредоточена управленческая работа. Согласно пункту III устава, каждый хорват, способный к борьбе, разделяющий принципы хорватской революционной организации, мог стать повстанцем. От него требовалось принятие присяги и выполнение всех на него возлагающихся обязанностей [3].

Оформление усташской организации завершилось в 1932 г. Газета «Усташа» (с хорватского языка «повстанец») использовалась для пропаганды националистических и расистских идей. Издание пыталось представить небольшую террористическую организацию как массовое движение хорватского народа. Усташа планировали вести борьбу как легальными, так и нелегальными методами. Обращаясь к Лиге Наций, усташа планировали привлечь страны Западной Европы для решения проблемы хорватской независимости, ссылаясь на право самоопределения народов. Террористическая деятельность осуществлялась усташами с целью дестабилизировать обстановку в Югославии и поднять «народное» восстание. На переговоры с югославской властью усташа идти отказывались.

Первоначальная деятельность движения заключалась в установлении контактов с хорватскими эмигрантами и представителями стран Австрии, Венгрии, Болгарии, Германии и Италии. Усташа на территориях соседних с Югославией стран планировали организовать лагеря для ведения подрывной деятельности. Австрия и Болгария отказывались сотрудничать с усташами, в отличие от Германии, Италии и Венгрии, которые разрешили их деятельность на своей территории. Правители этих стран, используя усташей, рассчитывали удовлетворить свои территориальные претензии к Югославии. В 1932 г. на территории Германии был создан центр усташей, в котором происходила подготовка и вербовка новых членов, выпускались газеты «Хорватская пресса» и «Независимое государство Хорватия». Италия и Венгрия предоставили свои территории для размещения лагерей усташей, где велись вербовка членов, планирование операций, обучение основам террористической войны и пропагандистской работы. Источниками пополнения организации стали рабочие и крестьяне хорватского происхождения, уехавшие на заработки в соседние страны. Террористические операции усташа проводили по следующему плану: с территорий Италии и Венгрии отряды террористов проникали на территорию Югославии, устраивали взрывы в казармах и на железных

дорогах, производили убийства представителей закона и государственных служащих [4, с. 115–122].

В 1932 г. усташи предприняли попытку поднять восстание на территории Хорватии ограниченными силами. С территории Италии был перебросен отряд, который в ночь с 6 на 7 сентября атаковал пост местной жандармерии вблизи хорватского города Госпич. Отряд усташей в ходе боя, длившегося около получаса, получил серьёзный отпор и вынужден был отступить.

Самой известной операцией усташей было спланированное в 1934 г. при участии спецслужб Третьего рейха и фашистской Италии убийство короля Югославии Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту в Марселе. Целью убийства было недопущение создания системы коллективной безопасности в Европе, о чём планировали договариваться король Александр и Барту. В этой операции усташа действовали в союзе с Македонской революционной организацией, которая также занималась террористической деятельностью на территории Югославии. После убийства Александра Карагеоргиевича Лига Наций потребовала прекратить деятельность усташей на территориях Германии, Италии и Венгрии. Были закрыты лагеря вербовки и обучения, сам Анте Павелич и часть его соратников были арестованы, в дальнейшем находились под домашним арестом.

Становление и развитие усташского движения происходило на фоне политики унификации в КСХС и обострения сербо-хорватских отношений. Усташа поставили перед собой цель сделать Хорватию независимой при помощи террористических методов, а также сотрудничества с фашистскими странами. Известный акт терроризма 1934 г. привел к изоляции и ослаблению усташского движения. Следующий этап активной террористической деятельности и геноцида против себского народа пришёл на период оккупации Югославии странами Оси.

Библиографический список

1. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. В. Никифоров. Москва: Индрик, 2011. 888 с.
2. Фрейдзон, В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). Санкт-Петербург: Алетей, 2001. 320 с.
3. Устав Усташе (1932) [Српска енциклопедија]. URL: http://srpskaenciklopedija.org/doku.php?id=устав_усташе_1932 (дата обращения: 28.11.2023).
4. Беляков С. С. Усташа: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. 324 с.

© Берестов А. А., 2023

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ТЕРРОРИСТА

Бондарева Екатерина Сергеевна,

Валов Иван Николаевич,

студенты

*Научный руководитель: Лебедев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена криминологической характеристике личности преступника-террориста в целях разработки эффективной стратегии борьбы с террористическими актами.

Ключевые слова: *террорист, личность преступника, борьба с терроризмом.*

На сегодняшний день терроризм является глобальной проблемой всего человечества. Новости о террористических преступлениях всё чаще транслируются в СМИ, интернете и иных источниках, что порождает тревогу граждан, их опасение за свою жизнь и приводит к сильному психологическому давлению. Для успешного противодействия терроризму необходим статистический анализ, сбор, детальный учёт и обобщение сведений о личности террориста, изучение причин и условий, способствовавших совершению террористической деятельности.

В. Е. Эминов считает, что личность преступника – это группа негативных личностно-структурных психических качеств, свойственных для преступника конкретной криминальной направленности [2, с. 291].

В процессе изучения данной темы (было исследовано более 100 уголовных дел террористической направленности, совершённых в РФ в период с 1997 по 2022 годы) нами были определены такие качества и свойства личности преступников, как социально-демографические (возраст, пол, уровень образования, социальная принадлежность), социально-психологические (мировосприятие, морально-нравственные ориентиры), уголовно-правовые (общественная опасность, наличие прошлых судимостей, рецидив).

Исследование социально-демографических свойств личности указывает на то, что большинство преступников-террористов относятся к возрастной категории 18–25 лет (около 40 % от всех преступников) [4]. На втором месте находится группа 26–30 лет (около 30 %). Третье место занимают подростки 14–17 лет (всего 4 %). На последнем месте расположилась категория лиц старше 50 лет (около 2 %), которые чаще всего выполняют подготовку и вербовку террористов, не принимая участие в активных мероприятиях. На основании приведенной статистики можно сделать следующий вывод: лицу, совершающему террористический акт, необходимы специфические навыки, опыт, поэтому ведущее положение здесь занимают более зрелые, психически сформированные люди.

Значительное большинство преступлений террористического характера совершено представителями мужского пола – 95 %. По статистике, процент насильственных преступлений, совершенных мужчинами, всегда выше. Вопрос такой закономерности достаточно дискуссионный, но в первую очередь объясняется тем, что подготовка и совершение насильственного преступления, в том числе террористического акта, требует отличной физической подготовки, которая у мужчин, как правило, выше.

По роду деятельности преступники-террористы делятся следующим образом: основную по численности массу составляют безработные – 72,3 %. Данная группа состоит из инвалидов, нетрудоспособных граждан, лиц без постоянного источника дохода, официально неработающих и т. п. На втором месте находятся рабочие – 26,2 %. Последнее место занимают студенты – 1,5 %. На основании этого можно прийти к следующему заключению: безработные чаще попадают в непростые жизненные ситуации, которые приводят к социальной изоляции, материальным трудностям и психологическому давлению, что подталкивает их на совершение преступления.

Необходимо также сказать о том, что 84 % преступников совершали террористические акты на той территории, где они проживали постоянно. Это говорит о том, что формирование личности террориста и показатели преступности напрямую зависят от политических, демографических и социально-экономических характеристик регионов, где проживают преступники-террористы. Всего 15 % преступников совершили террористический акт не в месте своего постоянного проживания, 1 % составили беженцы, переселенцы и лица без гражданства.

Исследование социально-психологических свойств личности указывает на то, что мотивами совершения преступлений являлись религиозные (43 %), политические (13 %), научные (7 %), моральные (32 %), правовые (5 %) убеждения.

Интересно мнение известного психотерапевта и психолога В. Леви, который в интервью «Независимой газете», посвящённом событиям на Дубровке, выделил 12 основных типов личностей террористов и людей, расположенных к терроризму:

1. Фанатик идеи, «миссионер». Джохар Дудаев – типичный образчик. Много представителей этого типа было в рядах первой волны российских революционеров конца XIX – начала XX века.

2. Мститель. Движущий мотив – личная вражда и месть – за себя, друзей, родных, страдания, потери и поправное достоинство своей нации или единоверцев. Чаще всего это женщины и подростки.

3. Сценарист-режиссер – тип, близкий к фанатику, но более уравновешенный и хладнокровный, занятый не столько идейным обеспечением и эмоциональной энергетизацией, сколько планированием и продумыванием террористического акта. Лидер, предпочитающий оставаться в тени.

4. Нарцисс. Типаж откровенного боевого лидера, самолюбующегося и тщеславного бойца-храбреца. Для него характерно самоупоение при

полном презрении ко всему и вся. Очень самоуверенный и способный, до мании величия.

5. Ущербный. Часто встречающийся типаж, всегда присутствующий в террористических и преступных группировках. Неудачливый и боязливый человек, с низкой самооценкой, ведомый, со слабо развитым личностным началом. Такой человек преодолевает собственный страх и чувство неполноценности через причастность к агрессивно действующей группе и запугивание других.

6. Садист. Агрессивная страсть к убийству, насилию, разрушению и устрашению преобладает над всем. Основной способ эмоционального удовлетворения – террор, вызывающий даже сексуальные эмоции. Если собираются вместе 2–3 террориста или преступника-убийцы, то один из них с большой вероятностью садист, а другой – мазохист-камикадзе.

7. Мазохист-камикадзе. Этот древнейший тип террориста фигурирует во многих художественных произведениях и исторических хрониках, описан и Ф. М. Достоевским в «Бесах» (Кириллов). Ведущий мотив – иррациональное чувство вины и влечение к саморазрушению, страданию и самоубийству. Самопожертвование ради «высокой идеи» – фактически только удобное оправдание для реализации стремления к смерти. Родствен с типом Зомби.

8. Актер, истерик-позер. Главное стремление – сыграть роль и произвести эффект, стать знаменитым любой ценой.

9. Игрок, он же Авантюрист. Движущий мотив – наркотическая страсть к экстремальным ситуациям, к риску.

10. Технар. Для этого почти все равно, кого и зачем убивать, отравлять, взрывать, облучать, давить и т. п. Главное средоточие помыслов и внимания – не цель теракта, а его средство.

11. Зомби. Тип идеального исполнителя смертоносных заданий. Действует как запрограммированный автомат, однонацеленный робот. Гипнотически подчиняется начальнику, страшно работоспособен и предельно внушаем. При выполнении заданий невероятно бесстрашен, сообразителен и быстр, в жизни же чаще всего неприспособленный, безликий и пришибленный субъект, близкий к типу Ущербного.

12. Отморозок, он же Зверь-заработчик. Абсолютно безнравственный, хищный и эмоционально тупой. Работает на хозяина за ожидаемое вознаграждение, грубо корыстен [3].

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что террористические преступления реализуются конкретными лицами, поэтому сведения о характерных чертах преступников-террористов играют важную роль при проведении оперативно-розыскных мероприятий, при расследовании преступлений, при ведении переговоров с преступниками. Полученные в ходе научно-исследовательской работы результаты о криминологических характеристиках личности преступника-террориста в дальнейшем могут применяться при планировании и разработке образовательных, психологических, контртеррористических мер противодействия террористической преступности.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. Москва: Проспект, 2018. С. 300–312.
2. Кудравцева В. Н., Эминов В. Е. Криминология: учебник. Москва: Юристъ, 1997. С. 280–291.
3. Савицкая Н. М. «Норд-Ост» – психологический портрет событий // Независимая газета. 2002. № 55.
4. Отчеты Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации ф. 11.1 «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2023 гг.» // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.12.2023).

© Бондарева Е.С., Валов И.Н., 2023

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К КАТОЛИЦИЗМУ КАК ПРОФИЛАКТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Ведерников Алексей Александрович,
студент

*Научный руководитель: Асочакова Валентина Нестеровна, доктор исторических наук,
доцент, профессор кафедры истории Института истории и права
ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия*

Статья посвящена анализу политики, проводимой государством по отношению к католицизму, в период правления Екатерины II.

Ключевые слова: католицизм, религиозная политика Екатерины II, религиозный экстремизм.

В современном мире происходит множество конфликтов на религиозной почве. Основная их цель – стремление определенных групп людей к изменению мира в соответствии с религиозными фундаменталистскими взглядами. Одним из проявлений непринятия системы традиционных для общества ценностей, норм морали и права, а также агрессивная пропаганда «идей», действующая под видом влечения к религии, является религиозный экстремизм.

Религиозный экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти [1].

В целях профилактики религиозного экстремизма в Российской империи в разные периоды государством проводилась политика интеграции в общество различных религиозных направлений. Политика веротерпимости, проводимая российскими императорами в XVIII в., позволила объединить общество и избежать его раскола, укрепить государственность и влияние власти в целом.

Рассмотрим религиозную политику Российской империи в период правления Екатерины II по отношению к католицизму – одной из неправославных христианских конфессий.

Жена Петра III, пришедшая к власти путем свержения мужа с престола и известная всем как императрица Екатерина II, до замужества была немецкой принцессой и имела имя София Августа Фредерика Ангальт-Цербст-Дорнбургская. Время правления Екатерины II обычно называют в исторической науке эпохой просвещенного абсолютизма. При Екатерине II католикам в нашей стране был дан «зеленый свет», потому что это «продолжало и развивало политику Петра I в отношении инославных религиозных общин» [2, с. 80]. Между Российской империей и Римом был заключен конкордат, которым определялись условия дипломатических отношений со Святым Престолом, вопросы церковной собственности, назначения католических епископов и прочее.

В своем законодательном труде «Приказ о комиссии по выработке уложения» (1765–1767) императрица провозгласила принцип религиозной свободы. Статья № 124 «Хартии о правах и преимуществах городов Российской империи» гласит: «Свободное вероисповедание разрешено людям нерелигиозным, иногородним и иностранцам, как уже установлено и подтверждено памятью. Мудрые русские правители, наши предки и мы сами; Да, все народы, живущие в России, прославляют Всемогущего Бога на разных языках по закону и религии своих предков, благословляют наше царствование и молятся Создателю Вселенной об увеличении благосостояния и укреплении силы Всероссийской Империи» [3, с. 54].

При Екатерине II законодательно было позволено парам венчаться в любой церкви, крестить детей в выбранной вере по взаимному согласию родителей, веротерпимость обрела разумный характер.

Первый храм в столице лютеране построили в 1575 г., католики – в 1692 г. Во времена правления Екатерины II в Санкт-Петербурге на Невском проспекте был построен католический костел св. Екатерины Александрийской. Пастырскую деятельность в приходе св. Екатерины Александрийской изучали (и продолжают изучать) представители католического монашеского Доминиканского ордена проповедников. Св. Екатерина Александрийская, в честь которой был освящен храм, является, наряду с Марией Магдалиной, покровительницей Доминиканского ордена. Легенды о святой складывались веками и во многом являются результатом почитания, оказываемого ей в Средние века. Самые ранние упоминания о святой относятся к VIII–IX вв. По легенде, Екатерина была одной из святых, чей голос слышала Жанна д'Арк.

В 1789 г. французы, жившие в прежней столице Российского государства, подали прошение Екатерине II о разрешении построить католический храм. С позволения императрицы в Москве, в районе Малой Лубянки, была построена деревянная церковь, освященная в 1791 г. во имя французского короля Людовика IX Святого. Церковь св. Людовика Французского – единственный католический храм в Москве, действовавший в годы советских гонений.

Основной особенностью правления Екатерины II по отношению к католицизму было стремление подчинить себе управление Римско-католической церковью в Российской империи по образцу того, как сделал это ее предшественник, царь Петр I, который подчинил себе православную церковь.

К конкретным шагам в этом направлении можно отнести создание Екатериной II без ведома папского престола Белорусской римско-католической архиепархии с резиденцией в Могилеве. Папа был против такого произвола, но позже он подтвердил права Могилевской архиепархии.

14 декабря 1772 г. Екатерина II издала указ, в соответствии с которым папские буллы были обязаны получить ее высочайшее одобрение, прежде чем они будут опубликованы в России.

Таким образом, во времена правления Екатерины II и в последующем – при некоторых других русских императорах Российская империя взаимодействовала с Римом исключительно по вопросам веры. Административные вопросы внутри католической церкви в России решала только императрица. Было решено, что община католиков должна избрать лидера и восемь синдигов для ее поддержки и решения финансовых проблем. Екатерина II решила, что необходимо открыть школу для детей-католиков, где могли бы учиться дети православных родителей. Императрица, кроме того, освободила католическую собственность от городских налогов и потребовала от католических священников не заниматься прозелитизмом. Рим не мог в Российской империи назначать католических священников и не мог распоряжаться церковным имуществом Римско-католической церкви. Разумеется, такая политика не была признана легитимной папским престолом, так как подрывала первенство Рима в духовных делах на Руси.

В 1772 г. Речь Посполитая впервые была разделена. Между Российской империей, Прусским королевством и Австрией был подписан договор, по которому к Российской империи отошли часть Ливонии и часть Белоруссии, включая районы Витебска, Полоцка и Мстиславля. Россия внезапно получила более миллиона католических подданных, среди которых были как представители латинского обряда, так и униаты. В последующем еще дважды, в 1793 г. и 1795 г., происходил раздел территорий, в результате чего Польша полностью потеряла свою государственность, а польское гражданство было отменено. После третьего раздела Речи Посполитой восемь миллионов католиков стали гражданами Российской империи. В результате такого значительного прироста католического населения в Российской империи была образована католическая иерархия. Екатерина II в 1774 г. для католических церквей в России «учредила институт католического епископата с центром в Могилеве» [4, с. 191]. Все католические церкви и монастыри (бенедиктинские, иезуитские, доминиканские, францисканские и проч.) были оставлены в неприкосновенности. После 1795 г. в Российском государстве действовало около 10 000 католических церквей и 400 католических монастырей.

В связи с появлением большого количества официально действующих католических учреждений на западных границах России католические проповедники появились на исконных русских землях. К концу века было распространено служение священников и латинских монахов священниками в столичных храмах, они также нашли возможности служить учителями и библиотекарями в частных дворянских домах, открыли учебные заведения.

В 1795 г. были образованы три католические епархии: Белорусская, Лигачевская и Пинская. Во главе российских католиков стоял архиепископ Могилевский, который одновременно являлся Митрополитом всех Римско-католических церквей епархий.

Несмотря на то, что государство практически взяло католицизм под свою защиту, что привело к его фактическому и юридическому включению в многоконфессиональную структуру страны, в религиозной политике Российского государства существовал принцип «очередности» вероисповедальной политики и дифференцированный подход к каждой конфессии. При этом католики рассматривались как «не поддающиеся русификации и православизации», поэтому являлись первоочередным объектом нападок. На протяжении нескольких столетий в российском правительстве преобладала антикатолическая политическая идеология – антикатолицизм, носивший не столько религиозный, сколько политический характер.

Исходя из опыта исторического прошлого, можно сделать следующие выводы. Россия всегда была многоконфессиональной страной; грамотно выстроенная политика государства, веротерпимость по отношению к различным религиям способна объединить общество, укрепить государственность, избежав при этом проявления религиозного экстремизма. В современной России предоставление дополнительных свобод некоторым религиозным объединениям дает толчок к последующему развитию многоконфессиональности государства, позволяет быстрее адаптироваться в российском обществе переселенцам, относящимся к различным конфессиям. Но вместе с тем государством проводится политика предупреждающего характера, позволяющая предотвратить потенциальные угрозы и риски, снизить уровень конфликтности вероисповедных систем, принять своевременные решения, руководствуясь политическим реализмом.

Библиографический список

1. Религиозный экстремизм // Официальный сайт Правительства Камчатского края. Елизовский муниципальный район. URL: <https://www.kamgov.ru/emr/news/religioznyj-ekstremizm-29808> (дата обращения: 03.12.2023).
2. Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007.
3. Лиценбергер О. А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовые положения. Саратов, 2001.
4. Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. Ч. 1. Москва, 1996.

© Ведерников А. А., 2023

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Винтер Валерия Евгеньевна,

студент

*Научный руководитель: Лебедев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье выделяются особенности терроризма как мировой угрозы, подчеркивается необходимость международного сотрудничества в целях противодействия терроризму.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, международное сотрудничество, глобальная проблема современности.

Современная международная обстановка характеризуется нестабильностью ввиду увеличения числа актов терроризма, приобретающего всемирный характер. Россия столкнулась с фактами проявления терроризма на собственной территории и в ближнем зарубежье. Последние события доказали, что Россия и мировое сообщество не в силах противостоять угрозам терроризма.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», терроризм – это идеология насилия и практика влияния на принятие решения государственными или международными органами, сопряженные с устрашением населения и другими формами противоправных насильственных действий [2].

Еще в конце XIX – начале XX веков терроризм приобрел характер мировой проблемы, превратившись в оружие, большую силу устрашения и уничтожения в непримиримом и вечном споре различных культур, миров, религий, идеологий и мировоззрений. Он стал первоочередной проблемой – опасной, сложной, острой и трудно прогнозируемой, приобретающей различные формы и угрожающей человечеству.

В эпоху глобализации террористическая деятельность обладает рядом признаков:

- терроризм – опасная преграда для решения межнациональных, социальных, международных и религиозных конфликтов, уничтожающая политические и правовые гарантии, международные, межгосударственные, общественные, социальные и политические отношения;

- ликвидация границ между внутренним и международным терроризмом. Многие террористы обучаются преступной деятельности в специальных лагерях и базах других стран, получают требуемую техническую и материальную поддержку, тактическое руководство, экстремистское духовное воспитание, при этом нередко с поддержкой властных структур, оказывающих ее для реализации своих геополитических интересов;

- сотрудничество с международными сектантскими и экстремистскими группировками, обширно пропагандирующими и развертывающими

ми информационную войну с применением разных СМИ против традиционных религиозных представителей;

– тактическая, техническая, ресурсная, организационная и информационная подготовка для совершения преступных деяний на международном и национально-региональном уровнях;

– завладение любой ценой химическим и биологическим оружием, оружием массового поражения, секретными разработками;

– рост терактов с применением энергоинформационного оружия, наркотических и одурманивающих веществ, появление терминов «наркотерроризм» и «наркодиверсия». Террористы взаимодействуют с наркоторговцами для извлечения прибыли и применения данных веществ при совершении терактов и коррекции поведения жертв и членов группы;

– акты терроризма имеют целью устрашение социума в целом [3, с. 165–167].

Проблема терроризма представляет реальную угрозу для мирового сообщества, обладая собственной спецификой, отличающей ее от иных общечеловеческих кризисов. При этом проблема терроризма тесно связана со многими глобальными международными проблемами, поэтому она не рассматривается лишь как самостоятельный феномен, а превращается в важный составной элемент общей военно-политической глобальной проблемы, сопряженной с базовыми вопросами войны и мира, от решения которой зависит дальнейшее существование человечества.

Уголовным кодексом РФ предусмотрена ответственность за совершение террористических преступлений: за террористический акт, захват заложника – пожизненное лишение свободы (ст. 205, 206 УК РФ); за содействие террористической деятельности – лишение свободы на срок до 15 лет (ст. 205.1 УК РФ); за публичные призывы к терроризму или его оправдание – лишение свободы на срок до 5 лет (ст. 205.2 УК РФ); за заведомо ложное сообщение об акте терроризма – лишение свободы на срок до 3 лет (ст. 207 УК РФ); за организацию объединения, посягающего на личность и права граждан – лишение свободы на срок до 2 лет (ст. 239 УК РФ) [1].

Решение глобальной проблемы терроризма – общее дело всего мира. Человечество должно выработать результативные формы сотрудничества, позволяющие всем странам действовать сообща, несмотря на различия социально-политических, религиозных, этнических мировоззрений, чему будет способствовать опора на общечеловеческие ценности, в частности, гуманизм.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
2. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта; 2023. 13 июля.
3. Кафган В. В. Противодействие терроризму: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 261 с.

© Винтер В. Е., 2023

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Галкина Наталья Викторовна,

студент

*Научный руководитель: Степанов Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена проблеме эволюции подходов к реализации народом своего права на самоопределение и сохранение культуры коренного населения.

Ключевые слова: самоидентификация, народ, этнический состав, национальность, коренное население, защита, сохранение.

Работающие над проблемой права на самоопределение исследователи часто считают, что его реализация принадлежит основным субъектам этого права, а именно народам. Такое понимание в немалой степени основано на общей направленности международно-правовых документов. Так, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации исходит из разделения двух форм права на самоопределение: «внутреннего», согласно которому «все народы имеют право беспрепятственно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие без вмешательства извне», и «внешнего», предполагающего, что «все народы имеют право свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия и с учетом примера освобождения народов от колониализма, а также запрещения подвергать народы иностранному порабощению, господству и эксплуатации» [1, с. 123–124].

Россия по форме своего государственного устройства является конституционно-правовой федерацией, в которой, наряду с Основным Законом, действует Федеративный договор о разграничении предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами, подписавшими этот документ (Татарстан, Башкортостан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия – Алания и некоторые другие республики). Автономия в РФ (автономная область и автономный округ) построена по национальному признаку, с учетом этнического состава и воли населения, проживающего на соответствующей территории, его численности, уровня и перспектив социально-экономического и культурного развития, других факторов [5, с. 172–173].

Десятки народов Российской Федерации обрели высокую степень самостоятельности, реализовав на практике свое право на самоопределение. В процессе развития многоэтнической государственности с неизбежностью обозначаются тенденции к пробуждению национальных чувств и даже стремление к обособлению, доминированию одних этносов над другими.

Серьезными факторами, препятствующими нередко успешному развитию межнациональных отношений, являются, как это хорошо видно из практики становления современной России, предпринимаемые при участии третьих стран попытки разрушения духовно-нравственных ценно-

стей, продвижение идей национализма и сепаратизма, а также масштабный миграционный поток, вызывающий подчас вытеснение коренного населения из сферы экономической деятельности и усиление нагрузки на образовательные и медицинские учреждения, коррумпированность органов власти и имущественное расслоение общества [3, с. 28].

Вместе с тем обнажающаяся со временем острота противоречий объективно закладывает основы и для поисков взаимоприемлемых решений, внутренней консолидации этносов, их нарастающего (в конечном счете) сближения. И весьма показательно, что в ходе заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, состоявшегося 30 марта 2021 г., четко обозначалось легитимное использование концепции российской нации, призванной обеспечивать комфортное существование и равенство гражданских прав, наряду с русскими, миллионов граждан другой этнической принадлежности в одном государстве – «большой России» [4].

Автономные округа как субъекты РФ, являющиеся национальными государственными образованиями, отличаются особым этническим составом, укоренившимися традициями и бытом, отличительной чертой которых является наличие больших территорий с непропорциональным масштабам территории количеством населения, включающим несколько народностей [6, с. 4]. Нельзя недооценивать вклад регионов РФ в развитие федеральных стандартов, идущих по пути дополнения и развития прав в сфере образования и культуры в конституциях (уставах) и законах субъектов России, способствующих сохранению малочисленными этническими общностями самобытности, языка, обычаев и традиций.

В последние десятилетия защита коренных народов стала одним из основных направлений деятельности международных организаций в области прав человека. Это объясняется тем, что кодификация прав человека в настоящее время имеет чрезвычайно насыщенную регламентацию, а защита уязвимых групп находится в центре внимания международных структур. Сохранение коренных народов и защита их культур во всем мире неоспоримы и возможны лишь в том случае, если заинтересованные государства и международное сообщество предпримут совместные усилия в этом направлении.

Библиографический список

1. Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48). Доклад комитета по ликвидации расовой дискриминации. 1996. Официальные отчеты ГА ООН. 51-я сессия. Дополнение № 18 (A/81/18). URL: <file:///C:/Users/111/Desktop/N9625740.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).
2. Алебастрова И. А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // *Lex russica*. 2017. № 1. С. 39.
3. Добрынин Н. М. Российский федерализм. Становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск, 2005.
4. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252>. (дата обращения: 27.11.2023).

5. Конституционное государственное право зарубежных стран: учебник для бакалавров / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2019. С. 296.
6. Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 768.

© Галкина Н. В., 2023

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Зинатулин Тимур Артурович,
студент

*Научный руководитель: Тарасова Ольга Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства*

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Казань, Республика Татарстан

В статье рассматриваются особенности проявления терроризма как противоправного деяния, идеология которого заключается в насильственном принуждении. Средством достижения террористами поставленных целей становятся единичные акты, представляющие общественно опасное деяние и приобретающие в последнее время глобальный характер.

Ключевые слова: терроризм, виды терроризма, террористический акт, особенности проявления терроризма.

Ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» гласит, что терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1]. Из этого понятия можно сделать вывод о том, что терроризм имеет целью нарушение общественной безопасности и воздействие на решения государственных, федеральных, региональных и местных органов власти, дестабилизацию государственной власти. По своей сути терроризм – это «средство приобретения власти, террористический акт воздействия на население с целью устрашения и подрыва действующей власти» [4, с. 118].

Можно выделить следующие основные виды терроризма:

- политический, направленный на предотвращение или совершение действий, относящихся к государственному устройству;
- религиозный, который проявляется в нетерпимости к представителям различных конфессий;
- националистический, выражающийся в признании превосходства одной расы или нации над другой;
- технологический (является наиболее опасным видом терроризма), заключающийся в использовании или угрозе использования различных видов оружия, например, ядерного и химического;
- кибертерроризм, заключающийся в дезорганизации различных автоматизированных информационных систем, создающих опасность по отношению к обществу;

– криминальный, заключающийся в использовании уголовными преступниками методов насилия и устрашения, заимствованными из практики террористических организаций.

Большое количество видов террористических актов объясняется разносторонностью людей, которые каким-либо образом являются участниками террористической деятельности, а также огромным числом причин, по которым подобные акты возникают. Например, политический терроризм может возникнуть из-за действий государственных органов, к которым отрицательно относится общество, а националистический – из-за противостояния наций, которых не удовлетворяет культура и быт друг друга. Разумеется, для расследования каждого из видов терроризма характерна своя тактика [5, с. 28].

Ю. П. Зинченко, К. Г. Сурнов, А. Ш. Тхостов считают, что терроризм является одним из ключевых элементов нарастающего хаоса и конца истории существования демократического строя в государствах. Авторы предполагают, что терроризм можно оценивать как форму экономической, военной, политической, противоправной и иной деятельности, целью которой будет являться реализация определенных задач. С их точки зрения, терроризм имеет экономические и религиозные истоки [3, с. 22]. Под экономическими истоками стоит понимать нужду в денежных средствах для реализации своих целей и потребностей, а под религиозными – противостояние религиозных групп (православие, протестантство, католицизм, ислам, буддизм, иудаизм, индуизм и т. д.). К тому же появляются новые религиозные течения и объединения, такие как антропософия, «Новое мышление», «Телема» и т. д. Такое большое количество различных объединений в очередной раз подтверждает разносторонность людей как личностей, что обусловлено разными характерами и индивидуальностью.

Террористическая деятельность почти всегда носит групповой характер, так как основой для объединения подобных групп является чувство социальной несправедливости. В. С. Агеев говорит, что социальная несправедливость – это такой вид несправедности, который взаимосвязан с групповой принадлежностью человека, то есть это всегда несправедность во взаимоотношениях между социальными группами. Таким образом, это не межличностная, а межгрупповая проблема [2, с. 42].

В целом можно выделить следующие особенности проявления терроризма. Первая особенность связана с мотивацией. Террористы могут быть мотивированы политическими, религиозными, этническими или идеологическими причинами. Каждая из этих мотиваций имеет свои специфические характеристики и цели, и это определяет форму и методы террористической деятельности. Например, политический терроризм направлен на изменение политического положения или достижение определенных политических целей, в то время как религиозный терроризм использует насилие во имя религиозных убеждений.

Вторая особенность проявления терроризма связана с выбором целей. Это могут быть государственные учреждения, военные объекты, ту-

ристические места, международные организации, аэропорты, транспортные средства и т. д. При выборе целей террористы ориентируются на их значимость и символическую ценность для создания наибольшего эффекта страха и паники среди населения.

Третья особенность проявления терроризма связана с использованием насилия и соответствующих тактик. Террористы обычно используют тактики, которые позволяют им добиться наибольшего эффекта и привлечь внимание общества и СМИ: использование взрывных устройств, захват заложников, убийства, террористические акты на транспорте, массовые атаки и т. д. Террористические группы также могут использовать психологические и информационные методы для манипулирования общественным мнением и создания страха среди населения.

Четвертая особенность проявления терроризма связана с его глобальным характером. Террористические организации связаны с транснациональной преступностью, наркоторговлей и торговлей оружием, что делает их еще более опасными, а противодействие им – более сложным.

В заключение хотелось бы отметить, что террористическая деятельность, хотя и имеет продолжительную историю, сегодня представляет собой принципиальное новое явление. Терроризм представляет угрозу политической системе каждого государства, так как его сущность есть создание всеобщей атмосферы устрашения и дестабилизация деятельности органов власти.

Библиографический список

1. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта; 2023. 13 июля.
2. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие (социально-психологические проблемы). Москва, 1990. 240 с.
3. Зинченко Ю. П., Сурнов К. Г., Тхостов А. Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 2. С. 20–34.
4. Тарасова О. Е., Машукова Е. С. Понятие террористического акта в науке и законодательстве // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 21 октября 2021 года / науч. ред. Н. А. Никиташина: отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2021. С. 115–120.
5. Новгородский В. С., Тарасова О. Е. Криминалистика: учебное пособие. Абакан: Хакаский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2020. 124 с.

© Зинатулин Т. А., 2023

ЭКСТРЕМИСТСКАЯ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕТО-НЕМЕЦКОЙ ПАРТИИ

Ионов Александр Андреевич,

студент

Научный руководитель: Баранцева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой истории Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассмотрена экстремистская и террористическая деятельность Судето-немецкой партии, основной целью которой являлась дестабилизация политической обстановки в Чехословакии с целью отсоединить Судетскую область в пользу Германии.

Ключевые слова: Судеты, Чехословакия, Германия, подрывная деятельность, экстремизм, терроризм.

Чехословакия, получившая независимость после окончания Первой мировой войны 28 октября 1918 г., являлась осколком распавшейся Австро-Венгерской империи. Согласно переписи населения 1930 г., на территории нового многонационального государства оказалось более 3 миллионов (29,5 % населения) судетских немцев [1, с. 34]. Это было общее название для всех немцев в границах Богемии, Моравии и Чешской Силезии.

На территории Судетской области образовались немецкие спортивные, культурные, музыкальные, профессиональные общества, союзы ветеранов войны. Они выступали за воссоединение с Германией или предоставление немецкому меньшинству автономии. На политическом уровне эти идеи выражались Судето-немецким патриотическим фронтом, образованным 1 октября 1933 г. и переименованным позднее в Судето-немецкую партию (далее – СНП). Лидером партии был Конрад Генлейн – школьный учитель физкультуры, который в 1931 г. возглавлял Судето-немецкую гимнастическую ассоциацию. Сначала он выступал с автономистской повесткой, а позднее переметнулся на сторону нацистской Германии, ведя активную пропаганду за воссоединение с ней Судетской области, умело используя демагогические приемы и антигосударственную агитацию для увеличения числа единомышленников [2, с. 212]. Это позволило СНП 19 мая 1935 г. победить на парламентских выборах, набрав 1 249 530 голосов [3, с. 112], и получить 44 депутатских кресла в Национальном собрании Чехословакии.

При поддержке германских средств СНП начала протестную акцию против мнимого угнетения этнических немцев [4, с. 3]. Чехословакия гарантировала права и свободы группам национальных меньшинств, населяющих ее. Представители немецких партий вплоть до 1935 г. участвовали в работе правительства страны. В культурном плане действовали немецкие школы, публиковались большими тиражами газеты на немецком языке. И все же судетские немцы жаловались на сокращение их школьных учреждений, на «чехизацию» пограничных областей [5, с. 63]. Живущие в пограничных районах чехи отметили, что 4 сентября 1935 г. активисты СНП оказывали на них устрашающее воздействие. Президент

Чехословакии Эдвард Бенеш активно выступил против экстремистских выходок СНП и старался отгородить их от политической жизни. Он в 1936–1937 гг. посетил немецкие районы и обещал децентрализацию страны. 21 февраля 1937 г. между чехословацким правительством и представителями немецкой общественности была заключена договоренность, по которой им гарантировались государственные субсидии для преодоления последствий экономического кризиса, помощь безработным, прием на государственную службу, содействие культурным учреждениям. СНП резко отвергла соглашение немецкой общественности с властью. На партийном слете в Ауссиге 28 февраля 1937 г. Генлейн заявил, что крайне возмущен соглашательством отдельных немцев, и потребовал от правительства национальную автономию [2, с. 212–213].

Тем временем международная обстановка становилась все более сложной и напряженной. Осуществив аншлюс Австрии, Германия приступила к агрессии против Чехословакии. 28 мая 1938 г. Гитлер сказал, что Чехословакия должна исчезнуть с карты Европы, чтобы «освободить тыл Германии для наступления против Запада» [4, с. 3].

7 сентября 1938 г. в Моравской Остраве была организована провокация. Сторонники Генлейна устроили беспорядки, выразившиеся в нападении на представителей чешской национальности. Власти Чехословакии для наведения порядка ввели подразделения конной полиции. Главным в этой акции являлось привлечение внимания Германии к конфликту [6, с. 352].

12 сентября 1938 г. Адольф Гитлер на партийном съезде НСДАП в Нюрнберге заявил: «Немцы в Чехословакии – не безоружны и не покинуты». В ночь с 12 на 13 сентября 1938 г. в областях, где проживали судетские немцы, начались массовые акции террора против чешского населения и представителей государственной власти. Мятеж охватил 70 населенных пунктов, главным образом в западных районах страны. Он был быстро подавлен. Потери противоборствующих сторон 14 сентября составили 13 погибших и 61 раненых с чешской стороны, 10 погибших и 14 раненых – с немецкой; на 17 сентября, когда путч окончательно провалился, – 16 погибших с чешской стороны, 11 – с немецкой. Деятельность СНП властями Чехословакии была запрещена, Генлейн сбежал в Германию, откуда 17 сентября призвал к созданию Судето-немецкого фрайкора – боевого формирования, которое должно было вести террористическую деятельность.

На территории Германии был сформирован 41 батальон общей численностью около 35 тыс. человек. Оперативное руководство фрайкором осуществляло Верховное командование вермахта. В представленном лично Гитлеру 27 сентября отчете о деятельности фрайкора говорилось о проведенных им 260 успешных акциях, в ходе которых был убит 51 представитель чешского населения, 1 249 – похищены и переправлены через границу в Германию. Собственные потери боевиков исчислялись в 32 погибших и 61 раненых. На 1 октября эти цифры выросли: 110 убитых со стороны чехов, 2029 – «пленных» (так характеризовались лица, насильственно пере-

правленные в рейх), собственные потери: 52 убитых, 65 раненых, 19 пропавших без вести. Со своей задачей Судето-немецкий фрайкор справился. Ситуация вокруг Судетской области стала напряженной, что привело к проведению 29–30 сентября 1938 г. встречи представителей Германии, Италии, Англии и Франции в Мюнхене, на которой было принято решение передать Судетскую область в подчинение Германии [7, с. 12–13].

Таким образом, террористическая и экстремистская деятельность Судето-немецкой партии носила враждебный по отношению к чешскому населению характер. Прямое участие в этом принимала нацистская Германия, которая стремилась любыми средствами достичь политического влияния в Европе.

Библиографический список

1. Трухачев В. В. Выселение судетских немцев и современные отношения Чехии и Австрии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 1. С. 31–44.
2. Серапионова Е. П. Эдвард Бенеш и мюнхенский кризис // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 205–223.
3. Приступа Н. Н. К вопросу о парламентских выборах 1935 г. в Чехословакии // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений): материалы международной научной конференции, Витебск, 11–12 ноября 2008 года / редкол.: В. А. Космач [и др.]. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2008. С. 111–113.
4. Наринский М. М. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 23–47.
5. Полунин Е. С. Немецкие национальные меньшинства и диаспоры после Первой мировой войны: послевоенные реалии и антиверсальские настроения // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие: сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции, Воронеж, 16–17 мая 2018 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. С. 54–70.
6. Клеванский А. Х. Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. Москва: Издательство «Наука», 1988. 576 с.
7. Арцыбашев В. А. Мюнхен–38. На пороге катастрофы: каталог историко-документальной выставки. Москва: Кучково поле Музеон, 2018. 160 с.

© Ионов А. А., 2023

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кулаева Екатерина Александровна,

студент

*Научный руководитель: Тарасова Ольга Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства*

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Казань, Республика Татарстан

В статье изучается становление и развитие антитеррористического законодательства в отечественной истории. Автор указывает, что зарождение норм об ответственности за терроризм произошло еще во времена древнерусского государства.

***Ключевые слова:** терроризм, экстремизм, антитеррористическое законодательство, террористический акт.*

Изучение правовой сущности террористического акта как одного из тяжких преступлений современности невозможно без анализа эволюции данного явления в истории развития антитеррористического законодательства. Такой анализ поможет выработать наиболее эффективные методы и способы правового обеспечения противодействия терроризму и изучить не только сам терроризм как политическое, криминологическое и правовое явление, но и его «идеологическую, нравственную, психологическую, этнокультурную сущность» [6, с. 115].

История развития отечественного антитеррористического законодательства охватывает довольно большой период, несмотря на то, что борьба с терроризмом актуализировалась в только в XX в. В научных кругах существует два мнения по поводу законодательной регламентации ответственности в сфере терроризма. Одни ученые считают, что корни террористических актов можно найти еще в Древнерусском государстве. Так, О. В. Будницкий в качестве террористического акта рассматривает убийство братьев Бориса и Глеба, которые были князьями на территории Древней Руси. По его мнению, многие великие русские князья получали трон и власть путем физического устранения своих предшественников. В таких убийствах прослеживается политическая мотивация преступлений, присутствуют отдельные признаки террористического акта, поэтому ученый рассматривает эти преступления в качестве своеобразного «прародителя» современного теракта [1, с. 172].

Другие ученые резко критикуют предыдущую точку зрения, высказывая мнение о том, что о террористическом акте можно говорить лишь как о явлении XX в. Свое мнение исследователи аргументируют тем, что к современному пониманию террористического акта подходят лишь деяния, совершенные в прошлом веке, тем более что и ответственность в этот период приобрела более четкую регламентацию [4, с. 2]. Тем не менее проведенный нами анализ правовых отечественных норм в сфере ответственности за терроризм показывает, что данное явление имеет более глубокие корни, и не следует о нем говорить как о явлении лишь прошлого столетия.

Обратим свое внимание на первый законодательный акт на территории Древней Руси – Русскую правду. Уже в нем можно найти статьи, устанавливающие ответственность за убийство представителя княжеской княжеского рода или княжеской администрации. Эти положения были развиты и в Псковской и Новгородской грамотах (XIII–XV вв.). В Судебнике 1497 г. выделяются преступления государственного характера; среди них есть особо опасные, такие как убийство государя, боярина. Наказания устанавливались за «лихое дело», то есть за деяние, которое были совершено с целью изменить государственный порядок. В Судебнике 1550 г. законодатель устанавливает наказание в виде смертной казни для государственного убийцы, в ст. 61 непосредственно сказано: «государ-

ственному убийце живота не дати, казнити смертною казнею». Таким образом, хотя во времена Московского государства в законодательстве мы не находим прямого указания на такое преступление, как террористический акт, тем не менее предусматривается ответственность за посягательство на жизнь монарха, которое по сути можно рассматривать как преступление террористического характера.

Наиболее активно нормы, предусматривающие ответственность за преступления против установленного государственного строя, стали развиваться в период с XVIII по XIX вв. Толчком данной эволюции стали дворцовые перевороты, ряд государственных заговоров, в том числе и восстание декабристов. Уже в XVI в. появляется разъяснение по поводу прямого умысла на совершение преступления, что стало важным этапом в развитии законодательных норм в отношении совершения государственных преступлений.

В XIX в. начинается новый отсчет в развитии антитеррористического законодательства. Отправной точкой, по мнению одних ученых, стало покушение Д. Казакова на российского императора 04 апреля 1866 г. [2, с. 204]. Другие считают, что начало положило покушение на жизнь генерала Трепова народниками по главе с В. Засулич 24 января 1878 г., что вызвало целый ряд посягательств и репрессий [3, с. 112]. В целом не важно, что послужило толчком в развитии законодательных норм, главное, что уже в Уголовном уложении 1903 г. встречаются термины, касающиеся террористических преступлений, – «взрыв», «взрывчатое вещество», предусматривается ответственность в виде ссылки на поселение или на каторгу за создание политических сообществ, преследующих цель свержения монарха. И хотя сам термин «террористический акт» в Уложении отсутствовал, предусматривалась ответственность за совершение преступлений террористического характера. Так, Е. А. Капитонова приводит следующие примеры: «совершение убийства, в том числе и главы иностранного государства, путем заготовления взрывчатого вещества или снаряда (ч. 2 ст. 457), посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола (ст. 99)» [5, с. 18].

В это же время был принят документ, который регламентировал сыскную работу по предотвращению террористических актов. 18 августа 1881 г. было принято Положение «О мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия», в соответствии с которым появился политический сыск в системе Департамента полиции, занимающийся розыском и разоблачением политических преступников. Вводилась жесткая цензура корреспонденции, секретный штат агентов и т. д. Но надо отметить, что в Российской империи терроризм был, скорее, средством идеологической борьбы, создание террористических организаций было целью, а не средством борьбы. Так молодые люди выражали свои социальные, идеологические и моральные взгляды. Зачастую это был образ жизни и образ благородной смерти. В таких организациях за-

рождались революционные взгляды, поэтому в последующее время и появилось выражение «революционный терроризм» [7, с. 28].

Таким образом, можно выделить первый этап в формировании законодательства, предусматривающего ответственность за террористический акт – период Российской империи, законодательство которой повлияло на дальнейшее формирование института уголовно-правовой ответственности за рассматриваемое деяние.

Библиографический список

1. Будницкий О. В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 171–176.
2. Будницкий О. В. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 204–209.
3. Бородин А. М. Терроризм и современность // Право и образование. 2011. № 3. С. 112–131.
4. Гриб Н. Н. Криминологические аспекты противодействия терроризму в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2005. 28 с.
5. Капитонова Е. А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 10–24.
6. Тарасова О. Е., Машукова Е.С. Понятие террористического акта в науке и законодательстве // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 21 октября 2021 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2021. С. 115–120.
7. Мусаелян М. Ф. Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI – начало XX в.) // История государства и права. 2018. № 13. С. 27–30.

© Кулаева Е. А., 2023

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА-ТЕРРОРИСТА

Мосман Иван Александрович,

студент

*Научный руководитель: Лебедев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу личности террориста, характеристике видов и типов террористов.

Ключевые слова: терроризм, личность преступника-террориста.

Личность террориста всегда привлекала внимание ученых. В настоящее время нет подробного описания личности террористов, при этом различная информация по этой теме очень важна для понимания мотивов терроризма.

Чтобы своевременно и эффективно предотвращать террористические акты, органам власти, неправительственным организациям и ассоциациям,

занимающимся антитеррористической деятельностью, необходимо более детально изучить личность террористов и определить их психологический профиль, поскольку таким образом они могут выявить причины и цели преступной деятельности террористов, а главное, определить состояние психики и условия возникновения психического состояния человека с негативными социальными взглядами.

Если дать общую характеристику личности террористов, можно сделать вывод, что это люди, которым трудно адаптироваться к социальным нормам и правилам. Зачастую они уверены в себе, в своем превосходстве над другими [1, с. 58].

К сожалению, очень сложно составить точный портрет террориста-преступника, который обладает рядом социологических и психологических характеристик, присущих только ему. Террористов, как и всех преступников, нельзя отнести к одному типу, поскольку терроризм появляется и развивается в результате устойчивых социальных и личностных процессов. Универсального террориста не существует. Учитывая это правило, можно выделить только наиболее часто наблюдаемые психологические характеристики террористов. Следовательно, любая попытка исследования таких типов и классификаций является условной.

Наука пытается выделить несколько типов людей, которые способны на террористический акт. Основные типы – это террорист-фанатик, или религиозный фанатик, и террорист-революционер, или террорист-профессионал [2, с. 5].

Криминологические характеристики и классификация террористов тесно связаны с классификацией типов и видов терроризма. Если изучать историю развития этого явления за рубежом и в нашей стране, то террористов можно разделить на несколько групп:

- 1) идейные террористы;
- 2) индивидуальные террористы;
- 3) криминальные террористы.

Идейный террорист относится к «классическому» типу террористов. Его главной характеристикой является идейность, которая проявляется в определенной одержимости политической, религиозной или национальной идеей. Для современной России этот тип террориста нетипичен.

Индивидуальные террористы – это лица с психическими особенностями, которые побуждают их совершать террористические акты.

Криминальные террористы – это бывшие преступники, которые отбывали наказание за насильственные преступления, уже были осуждены и теперь сформировали вооруженную террористическую группу. Основное различие между этой категорией террористов и двумя первыми заключается в том, что у этого типа преступников-террористов нет идеологической мотивации, их действия основаны на личных интересах.

Современный террорист, как правило, агрессивен, отчужден, неоднократно судим, имеет значительный криминальный опыт, низкий уро-

вень образования и полное отсутствие духовных и идеологических устремлений [3, с. 3].

Описывая террориста, зачастую называют признаки, по которым его можно узнать в толпе. Одежда с широкими рукавами используется для сокрытия взрывчатых веществ, взрывных устройств, которые часто прикрепляются к телам террористов, что приводит к визуальному несоответствию размеров головы и тела. Чтобы полностью скрыть устройства, всегда надевают верхнюю одежду, которая не соответствует сезону и погоде. Одежда серых тонов, нет ярких деталей, могут использоваться аксессуары в виде усов и солнцезащитных очков.

Террористом-смертником часто является мужчина, и, чтобы изменить свою внешность, он может сбрить бороду, усы или, наоборот, отрасить и подстричь волосы в предполагаемую дату теракта.

Террорист-женщина, как правило, надевает длинную юбку, также может надеть куртку не по погоде. Взрывное устройство часто маскируется под беременность.

В качестве внешних признаков лица, планирующего совершить террористический акт, называют заторможенную реакцию, бледное лицо, приоткрытый рот, так как некоторые читают молитву пред совершением взрыва. Террорист может резко дергаться и поворачивать голову, боясь слежки.

Обобщая вышесказанное, можно создать криминологический портрет террориста, согласно короткому часто террористами выступают люди, не имеющие высшего образования, ранее совершавшие преступления и отбывшие наказания преимущественно за насильственные преступления. Вместе с тем невозможно определить универсальный тип террориста, хотя можно выделить определенные признаки, характеризующие террористов.

Библиографический список

1. Волкова Н. С. Психология личности террориста-смертника // Символ науки. 2016. № 7. С. 118–120.
2. Качалов В. В., Баранчикова М. В. Терроризм как глобальная проблема современности // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 58–60.
3. Макарян Т. А. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста // Вестник экономической безопасности. 2011. № 1. С. 5–7.

© Мосман И. А., 2023

ЭТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭКСТРЕМИЗМА

Никиташина Наталья Александровна,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых
и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права*

Лисица Валерий Николаевич,

*доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых
дисциплин Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия,

Мельникова Татьяна Витальевна,

*доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права*

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Красноярский край

Статья посвящена исследованию понятия и признаков этического экстремизма. В последнее время средства массовой информации достаточно часто используют данный термин, однако юридической науке он почти не известен, в отличие от других видов экстремизма. Авторы предлагают свое видение этического экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, этический экстремизм, мораль, нравственность.

Как справедливо отмечает ряд исследователей, «в значительной степени проблема экстремизма имеет духовно-нравственные корни» [6], поскольку экстремистская деятельность в любом ее проявлении опирается на такие нравственные установки, как свобода слова, необходимая для пропаганды демократических ценностей, и свобода совести, которая допускает плюрализм идеологий. Однако это лишь видимость, в действительности этические ценности используются экстремистами для манипуляции общественным сознанием в собственных целях, не имеющих ничего общего с заявленными. Более того, сама идеология экстремизма зиждется на установках:

- нетерпимости к другим идеологиям;
- представления о собственной идеологии как единственно верной;
- деления общества на две группы: «своих» и «чужих», верных идеологии и не верных ей;
- допущения «двойных стандартов» к «своим» и «чужим»;
- агрессивной активности, оправдания крайних методов борьбы с целью достижения лучшего мира;
- преобладания деструктивных задач над конструктивными в данной борьбе [2, с. 260].

О. С. Соина характеризует данный подход как «тотальную гипертрофию моральных оценок, претендующих выступать в качестве единственно возможного способа отношения к реальности и с абсолютной безусловно отменяющих все иные (внеморальные) ее состояния» [7, с. 6–7].

Однако, по мнению И. Д. Мальцагова, «экстремизм по своей природе всегда носит политический характер», аналогичные явления, не име-

ющие политической подоплеки, – религиозный фанатизм, инакомыслие в культуре, нетрадиционные формы борьбы за охрану окружающей среды и т. п. – это «иные социально-психологические явления» [4, с. 203]. Не можем согласиться с данным утверждением: многие явления могут проявляться в разных сферах жизни общества, обретая в те или иные исторические моменты политико-правовой характер или не имея такового, несмотря на свою массовость и деструктивность. Так, с XIV до XVII века дуэли были массово распространены в высшем обществе, но не рассматривались как преступление против государства, и лишь когда это явление стало угрожать боеспособности страны, монархи стали повсеместно вводить за него суровое наказание (смертную казнь). Более того, одно и то же явление может иметь разные формы, как законные, так и противоправные, например, лоббизм [3].

Экстремизм – настолько разноплановое явление, что вполне может иметь и разные варианты своего проявления, виды, одни из которых будут лежать вне политики, другие приобретут политико-правовой характер.

Одним из видов extremismа можно считать этический экстремизм, в данный момент слабо исследованное явление. Проявлениями такого экстремизма можно считать буллинг (травля), в том числе в интернете (кибербуллинг), троллинг (провокация) в соцсетях и проч. Так, Л. А. Терских и Л. С. Бобришева, вводя в научный обиход, возможно, не вполне удачный термин «морально-этический терроризм», понимают под ним «изошренность в своих поступках и действиях, граничащую с безумием (фанатизмом), доводящую до состояния экстремистских проявлений» [8], направленную не на физическое уничтожение человека, а на его духовно-нравственное развитие, и имеющую цель деморализовать личность, внушить ей тревожность в собственной безопасности (запугать), ложное чувство вины, одиночества, никчемности собственного существования, «морально растоптать», публично унижить. Когда данное явление приобретает массовый характер, оно способно исказить (перевернуть, поколебать) этические ценности общества, заставить ответить агрессией на агрессию, породив порочный замкнутый круг. В данный момент мы можем отнести этический экстремизм к явлениям бытового уровня, на политической арене он не столь развит, что не означает, что он не может оказывать негативного влияния на общественное сознание в целом.

В то же время содержание этического экстремизма во многом соответствует абз. 4 п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: «пропаганда превосходства либо, наоборот, неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности, а также связанное с этим нарушение прав, свобод и законных интересов гражданина РФ» [1], исключая форму подачи информации – пропаганда.

Подводя итог, можно отметить, что любой вид экстремизма или экстремизм в целом отрицает существующие (признанные) в обществе нормы и правила, не только моральные, но и иные: правовые, религиозные,

политические, экологические и др. И, так как экстремизм имеет идеологическую основу, т. е. собственные установки и правила, он крайне радикальными методами стремится вытеснить официальные нормы и правила, заняв их место.

В зависимости от сферы воздействия на общественные отношения экстремизм можно подразделить на виды: этический, религиозный, экологический, этический и т. д. Не все виды экстремизма будут иметь политический характер, однако это не означает, что относящиеся к ним явления не повлекут юридических последствий. Не обязательно и то, что те или иные, экстремистские по своей сути, явления, не будут отнесены к преступлениям экстремистской направленности. Так, ранее мы уже писали о таком явлении, как потребительский экстремизм [5]. Во многом это связано с тем, что термин «экстремизм» имеет узкое (политико-правовое) и широкое значения. В широком значении под экстремизмом понимаются любые радикальные воззрения и действия.

Этический экстремизм – это внушение неполноценности человека по признаку его инаковости, которая может быть связана не только с воззрениями и увлечениями, но и с внешним видом, интеллектуальными или иными способностями и т. п., унижение человеческого достоинства.

Библиографический список

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля; 2022. 30 дек.
2. Бидова Б. Б. Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 259–260.
3. Васильева С. В. Правовое регулирование лоббизма и иные механизмы продвижения частных интересов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. С. 72–80. КиберЛенинка [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-lobbizma-i-inye-mehanizmy-prodvizheniya-chastnyh-interesov> (дата обращения: 01.10.2023).
4. Мальцагов И. Д. Классификация экстремизма по видам и формам // Евразийский научный журнал. 2016. С. 203–204. КиберЛенинка [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-ekstremizma-po-vidam-i-formam> (дата обращения: 02.12.2023).
5. Никиташина Н. А. Потребительский экстремизм как разновидность экстремизма // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / научный редактор Н.А. Никиташина, отв. редактор В.Н. Козлова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. С. 67–71.
6. Симонова С. А., Зубашенко Я. В. Этический аспект деятельности российских студенческих отрядов в борьбе с экстремизмом в молодежной среде // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы XII Международной научной конференции. Москва – Шуя, 04–05 июля 2019 г. Москва: Издательство: Ивановский государственный университет, 2019. С. 187–188.
7. Соина О. С. Феномен русского морализаторства: Этические очерки. Новосибирск: Наука, 1995. 196 с.
8. Терских Л. А., Бобрищева Л. С. Морально-этический терроризм: миф или реалии XXI века? // О некоторых вопросах и проблемах психологии и педагогики: сборник

научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 2014. 144 с. URL: <https://izron.ru/articles/o-nekotorykh-voprosakh-i-problemax-psikhologii-i-pedagogiki-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-1-obshchaya-pedagogika-istoriya-pedagogiki-i-obrazovaniya-spetsialnost-13-00-01/moralno-eticheskii-terrorizm-mif-ili-realii-khkh-veka/> (дата обращения: 02.12.2023).

© Никиташина Н. А., Лисица В. Н., Мельникова Т. В., 2023

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

Троякова Юлия Константиновна,

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу деятельности общественных организаций этнической направленности по реализации основных направлений государственной национальной политики Российской Федерации на примере Республики Хакасия. Рассматриваемая деятельность общественных организаций реализуется в русле задач, обозначенных в Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. и других стратегических документах, принятых Президентом РФ.

Ключевые слова: общественные организации, государственная национальная политика, экстремизм, Стратегия, Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, Республика Хакасия.

В нынешних обстоятельствах геополитического противостояния России и Запада возникает потребность в усилении консолидации сил общества и государства в решении важнейших экономических, социальных и культурных задач, в том числе профилактики и противодействии терроризму и экстремизму. Особую роль в этом процессе играют институты гражданского общества, прежде всего общественные организации этнической направленности. Данные институты занимают в особое место в нашей стране, выступая одновременно субъектом и объектом государственной национальной политики.

В Республике Хакасия проживают представители более ста этнических общностей, наиболее крупными из которых являются русские, хакасы, немцы, украинцы, татары и др. В этом смысле наш регион является полиэтническим и многоконфессиональным. На территории республики действует множество общественных объединений этнической направленности, из них более девяти выражают этнокультурные интересы хакасского народа.

Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия участвует в реализации национальной, конфессиональной и информационной политики, регулировании и межведомственной коор-

динации в сфере межэтнических и государственно-конфессиональных отношений. Министерство осуществляет свою деятельность в тесном взаимодействии не только с соответствующими федеральными органами исполнительной власти, республиканскими органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, но и с религиозными, общественными объединениями и другими организациями, находящимися на территории Республики Хакасия.

В министерстве ведется системная работа по реализации стратегических и иных документов федерального значения. Так, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. разработана в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации, а также в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Указа Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1]. Экстремистская деятельность, осуществляемая радикальными общественными, националистическими, этническими, религиозными и иными организациями и объединениями, является одним из основных источников угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [2]. Данный акт определяет цели, приоритеты, принципы, задачи, основные направления государственной национальной политики Российской Федерации, а также механизмы и инструменты ее реализации [2].

В русле действующих документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации Министерством разработаны планы мероприятий по реализации намеченных целей и задач, указанных в Стратегии. В качестве одного из инструментов реализации целей и задач Стратегии была разработана в 2020–2021 гг. подпрограмма «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия» государственной программы «Региональная политика Республики Хакасия». В рамках данной подпрограммы были выделены средства из бюджета республики на проведение более 70 мероприятий в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, языковой политики, социальной и культурной адаптации иностранных граждан. Сохранение стабильного развития межэтнических и межрелигиозных отношений в регионе – главная задача деятельности Министерства.

Общественные организации этнической направленности, как, впрочем, и другие организации, находящиеся на территории Республики Хакасия, с целью укрепления межнационального и межконфессионального согласия в регионе систематически проводят различные мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи и противодействию распространению идеологий экстремизма и терроризма в регионе. Особая роль в выполнении данной миссии принадлежит лидерам национальных и об-

ественных движений, религиозных организаций. Представители общественных организаций этнической направленности принимают активное участие в работе конференций, семинаров, форумов, круглых столов.

В 2014 г. при Правительстве Республики Хакасия был создан совещательный и консультативный орган – Координационный совет по межнациональным отношениям. Данный орган образован в целях конструктивного взаимодействия органов государственной власти Республики Хакасия и местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций по различным вопросам, включая и те, которые связаны с реализацией государственной национальной политики в Республике Хакасия. Ежегодно члены Координационного совета обсуждают вопросы предупреждения межконфессиональных и межэтнических конфликтов, терроризма и экстремизма. Также обсуждаются меры по недопущению возникновения на территории Республики Хакасии очагов напряженности на межэтнической почве.

Можно сделать вывод о том, что деятельность общественных организаций этнической направленности по реализации основных направлений государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Хакасия носит комплексный характер. Их работа в целом способствует межкультурному диалогу, профилактике терроризма и экстремизма в регионе.

Библиографический список

1. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 29 мая (дата обращения: 02.12.2023).
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666: в ред. Указа Президента РФ от 06 дек. 2018) г. № 703 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2012. 19 дек.; 2018. 07 дек. (дата обращения: 02.12.2023).

© Троякова Ю. К., 2023

МАССОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ОБЩЕСТВА

Тышита Елена Владимировна,

*кандидат политических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу природы массовых политических настроений. Автор исследует процесс зарождения, выявляет причины появления экстремистских воззрений, изучает способы формирования политического сознания. В статье исследуется цикличность массовых политических настроений, предлагаются этапы воздействия на них.

Ключевые слова: политическое сознание, экстремистские воззрения, массовые политические настроения.

Наиболее общее определение категории «экстремизм» подразумевает под собой приверженность крайним взглядам, способам реализации своих целей. Политический экстремизм – это тип политической активности, которая выражается в стремлении граждан воплотить в жизнь свои политические воззрения, в том числе с помощью насильственных методов. Дабы не допустить крайних форм экстремистской деятельности, государственным органам и общественности необходимо иметь рычаги влияния на процесс формирования воззрений, которые в будущем могут привести к негативным последствиям. Вследствие данных обстоятельств весьма актуальным является исследование массовых политических настроений общества с целью противодействия экстремистским деяниям.

Одним из факторов как формирования экстремистского мировоззрения, так и борьбы с подобным явлением является способность субъекта власти (государственного или негосударственного) влиять на процесс формирования политического настроения в обществе. Если подходить к изучению категории массовых политических настроений с позиции структурного анализа, то для нас представляется интересным соотношение следующих компонентов: политическое сознание, политическая культура и политическая система.

В российской политической науке наиболее часто встречается трактовка политического сознания как массового сознания общества по отношению к вопросам, имеющим политическое значение. Таким образом, «множеством является масса, а одну из ведущих «макроформ» функционирования ее сознания называют массовые настроения» [2, с. 376]. Политические настроения являются одной из первых реакций политического сознания на какое-либо событие, его первоначальной оценкой.

Если подходить к трактовке категории «политические настроения» с позиции бихевиоризма (поведенческого подхода), то данное понятие характеризуется как глубинные компоненты политического сознания, существенная часть политической культуры, действующей на людей, вызывающая то или иное политическое поведение.

С позиции политической психологии массовые политические настроения – это весьма однородная для большого количества людей субъективная когнитивно-сигнальная реакция, особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие удовлетворенность или неудовлетворенность социально-политическими условиями.

Политические настроения являются следствием пересечения двух факторов: 1. Притязания (ожидания) людей, массовые потребности. 2. Реальные условия жизни. Активная политическая позиция возникает в тот момент, когда ожидания и притязания людей вступают в конфликт с объективной реальностью. В качестве примера можно привести «Арабскую весну» в начале 2010-х гг., Майдан 2014 г., революцию 1917 г. Первоначальная реакция, как правило, бывает в форме переживаний. Она может принимать абсолютно различные формы: от ненависти к тем, кто создал данное противоречие (сознание), до восторга в адрес тех сил, ко-

торые, по их мнению, способны разрешить данное противоречие. На данном этапе не происходит анализ методов достижения этих целей. Главную роль играют лозунги. Например, в России в 1917 г. воззвания большевиков «Земля крестьянам!», «Мир без аннексий и контрибуций!». Для украинского Майдана основным лозунгом был «Україна це Європа». Люди на украинских площадях не задумывались, а Европа «хочет Украину» или нет, и если хочет, то для чего. На данном этапе у народных масс, как правило, полностью отсутствует рефлексия.

Формирование массовых политических настроений представляет собой некое циклическое развитие. Если социально-политические или социально-экономические потребности не удовлетворяются, то настроения, в том числе и экстремистского характера, будут развиваться по спирали. К тому же следует отметить, что, с одной стороны, это двигатель развития (без мотивации нет деятельности). Если общество ничего не требует от политической системы, данное общество развиваться не будет. С другой стороны, политические настроения – это источник беспокойства любой власти: как только ожидания сильно отрываются от реальности, возникают оппозиционные настроения. Как демонстрируют исторические примеры, если власть стремится к массовой поддержке населения, то с большой долей вероятности произойдет «взвинчивание» притязаний масс. В качестве доказательства можно привести деятельность Временного правительства в России в 1917 г., или историю Речи Посполитой. Чем выше претензии населения, тем более глубокой становится разница между ожиданиями и реальностью, тем более высокой становится массовое недовольство, порождающее оппозиционные настроения. Цикл развития массовых настроений включает в себя несколько этапов: зарождение настроений (брожение, слухи, ролики в интернете, посты в социальных сетях); накопление и кристаллизация (систематизация, появляются лозунги); максимальный подъем (возможны массовые действия (Арабская весна, Майдан); разрешение (смена власти) либо спад настроений. В итоге возможен новый подъем.

Динамичность политических настроений связана с быстротой перехода от настроений к осознанным мнениям, оценкам и действиям. Формы политических настроений:

- люди чего-то хотят, но молчаливо переживают;
- то, на что надеются, могут выразить вербально;
- готовы отстаивать;
- привыкли считать своим, никому не отдадут.

Политические настроения весьма противоречивы. С одной стороны, они являются отражением объективной реальности, с другой – способны активно влиять на эту реальность. Помимо вышесказанного, политические настроения весьма идеологизированы, однако податливы идеологическому воздействию. На одно и то же событие возможны абсолютно различные настроенческие реакции. Это зависит от информированности людей, способности анализировать и рефлексии конкретного человека.

Помимо этого, данные настроения сильно зависят и от внешних факторов. Допустим, третье лицо (возможно, и государство) придает массовому недовольству конкретный вектор. Например, США в 2001 году, используя ситуацию 11 сентября, сумели преодолеть гедонистические настроения своего населения, найти образ «врага» в лице международного терроризма и направить внутреннее недовольство граждан социально-экономическими и социально-политическими проблемами вовне.

Возможности воздействия на массовые настроения лежат в двух плоскостях. С одной стороны, это влияния на притязания и ожидания народных масс (условно, «не надо желать большего, когда враг рядом», «где-то хуже, чем у нас»). С другой стороны, эффективной является возможность власти реализовать некие притязания граждан (но не слишком много, иначе потребности могут взлететь на недостижимую высоту). Комплексно-политическое воздействие этих двух групп факторов выражается в манипуляциях притязаниями социально-политического либо социально-экономического характера. Стабилизация настроений связана с уравниванием притязаний с возможностями их достижений. Совпадение притязаний и возможностей, реальное или иллюзорное, вызывает рост массового энтузиазма. Например, последние годы периода 1980-х гг. (завершающий этап перестройки): «Как отпустим рубль, уничтожим старую систему, все будет хорошо».

Для того чтобы у власти была возможность успешного воздействия на массовые настроения, в том числе в сфере борьбы с экстремизмом, необходимо опираться на анализ, включающий в себя несколько этапов.

1. Систематизация имеющихся в политической системе настроений. На этом этапе следует оценить степень расхождения массовых настроений с «нормативно-общественными», что позволит оценить степень политико-психологического единства общества.

2. Оценка доминирующих политических настроений как на соответствие общечеловеческим ценностям, так и исходя из интересов политической системы, проведение их соотношения между собой.

3. Выяснение причин возникновения настроений (откуда появились притязания), оценка возможности их реализации; перерастания в массовые политические действия.

4. Анализ стадий развития настроений, степени их выраженности и интенсивности, возможности перерастания их в политические действия (массовые выступления, акты проявления экстремизма).

5. Оценка широты охвата массовости, распространенности в конкретных социальных группах (возрастных, профессиональных, национальных и т. д.).

Библиографический список

1. Каринцев О. И., Мазур Е. Ю. Массовые настроения как политико-психологический феномен // Мировые цивилизации 2020. № 1–2. Т. 5. URL: <https://wcj.world/01psmz120.html> (дата обращения: 29.11.2023).
2. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001. 496 с.

© Тышта Е. В., 2023

СЛАБОСТЬ «ЖЕЛЕЗНЫХ МЕЧЕЙ»: ПОЧЕМУ ТЕРРОРИЗМ НЕ ПОБЕДИТЬ БОМБАРДИРОВКАМИ?

Удальцова Юлия Александровна,

кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

В статье анализируется проблема эффективности военно-силового подхода к противодействию терроризму на примере антитеррористической операции Израиля в секторе Газа 2023 года. Делается вывод о долгосрочных последствиях подобных антитеррористических операций для международной безопасности.

Ключевые слова: сектор Газа, Израиль, терроризм, антитеррористическая операция, палестино-израильский конфликт.

События октября 2023 года в секторе Газа напомнили миру об одной из ключевых угроз международной безопасности в XXI веке – терроризме. Однако симптоматично, что мир не сплотился для противостояния общему врагу. Напротив, с разных уголков планеты слышатся призывы к сдержанности и слова солидарности и поддержки израильской либо палестинской стороны [6]. Иными словами, в оценке текущей ситуации на Ближнем Востоке международная общественность как никогда далека от консенсуса.

Тот факт, что нападение на израильских граждан несёт в себе очевидные признаки террористической атаки, практически не вызывает сомнений. Бурная и противоречивая реакция мирового сообщества вызвана, скорее, ответом Израиля, который оказался, по меньшей мере, асимметричным и неизбирательным. В центре дискуссии о мерах противодействия терроризму должен оказаться вопрос о приемлемости антитеррористической операции, ставящей под угрозу жизни сотни тысяч людей, не причастных к террористической деятельности.

За 20 лет, прошедших с атаки 11 сентября, международное политическое и экспертное сообщество сформировало относительно консолидированный подход к противодействию терроризму. Один из ключевых его постулатов – отношение к терроризму как к тягчайшему преступлению, которому нет оправдания [1, с. 1]. Соответственно, борьба с терроризмом переносится в правовое поле, где государства обязуются преследовать террористов согласно закону, расследовать их преступления и предавать их суду для вынесения справедливого приговора. Общественная опасность террористических деяний при этом настолько высока, что правоохранительным и иным органам зачастую – гласно или негласно – предоставляется большая свобода в антитеррористических действиях. Другими словами, боевиков предпочтут ликвидировать, нежели арестовывать, особенно если речь идёт о реальной опасности для жизни большого количества гражданских лиц.

Тем не менее вышесказанное никоим образом не связано с проведением масштабных военных операций с участием регулярной армии, артиллерии, авиации и иных боевых подразделений. В первую очередь,

применение военных средств неизбежно влечет масштабный «сопутствующий ущерб». Особенно это актуально для небольшого по площади района, плотность населения в котором составляет более 5 тысяч человек на квадратный километр [7].

Более того, масштабная и, очевидно, финансово затратная операция Израиля может оказаться в принципе неэффективной в борьбе против терроризма. Например, по мнению А. Кортунова, научного руководителя РСМД, даже если израильская армия сможет разгромить ХАМАС в секторе Газа, то на его месте быстро возникнут другие фундаменталистские группировки [2]. Массовое насилие в отношении палестинцев не сможет помочь в искоренении терроризма на Ближнем Востоке. Это объясняется рядом причин.

Во-первых, отправной точкой перманентной нестабильности в секторе Газа является конфликтная ситуация вокруг проблемы государственного определения палестинских территорий. Отсутствие равноправного и открытого диалога между сторонами палестино-израильского конфликта, отсутствие даже самой явно выраженной приверженности мирному процессу приводит к росту взаимного недоверия. Население палестинской автономии, особенно сектора Газа, может ощущать недостаток гарантий собственной безопасности, что порождает различные формы сопротивления Израилю, в том числе и террористического фундаменталистского толка.

Во-вторых, что не менее важно, эскалация палестино-израильского конфликта всегда приводит к обострению межконфессиональных отношений. Наибольшая опасность кризиса в Газе состоит как раз в возможности разрастания религиозной войны. Антитеррористические методы Израиля только увеличивают пропасть между израильским и палестинским народами, вызывая антагонизм и радикализацию ислама, причем не только в Палестине, но и в других странах мусульманского мира.

В-третьих, антитеррористическая операция в Газе разрушает все основания мирной жизни палестинцев. Отталкиваясь от идеи о том, что обеспечение безопасности на долгосрочной основе невозможно без обеспечения устойчивого развития, можно сделать вывод, что Израиль сейчас активно разрушает материальные основания для урегулирования конфликта. Действия израильской стороны приводят к человеческим жертвам (в первую очередь, гражданским), огромному количеству беженцев и вынужденно перемещенных лиц, уничтожению гражданской инфраструктуры, масштабному материальному ущербу, разрушению сложившихся экономических и социальных связей. Таким образом, социально-экономические проблемы Палестины усугубляются, и возникает тенденция воспроизведения конфликтных отношений из поколения в поколение.

Таким образом, военная операция ЦАХАЛ не только не сможет побороть террористическую угрозу в секторе Газа, но и может вызвать всплеск террористической активности в других регионах мира, усугубляя проблему международного терроризма. Данный виток конфликта неиз-

бежно приведет к новым потокам беженцев за пределы ближневосточного региона, в том числе в Европу. При этом европейским обществам зачастую не удастся полноценно интегрировать вновь прибывших, они формируют собственные общины (или пополняют ряды уже существующих), создавая благоприятную социальную базу исламского радикализма и терроризма [3, с. 72].

Также следует отметить, что методы борьбы с терроризмом, применяемые Израилем, противоречат общепринятым международным стандартам противодействия терроризму. В частности, страны ОБСЕ официально заявили о своей убежденности в «необходимости устранять потенциальные предпосылки возникновения и существования терроризма, в частности, путем обеспечения полного уважения демократии и верховенства закона, предоставления всем гражданам возможности в полной мере участвовать в политической жизни, недопущения дискриминации и поощрения межкультурного и межрелигиозного диалога в своих обществах, вовлечения гражданского общества в поиск общего политического урегулирования конфликтов, утверждения прав человека и толерантности, а также путем борьбы с бедностью» [4, с. 29].

Отсюда, собственно, возникает множество вопросов относительно целесообразности проведения такой антитеррористической операции. Это, в свою очередь, позволяет подозревать наличие иных, официально не провозглашаемых мотивов действий Израиля. Борьба с террористами в данном случае может служить исключительно поводом к началу боевых действий. Израиль далеко не первый, кто использует «террористическую угрозу» для оправдания и легитимации своих внешнеполитических действий. Признание противоположной стороны конфликта влечет за собой признание наличия у неё собственных интересов, а также необходимости их учитывать при поиске взаимоприемлемого решения. Отождествление же своих оппонентов с террористами позволяет рассматривать их исключительно как цель для уничтожения. Ситуативно такой подход может иметь некоторые преимущества, однако в долгосрочной перспективе отдаляет мирное урегулирование конфликта, никоим образом не способствуя решению проблем безопасности в регионе.

В настоящее время получает распространение точка зрения о «возврате» мира к традиционным угрозам международной безопасности. Речь идет о межгосударственных конфликтах, где ключевая роль принадлежит противостоянию крупнейших военных держав [5, с. 206]. На этом фоне угроза международного терроризма меркнет, хотя, на самом деле, несколько не ослабевает. Скорее, меняется отношение к ней, в том числе из-за политических спекуляций «террористической угрозой». Это, в свою очередь, не позволяет государствам и мировому сообществу в целом адекватно на неё реагировать. Таким образом, проблемы безопасности, связанные, помимо прочего, с возрастанием реальной террористической угрозы, в ближайшее время будут усугубляться, в то время как мировому сообществу не достаёт действительно недискриминационного, консоли-

дированного и эффективного подхода к противодействию терроризму, свободного от двойных стандартов и политических спекуляций. Нарращивание военной мощи не может помочь усилить безопасность, оно ведет лишь к возникновению всё новых угроз.

Библиографический список

1. Решение № 1063. Консолидированная концептуальная база ОБСЕ для борьбы с терроризмом. PC.DEC/1063. PC Journal No. 934.
2. Картунов А. Война в Газе и будущее Ближнего Востока. 13 ноября 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyna-v-gaze-i-budushchee-blizhnego-vostoka/> (дата обращения: 02.12.2023).
3. Ермакова Э. В. Борьба с терроризмом в Европе: утопия или упущенная возможность // Theories and Problems of Political Studies, 2018. Vol 8, Is 1A
4. Борьба с терроризмом и защита прав человека. Руководство. БДИПЧ ОБСЕ, 2009.
5. Козюлин В. Б. Военная сила в международных отношениях: место для шага вперёд // Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И. С. Иванова, И. Н. Тимофеева, Е. О. Карпинской [и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД, 2023.
6. Война Израиля и ХАМАС. Главное. Палестино-израильский конфликт, 1.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/12/2023/65210b4f9a79478b503b3842> (дата обращения: 02.12.2023).
7. Нищета и рекордная безработица: жизнь в Секторе Газа до и после войны. Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cv23vpgv3keo> (дата обращения: 02.12.2023).

© Удальцова Ю. А., 2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТЕРРОРИСТА

Фасхудинова Мария Анатольевна,

студент

*Научный руководитель: Шведчикова Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена рассмотрению особенностей характера лиц, имеющих склонность к совершению терроризма; изучению психологических моделей личности террориста, выявлению целей и причин участия людей, в том числе и подростков, в террористических актах.

Ключевые слова: терроризм, психология, экстремизм, насилие, общество, психологический портрет террориста.

На сегодняшний день тема терроризма является актуальной для многих государств. Явление терроризма изучают многие науки: психология, философия, социология, политология, психиатрия и т. д.

Несмотря на то, что современные государства прикладывают немалое количество усилий для противодействия терроризму на территории всего мира, количество террористических актов не сокращается. Возникает вопрос, чем может быть обосновано данное явление, какова причина вступления на «чёрную тропу» множества людей.

Проявления терроризма влекут за собой массовые человеческие жертвы, разрушение духовных, материальных, культурных ценностей, которые невозможно воссоздать. Кроме того, терроризм порождает ненависть и недоверие между социальными и национальными группами [1]. Из этого следует, что основная цель терроризма – вызывание страха у общества, подрыв доверия граждан к власти государства, удовлетворение тех или иных потребностей и т. д.

В целях предотвращения терроризма перед государством стоит задача изучения психологии террориста, его определённых эмоциональных особенностей. Однако решить эту задачу крайне трудно по причине того, что в состав террористических организаций входят люди из разных слоёв населения, различных профессий, религий и убеждений [2].

Чтобы лучше изучить психологический портрет террориста, обратимся ко мнениям некоторых научных деятелей. Так, В. В. Витюк считает, что причиной терроризма являются свойственные для человека разрушительные инстинкты и агрессия, которая выражена у каждого человека по-разному [2].

М. И. Марьин и Ю. Г. Касперович выделяют несколько психологических моделей личности террориста:

Психопат-фанатик. У данного типа террористов крайне сужена сфера сознания, т.к. все его убеждения (религиозные, политические, нравственные, идеологические и т. д.) стоят на главном месте и не терпят какой-либо критики со стороны иных лиц. Такие люди уверены в себе и своих убеждениях, а также считают, что все действия, совершённые ими, принесут пользу для общества.

Фрустрированный человек. Чувство фрустрации, т. е. безысходности в определённой ситуации, многочисленные неудачи в достижении какой-либо цели влекут за собой стремление к достижению поставленных задач и целей с помощью агрессивных действий.

Человек из ущербной семьи. Здесь главную роль играет такой период жизни человека, как детство: жестокое обращение родителей, социальная изоляция влекут за собой формирование личности, имеющей склонность к агрессии к обществу [4].

Если говорить о главных качествах, которые должны присутствовать у человека при вступлении в террористическую организацию, то стоит выделить:

1. *Преданность.* В данном случае имеется в виду преданность цели, убеждениям, группировке и своим соратникам.

2. *Организованность.*

3. *Законспирированность.*

В целях изучения психологии террористов научные деятели опираются на типологию темпераментов, описанную Г. Айзенком, говорившим о существовании четырёх типов темперамента: холерик, сангвиник, флегматик и меланхолик. Среди террористов встречаются люди всех

названных темпераментов. Однако наиболее распространённым типом является «сильно невротизированный и экстравертированный холерик».

На самом деле, серьёзное психическое заболевание у террориста – редкость. Очень часто многие путают его с особенностями психологического мышления человека. К ним можно отнести:

- сверхсосредоточенность на защите своего «Я» путём агрессивных действий;
- низкая самооценка, расщепление личности, отсутствие чёткого своего «Я»;
- проецирование своих неудач на общество;
- потеря жизненной перспективы и социальная изолированность.

Как такие люди ведут себя в жизни? В большинстве случаев они, несмотря на высокий интеллект (который преобладает у многих террористов), имеют проблемы в учёбе или работе, неровное поведение, а также склонность к общению с асоциальными личностями.

Если изучить биографии террористов, то можно заметить частый элемент из их жизни – смерть родителей или же кого-то из родственников. Таким образом, человек преследует цель мести, вынесение своей агрессии на общество.

Если говорить о подростках, выбравших путь террориста, то основной причиной вхождения в террористическую организацию является эмоциональный дефицит, который начинает расти еще с «малого возраста». Вследствие эмоционального дефицита начинается период гиперкомпенсации.

Наиболее распространённое состояние террориста – состояние настороженности: постоянная готовность действовать – подтверждает присутствие лабильности в характере.

Психология террориста крайне противоречива. С одной стороны, человек желает отделить себя от целого мира, желая показать свою индивидуальность, с другой же – этот человек «втягивает» себя в рамки террористической организации: полностью подчиняется ей и её правилам, не замечая того, как становится «марионеткой», готовой на всё ради достижения цели. Такие крайности можно встретить и в иных вещах. Например, в отношении других людей: террорист видит их либо как жертву, либо как соратника, в то время как оружие или же предмет, способный им стать, либо как способ нападения, либо как способ защиты.

В логике террориста присутствуют две противоположные вещи: насилие и свобода. Человек делает для себя такое открытие, как: «получение свободы путём применения насилия». Такая политика позволяет террористическим организациям продвигать идею революции, созывая ещё большие массы народа.

Таким образом, психологический портрет террориста в настоящее время находится в процессе изучения. Однако в научной сфере уже сумели добиться результатов, которые показывают готовность государства к дальнейшему противостоянию с терроризмом, ведь статья 2 Федерального закона «О противостоянии терроризму» говорит о том, что противо-

действие терроризму в Российской Федерации строится на принципе обеспечения прав и свобод граждан [1]. К сожалению, уже доказано, что определённой характеристики будущего террориста нет, т. е. определить точно, станет ли конкретный человек террористом – невозможно. Однако мы можем найти схожие признаки характера у личностей, осуществлявших террористическую деятельность. Помимо этого, стоит учитывать влияние внешних факторов: окружение, политическая обстановка и т. д. Ясно одно: террорист – это, в первую очередь, человек, готовый в любой момент причинить вред окружающим, а следовательно, борьба с терроризмом – важная задача, требующая срочного вмешательства.

Библиографический список

1. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта; 2023. 13 июля.
2. Витюк В. В., Эфиров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / отв. ред. Г. В. Осипов; АН СССР, Ин-т социол. исслед. Москва: Наука, 1987. 315.[3] с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/view/01001355126?redirect=http%3A%2F%2Fdlib.rsl.ru%2Frs101001000000%2Frs1001355000%2Frs1001355126%2Frs1001355126.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).
3. Константинов В. В., Осин Р.В. Психология экстремизма и терроризма: учебное пособие для вузов. 2-е изд., пер. и доп. URL: <https://urait.ru/author-course/psihologiya-ekstremizma-i-terrorizma-532815> (дата обращения: 04.12.2023).
4. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / М. И. Марьин, Ю. Г. Касперович. Москва: Академия, 2007. 202 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/view/01003119670?redirect=http%3A%2F%2Fdlib.rsl.ru%2Frs101003000000%2Frs1003119000%2Frs1003119670%2Frs1003119670.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).

© Фасхудинова М. А., 2023

ПОНЯТИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Цыба Лада Сергеевна,

студент

Научный руководитель: Талимончик Валентина Петровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

Цель статьи – выявление основных признаков явления кибертерроризма для выработки международно-правовых средств борьбы с этим преступлением. В рамках работы использовались методы анализа и синтеза, проблемно-теоретический и формально-юридический методы. Предлагается устранить существующий пробел в праве посредством закрепления понятия «кибертерроризм» на международном уровне в разрабатываемой конвенции ООН по кибербезопасности с целью создания основы для определения механизмов борьбы с ним.

Ключевые слова: кибертерроризм, информационный терроризм, международное право, информационные технологии, информационные коммуникационные системы.

Результатом активного развития информационных технологий стало не только улучшение качества жизни человека, но и появление новых опасностей. Одна из них – информационный терроризм, или кибертерроризм.

Как отмечают специалисты, существует огромное количество организаций, основным направлением деятельности которых являются кибератаки информационных ресурсов [2, с. 385]. Использование террористами информационных технологий позволяет оказывать влияние как на индивидуальное, так и на групповое сознание [4, с. 31].

Кибертерроризм признан угрозой общественной безопасности на международном уровне Шанхайской организацией сотрудничества, принявшей в 2009 году Соглашение между правительствами государств – членов организации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, и Интерполом, запретившим использование информационно-коммуникационных технологий в террористических целях.

Основной проблемой в отношении кибертерроризма на сегодняшний день является отсутствие его общепринятого конкретизированного определения и закрепления на международном уровне данного деяния как отдельного от «обычного» терроризма вида преступления, обладающего специальными методами и инструментами совершения правонарушений. Это обстоятельство затрудняет процесс создания эффективных механизмов противодействия эволюционировавшей форме глобальной проблемы.

Новизна темы обуславливается недостаточностью ее комплексного исследования, задачей которого стало бы устранение вышеуказанных пробелов.

Свое рождение в качестве термина кибертерроризм нашел в 1980 году в стенах Калифорнийского института безопасности и разведки [7, с. 655].

Попытка дать определение кибертерроризму международными организациями предпринималась только Лигой арабских государств. Арабская конвенция по борьбе с преступлениями в области информационных технологий от 21 декабря 2010 года (*далее* – Арабская конвенция) отнесла к кибертерроризму использование информационных технологий в целях пропаганды террористических идей, обеспечения взаимодействия и обучения террористических групп. В предложенной Арабской конвенцией формулировке не указаны цели кибертерроризма и его субъекты, однако именно в этих аспектах заключается специфика деяния.

В научной литературе существует несколько точек зрения по вопросу понятия кибертерроризма, среди которых целесообразно выделить следующие.

Сторонники первой позиции считают, что явление кибертерроризма заключается в несанкционированном воздействии на обрабатываемую компьютерными системами информацию [1, с. 19]. Данное определение носит общий характер, выделяя основные аспекты (составные части) кибертерроризма.

В попытке дальнейшей конкретизации понятия под кибертерроризмом научное сообщество подразумевает совершение комплексной политической атаки на информационное пространство, обрабатываемое с использованием компьютерных систем [6, с. 105]. При этом сущность ки-

бертерроризма заключается в незаконном нападении на компьютеры, сети и информацию, содержащуюся в них, для запугивания правительств и населения в целях достижения определенных задач [8]. Характеризуя особенность кибертерроризма как преступления, следует выделить чрезвычайную скрытность деяния, которая достигается посредством применения механизмов анонимности и шифрования [3, с. 125].

Предложенные дефиниции выделяют специфику кибертерроризма, отличающую его от «обычного» терроризма, – целенаправленное нелегальное анонимное вторжение в информационное пространство с намерением оказать влияние на политические субъекты.

Представители альтернативного подхода рассматривают кибертерроризм как применение информационных телекоммуникационных систем для осуществления актов терроризма, акцентируя внимание на возможности использования компьютерных информационных данных и программ в качестве орудия преступления. Следовательно, под кибертерроризмом ими понимается применение компьютерных информационных программ и систем в качестве оружия, используемого политически мотивированными субъектами, угрожающими нанесением ущерба в целях принуждения государственных институтов к совершению каких-либо действий [5, с. 8]. Особенность концепции заключается в отнесении компьютерных информационных систем и программ не к объектам кибертерроризма, а к его инструментам.

Расхождение во мнениях указывает на сложность явления кибертерроризма и его особую опасность.

В результате анализа международных актов и научной литературы полагаем возможным предложить собственное определение кибертерроризма и понимать под ним посягательство международных или национальных преступных групп на компьютерные информационные системы, программы и сети, а также использование их в целях принуждения международной организации, государства, физического или юридического лица к совершению или воздержанию от совершения каких-либо политических действий.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы. Кибертерроризм имеет в своей основе такие характерные признаки, как высокая латентность, дистанционность, возможность одновременной угрозы широкому спектру объектов, а также отсутствие типового портрета преступника и явных детерминант данного противоправного деяния. Закрепление кибертерроризма на международном уровне в разрабатываемой конвенции ООН по кибербезопасности позволит устранить существующий пробел в данной области и создаст основу для разработки мер противодействия ему.

Библиографический список

1. Диденко А. И. Понятие и место кибертерроризма в уголовном праве России // Отечественная юриспруденция. 2016. № 9 (11). С. 17–21.
2. Дюков Р. В., Мاستилин А. Е. Кибертерроризм как глобальная проблема // Экономика и социум. 2018. № 6 (49). С. 384–386.
3. Маджид М. А. Понятие кибертерроризма в законодательстве России и Республики Ирак // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 12. С. 125–127.

4. Тешева А. Г., Иванченко И. А. Понятие и основные элементы криминалистической характеристики кибертерроризма // Colloquium-Journal. 2019. № 25–10 (49). С. 30–33.
5. Услинский Ф. А. Кибертерроризм в России: его свойства и особенности // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 6–11.
6. Федулов В. И. Компьютерный терроризм как инновация современного высокотехнологичного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 1–2. С. 103–107.
7. Шарыпова Т. Н., Свириденко А. А. Кибертерроризм – глобальная проблема современности // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 1 (28). С. 654–657.
8. Myriam Dunn Cavelty. Cyberwar: concept, status quo, and limitations / Center for Security Studies (CSS), ETH Zurich. Access mode: URL: https://www.academia.edu/1058235/Cyberwar_Concept_Status_Quo_and_Limitations (дата обращения: 29.11.2023).

© Цыба Л. С., 2023

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Черненко Данил Сергеевич,

студент

*Научный руководитель: Лебедев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье дается криминологическая характеристика личности преступника-террориста, изучение которой необходимо для повышения эффективности мер предупреждения преступлений террористической направленности.

Ключевые слова: *личность, террорист, меры предупреждения, преступления террористической направленности.*

В теории криминологии особое внимание уделяется личности преступника, так как она является обязательным элементом криминологической характеристики совершаемых преступлений. Изучает характеристику личности преступника и уголовное право, но подход у данных наук совершенно разный. Уголовно-правовая наука характеризует личность с точки зрения надлежащего субъекта, устанавливая признаки данного элемента состава преступления, характеризуя возраст, вменяемость и другие аспекты. Криминология рассматривает личность преступника гораздо глубже и многогранней, таким образом изучая психологический аспект личности преступника, его мотивацию, целеполагание, а также другие факторы, которые могли подтолкнуть лицо к совершению преступления. Такой разный подход к изучению одного и того же явления обуславливается тем, что для уголовного права основная цель – это привлечение к уголовной ответственности, вследствие этого не столь важно познание личности преступника, необходима лишь формальная констатация факта наличия или отсутствия обязательных признаков субъекта преступления. У криминологии же цель состоит в предупреждении преступлений, а также выработке мер индивидуальной профи-

лактики, вследствие чего крайне важно более глубоко изучать качества личности преступника.

У лиц, участвовавших в актах терроризма, разные мотивы, цели, действия и т. д. Поэтому важно выделить виды терроризма для последующей характеристики личности преступников. Н. Р. Яхонтов [1, с. 293] выделяет следующие виды терроризма: индивидуальный, идейный, безыдейный.

Индивидуальный терроризм – это специфичное явление. Множество лидеров современной истории (А. Линкольн, Д. Кеннеди, Р. Ганди и др.) стали жертвами именно данного вида терроризма ввиду личных убеждений террориста.

Идейный терроризм – это наиболее распространенный вид терроризма на сегодняшний день. Сюда относятся все акты терроризма с идеологической окраской, например, политической, религиозной, националистической и др.

Безыдейный терроризм – это такой вид терроризма, при котором преступник преследует больше корыстные цели.

Далее важно дать общую характеристику возраста, образования, а также базовых качеств лиц, совершающих рассматриваемый вид преступлений. С. Д. Гринько, анализируя материалы следственной и судебной практики, приводит следующую статистику [2, с. 112]. Наибольшее число лиц, совершивших террористический акт, составляют молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, из них достигли 22-летнего возраста 32 %, 25-летнего – 22 % и 29-летнего возраста – 28 %. Это обусловливается тем, что молодые люди более подвержены какому-либо влиянию ввиду психологической ломки, несформированности устойчивых религиозных и нравственных позиций.

Можно выделить следующие показатели образовательного уровня террористов: окончившие 5–7 классов и в последующем учившиеся в религиозных образовательных учреждениях – 19 %, 8–9 классов – 18 %, 10–11 классов – 39 %, имеющие среднее профессиональное образование – 17 %, неоконченное высшее образование – 4 % и высшее образование – 3 %. Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод, что люди, которые получают после школы среднее профессиональное или высшее образование, в меньшей степени совершают преступления террористической направленности, так как в процессе обучения у них формируются жизненные ориентиры, благодаря чему их сложнее завербовать.

Научные деятели выделяют шесть базовых качеств при характеристике личности террориста: преданность своему делу и своей организации, готовность к самопожертвованию, дисциплинированность, конспиративность, повиновение, коллективизм. Наиболее важным качеством является преданность, она может возникнуть в связи с одинаковыми религиозными или идейными взглядами личности и организации, благодаря чему преступник будет идти на крайние меры при выполнении преступлений. Из сопутству-

ющих качеств можно выделить дисциплинированность и конспиративность, благодаря чему преступная организация будет долго существовать.

При определении личности преступника-террориста необходима более конкретная, по сравнению с другими видами преступности, типологизация лиц, так как в подготовке одного теракта может участвовать огромное количество людей. А. В. Куликов и О. А. Шелег выделяют следующие группы [3, с. 112]:

1. Террористы-идеологи, совершающие преступления благодаря приверженности какой-либо идеологии, взглядам, убеждениям.

2. Профессиональные террористы (в основном наемники). Они не имеют четкой идеологии, главной их целью является дестабилизация общественной жизни за денежное вознаграждение.

3. Меркантильные террористы. Это лица, которые преследуют цель разово получить крупную имущественную выгоду.

4. Смертники-шахиды. Это лица, которые ввиду идеологической обработки и влияния пренебрегают собственной жизнью для достижения преступных целей. Примечательно, что по существующему кредо террористических организаций после совершения преступления такими лицами родственники умершего террориста получают денежную компенсацию.

5. Террористы-поджигатели. Это лица, целью которых является привлечение к себе внимания со стороны общественности.

6. Насильственные террористы. Это лица, которые в ходе преступления прибегают к насильственным действиям для собственного удовлетворения.

7. Апокалипсические террористы. Это лица, которые считают себя посланниками Бога. Они совершают преступления в отношении лиц, которых считают воплощением зла.

Данная классификация не носит исчерпывающего характера, но дает понять, что существует множество типов личности преступников, совершающих террористический акт. С помощью подобного рода классификаций можно более качественно предупреждать преступления и индивидуально работать с лицами, вовлеченными в террористические движения.

Подводя итог всему вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что, если тщательно изучить личность террориста и дать ее психологический портрет, в зависимости от того, какую роль и место преступник занимал в иерархии преступной организации, предупреждение терроризма и борьба с ним будут более продуктивными.

Библиографический список

1. Яхонтова О. С., Яхонтов Р. Н., Павлик Е. М. Криминологическая характеристика личности террориста // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 292–297.
2. Гринько С. Д. Криминологическая характеристика личности террориста // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 111–113.
3. Куликов А. В., Шелег О. А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 110–115.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ: ОТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1970–1990-Е ГГ.)

Юданов Сергей Георгиевич,
студент

*Научный руководитель: Степанов Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры истории Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу трансформации методов и подходов в области проведения антитеррористических операций, осуществляемых отечественными специальными подразделениями в период существования Советского Союза и в период 1990-х гг. в Российской Федерации. В статье анализируются факторы, так или иначе повлиявшие на проведение специальных операций и их общую трансформацию в период с 1970 по 1990-е гг.

Ключевые слова: антитеррор, терроризм, спецназ, специальная операция, террористы, штурм, альфа.

В настоящее время подразделения антитеррора Российской Федерации являются наиболее подготовленными подразделениями в плане опыта проведения антитеррористических операций. Этот опыт формировался и обобщался на протяжении более 40 лет, и на сегодняшний день, ввиду опыта противодействия террористам на территории Северного Кавказа, Российская Федерация не имеет равных.

Формирование первого подразделения антитеррора началось в СССР после событий XX летних Олимпийских игр в г. Мюнхене, где члены группировки «Чёрный сентябрь» совершили теракт, результатом которого стала массовая гибель заложников. В СССР в 1974 г. по инициативе председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова создаётся подразделение, на которое возлагаются задачи по борьбе с терроризмом, – группа «А» КГБ СССР [1]. Впоследствии, перед XXII летними Олимпийскими играми в СССР, будет создано ещё два подразделения антитеррора в системе МВД – Отряд милиции специального назначения в г. Москве и Учебная рота спецназначения в составе Отдельной мотострелковой дивизии оперативного назначения им. Ф. Э. Дзержинского.

В 1980-х гг. в СССР обострилась ситуация с угонами самолётов, однако, ввиду наличия профильных подразделений в СССР, эта проблема так или иначе купировалась профессиональными действиями спецназа. Так, в 1983 в г. Тбилиси и в 1986 г. в г. Уфе сотрудники группы «А» КГБ СССР сорвали попытки угонов самолётов с заложниками на борту. Штурм самолёта в г. Уфе, до сих пор считается рекордом в операциях подобного характера: время проведения штурма составило всего 6 секунд – этот рекорд до сих пор не побит ни одним из подразделений антитеррора в мире. В 1990 г. группа «А» КГБ СССР совместно с Учебной ротой спецназначения Дивизии им. Ф. Э. Дзержинского провели совместную операцию по штурму следственного изолятора

в г. Сухуми. Результатом стала ликвидация зачинщиков бунта и арест остальных участников [1].

Таким образом, операции, к которым привлекались подразделения антитеррора в СССР, носили точечный характер, причем спецназ имел в первую очередь численное превосходство над террористами. Результат подобных операций достигался прежде всего хорошим планированием, отличной отработкой процесса штурма на идентичных объектах (в г. Уфе группа «А» КГБ СССР отрабатывала штурм на аналогичном захваченному самолёте Ту-134).

С развалом СССР и переходом группы «А» в состав Главного управления охраны РФ цели и задачи «Альфы» не менялись, подразделение продолжало профессиональную деятельность, направленную на пресечение террористических актов силовыми методами. В январе 1995 г. многим подразделениям антитеррора пришлось участвовать в штурме г. Грозный, что не совсем соответствовало их специфике и профилю, однако принцип «Вы спецназ – вот Вы и воюйте» будет преследовать подразделения антитеррора РФ ещё очень долго.

В июне 1995 г. в г. Будённовске, где бандой Ш. Басаева была захвачена больница, в которой находилось свыше 1 200 заложников, а численность террористов доходила до 200 или более человек, подразделение «Альфа», совместно со спецназом МВД, было вынуждено штурмовать медицинское учреждение «в лоб». Осложняло ситуацию и то, что боевики активно прикрывались заложниками. Однако апогеем «компетентности» применения подразделений антитеррора стала операция в с. Первомайское. По плану, разработанному В. Зориным и М. Барсуковым, подразделения спецназа ФСБ и МВД должны были завладеть селом посредством штурма и освободить заложников. В результате нескольких попыток штурма спецназ понёс тяжёлые потери, однако от выполнения задачи не отказался [3; 4].

Таким образом, с началом Первой чеченской военной кампании наблюдается систематическое привлечение антитеррористических подразделений к выполнению задач, которые фактически должны были решаться силами армейских подразделений. Профильные операции по освобождению заложников стали носить несколько иной характер ввиду большой численности террористов и массовых – свыше 1 000 чел. – захватов заложников. В операциях в г. Будённовске и с. Первомайское наблюдается систематическая недооценка террористов, их численности и вооружения, а также возможностей специальных подразделений.

В период с 1999 по 2009 г., а также в более поздний период спецназу ФСБ довелось принимать участие в нескольких резонансных событиях: штурм ДК «Московский подшиппник» 26 октября 2002 г., а также операция по спасению заложников в г. Беслане 3 сентября 2004 г. Обе операции стали предметом различных споров, дискуссий, а также огромного количества спекуляций, однако стоит отметить, что в операции 26 октября 2002 г. спецназ ФСБ сработал чётко, не допустив потерь среди залож-

ников при проведении штурма, а в г. Беслане спецназовцы отработали на пределе сил и возможностей, закрывая собой заложников, большинством из которых были дети.

Таким образом, за период с 1970-х по 1990-е гг. формат антитеррористических операций, которые проводили отечественные подразделения спецназа, неоднократно менялся. Он трансформировался ввиду различных факторов, в частности, из-за трансформации методов и подходов самих террористов: если в СССР теракты с захватом заложников и т. п. совершались в основном малочисленными группами, то в период 1990-х гг. действовали уже хорошо вооружённые банды численностью свыше 200 чел., соответственно, менялась тактика, подходы и методики проработки и ведения операций. Стоит учесть, что в 1990-е гг. появилась практика массового захвата заложников, в плен к террористам попадало свыше 1 000 чел., как было, например, в г. Будённовске в июне 1995 г. Большое влияние на спецоперации оказывала и внутривнутриполитическая обстановка, когда вышестоящие органы либо не могли или не хотели решать вопрос, как было в период кризиса в г. Будённовске, либо были чересчур уверены в успешном исходе, как в случае с операцией в с. Первомайское. Однако, несмотря на различные факторы, отечественные антитеррористические подразделения нарабатывали огромный опыт противостояния террористам, который, к сожалению, был оплачен кровью бойцов спецподразделений.

Библиографический список

1. История группы «А». Международная Ассоциация ветеранов подразделения антитеррора. «Альфа» URL: <https://alphagroup.ru/section/show/6> (дата обращения: 03.12.2023).
2. Бовал В. Спецгруппа КГБ «А» – мощное оружие антитеррора // Военное обозрение 2012. URL: <https://topwar.ru/16860-specgruppa-kgb-a-moschnoe-oruzhie-antiterrora.html> (дата обращения: 03.12.2023).
3. Теракт в Будённовске / Евгений Норин и Егор Яковлев // Цифровая история–2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qEJwO7EsgVk> (дата обращения: 03.12.2023).
4. Кизляр. Первомайское. И как Радиев дважды потерял лицо // Туземный совет трудящихся 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u8l3nBLzOGI> (дата обращения: 03.12.2023).

© Юданов С. Г., 2023

СЕКЦИЯ 2. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТЕРРОРИЗМА В СИСТЕМЕ ИНТЕРНЕТА

Батенева Елена Владимировна,

начальник сектора проектирования ОП ВО Юридического факультета

ФГБОУ ВО СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена анализу системы общественных отношений, связанных с формированием общегосударственной политики противодействия терроризму в современных российских условиях.

Ключевые слова: *террористический акт, противоправная деятельность, информационное пространство, интернет-терроризм, система противодействия.*

Период конца XX – начала XXI веков характеризуется резким ростом числа преступных посягательств, связанных с совершением террористических актов. Терроризм превращается в очень серьезную угрозу национальной и международной безопасности. Особая опасность терроризма связана с его направленностью на подрыв внешней и внутренней безопасности государства, так как террористы в своей противоправной деятельности связаны с функционированием преступности транснациональной [4]. Для современного этапа развития противостояния между террористическими организациями и международным сообществом характерна высокая приспособляемость террористов к меняющейся международной обстановке, широкое использование сети Интернет, активное формирование и использование ими конфликтов на почве религиозной и национальной неприязни. Это дает возможность проникновения членам террористических организаций в политические объединения.

Можно отметить, что в XXI веке сложились две модели мирового информационного пространства, имеющие выраженную террористическую направленность. Первую условно назовем либерально-анархической, вторую – джихадистской. Представители первой группы, внешне отрекаясь от терроризма, тем не менее системно формируют в обществе экстремистские настроения. Это связано с критикой функционирующих политических институтов и практикой правоохранительной деятельности, ущемляющей естественные права и свободы граждан. Джихадистское направление интернет-терроризма вообще исключает какие-либо компромиссы с «неверными» и государствами, представляющими их интересы. Первой террористической организацией, начавшей широкое использование интернета для вербовки, коммуникации, координации и организации террористических актов, распространения идей радикального ислама и запугивания общественности,

стала Аль-Каида,¹ зафиксировавшая на своих сайтах стратегическую глобальную цель создания единого арабского халифата и возвращения исламу его былого величия [5].

Кроме того, информационная инфраструктура государств или отдельных органов управления становится объектом кибератак, что повышает степень общественной опасности рассматриваемой группы преступлений. Представляется, что наиболее перспективной моделью борьбы с интернет-терроризмом должно стать его предупреждение. Правовой основой данного вида деятельности в стране стала Стратегия противодействия экстремизму в РФ, рассчитанная на действие до 2025 года [2], и Комплексный план противодействия идеологии терроризма в РФ, утвержденный Указом Президента РФ 28.12.2018 г. № Пр-2665 [3]. Наиболее значима институциональная составляющая данного комплекса, так как именно в рамках функционирования ее институтов осуществляется комплексное координирование деятельности всех противодействующих терроризму субъектов [6].

Актуальность проблемы заключается в том, что сегодня насчитывается более 10 тысяч сайтов, посвященных террористическим акциям и имеющих еще несколько запасных адресов [7]. Особенностью современного мирового информационного пространства является то, что у незаинтересованных пользователей могут возникать эмоциональные состояния принципиально разного характера – от ужаса до полного безразличия, что не способствует формированию активной гражданской позиции по противодействию террористическим угрозам. Таким образом, Интернет – мощнейший инструмент информационного воздействия для достижения требуемой реакции, манипулирования личностью, социальными группами и обществом в целом. Сложность ситуации состоит в том, что имеющаяся в распоряжении современных государств система ресурсов контртеррористического свойства имеет низкую эффективность из-за особенностей сложившихся в мире технических и социокультурных факторов. Интернет-пространство практически невозможно регулировать и контролировать, и ряд авторов делает акцент на системном контрпропагандистском идеологическом воздействии на аудиторию в рамках: 1) дискредитации создателей мифов и их разоблачения; 2) формирования новых идеологем, трансформирующих объекты манипуляции; 3) структурного преобразования информационных систем экстремистов и террористов с помощью внедряемых информационных элементов антитеррористического свойства [8].

В рамках предлагаемой системы информационной интервенции на сайты террористической направленности предлагается обеспечивать: аргументированную критику концептуальных положений террористической пропаганды с использованием авторитетных для аудитории источников; широкое распространение сайтов антитеррористического содер-

¹ Организация признана террористической в соответствии с законодательством Российской Федерации.

жания, рассчитанных на молодежную аудиторию и делающих акцент на ее силовые модели разрешения складывающихся в обществе противоречий; создание сайтов, дублирующих внешнюю оболочку экстремистских, но имеющих совершенно иное содержание; формирование информационных ресурсов дезинформирующего свойства, обеспечивающих у потенциальных исполнителей терактов создание моделей целеполагания социально позитивного свойства.

По мнению специалистов из Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, решение указанных задач может быть связано с формированием специализированной межрегиональной сети [9]. Данная система, как подчеркивает С. А. Воронцов, должна иметь комплексный, межведомственный и межрегиональный характер [10]. Кроме того, В. В. Поляков предлагает разработать и внедрить в практику контртеррористической борьбы специализированную программу (Honeyput), которая выясняет механизмы совершения таких преступлений, их следовую картину, данные о личности преступников, объекты преступных посягательств [11].

Серьёзной проблемой остается системное воздействие экстремистских сайтов на эмоционально-психологическую составляющую структуры личности пользователей сети Интернет. Формирование обстановки страха перед будущим позволяет реализовывать комплексные программы манипулированием общественным мнением. Один из приемов психологического воздействия – фиксация складывающихся в обществе отношений антисоциального типа и неспособности государства защитить общество от несправедливости и появляющихся угроз и вызовов. По мнению ряда исследователей, наиболее значимы две модели мотивации пользователей, обеспечивающих их эмоциональное включение в складываемую Интернетом систему отношений [12].

В первую группу входят мотивы реализации компенсаторных механизмов и желания самореализоваться вне сложившихся традиционных отношений. Данные категории пользователей отличаются тем, что: 1) недифференцированно и нереалистично относятся к себе и окружающим; 2) отрицательно относятся к своему телу; 3) откровенно дистанцируются от окружающих; 4) отсутствие взаимопонимания компенсируют представлением о собственной независимости; 5) не соблюдают общепринятые в социуме нормы. Вторая группа мотивов связывается исследователями со стремлением самореализоваться и приобрести новый опыт в рамках «сетевой идентичности». Эта модель мотивации позволяет вербовщикам вовлекать в сферу своих интересов лиц, стремящихся выразить себя вне сложившихся позитивных отношений.

Констатируя то обстоятельство, что в России уже сложилась комплексная система предупреждения террористической деятельности, отметим, что реальность сформировала и систему трудноразрешимых противоречий в данной сфере: 1) отсутствие нормативных правовых актов для координации действий на международном уровне по борьбе с терро-

ризмом в информационном пространстве. Актуальность этой проблемы связана с тем, что террористические системы создаются в доменных зонах других стран, иначе интерпретирующих понятие террористической деятельности; 2) необходимость создания единого юридического документа для решения вопросов статусного и процессуального свойства в системе отношений информационной безопасности, связанных с распространением идеологии терроризма; 3) нескоординированность усилий органов власти по формированию и реализации политики по нераспространению идеологии терроризма в информационном пространстве; 4) отсутствие анализа эффективности мероприятий по предупреждению правонарушений террористической направленности; 5) отсутствие стратегической государственной идеологии (ст. 13 Конституции РФ [1]) не позволяет создать единую государственную и общественную позицию.

Противодействовать кибертерроризму необходимо с использованием тех же средств, что используют идеологи этого движения. И такой опыт в стране уже имеется. В частности, созданы такие посещаемые жителями разных стран порталы, как «Наука и образование против терроризма», «Молодежь за Чистый Интернет», «Террору.Нет», которые способствуют формированию у пользователей активной позиции, связанной с неприятием распространяемой в Интернете идеологии ненависти и экстремизма. Представляется, что это одно из перспективных направлений контртеррористической работы не только в стране, но и в мире в целом. Как отмечают исследователи, успех антитеррористической работы в сети Интернет зависит от ее систематичности, профессиональности и активности.

В заключение можно констатировать, что главный принцип противодействия экстремизму и терроризму – устранение или ослабление существенных факторов, носящих социально-экономический или политико-идеологический характер.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2023).
2. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.
3. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, утв. Президентом РФ 28 дек. 2018 г. № Пр–2665. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2023).
4. Долгова А. И. Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность / под ред. А. И. Долговой. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2015. 234 с.
5. Хохлов И. И. «Глобальный джихад салафи» и «Аль-Каида» // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 3. С. 37–46.
6. Ильин Е. П. Доклад первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета // Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации.

- Федерации: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2012. Т. 1. С. 3–16.
7. Воронцов С. А., Штейнбух А. Г. О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 100–108.
 8. Петухов В. Интернет и «информационный терроризм» // Россия и мусульманский мир. 2008. № 5. С. 179.
 9. Чурилов С. А., Быкадорова А. С. О проблемах противодействия терроризму (экстремизму) в сети Интернет // Ростовский научный журнал. 2016. № 8. С. 24–25.
 10. Воронцов С. А. Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления России в институционально-правовом контексте: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. РЮИ МВД РФ. Ростов на Дону, 2009. С. 33–44.
 11. Поляков В. В. Профилактика экстремизма и терроризма, осуществляемого с помощью сети Интернет // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 144.
 12. Казнова Н. Н. Особенности конструирования французского сетевого дневника (к вопросу о выборе сетевой маски блоггера) // Вестник Челябинского ГУ. 2009. № 39 (177). С. 65–71.

© Батенева Е. В., 2023

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ

Валеева Наталья Олеговна,

*старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В работе определяются виды органов исполнительной власти Республики Хакасия, в функции и полномочия которых входит противодействие экстремизму, определяется их функциональное значение в системе органов власти субъекта.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму, органы исполнительной власти Республики Хакасия.

В Российской Федерации на сегодняшний день ведется активная деятельность по противодействию экстремизму и терроризму в связи с участвовавшими случаями нарушений в данной сфере. Учитывая внешние угрозы и влияние на мнение населения, необходимой и первостепенной задачей государства являются обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина. Органы власти всех уровней задействованы в урегулировании данного вопроса. Особая роль в этом направлении принадлежит органам власти на местах, а также в регионах РФ в связи с близостью к населению. Несомненно, федеральные власти определяют основные направления по противодействию экстремизму, но это в большей мере касается нормативного регулирования. Практическое осуществление противодействия экстремизму лежит все-таки на органах власти региона и муниципальных образований. Для осуществления и реализации основ-

ных направлений политики в этой сфере органы власти субъектов наделяются определенными полномочиями, что и будет являться предметом рассмотрения в данной статье.

Пункт «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ относит к совместному ведению РФ и ее субъектов защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение общественной безопасности и правопорядка [1], что является ключевой задачей государства и общества в противодействии экстремизму. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» содержит перечень субъектов, осуществляющих определенные полномочия в рассматриваемой сфере, причем, если в отношении Президента РФ и Правительства РФ полномочия определены в самом законе, то применительно к органам исполнительной власти указывается на их компетенцию [2, ст. 4].

Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в Российской Федерации» также содержит перечень совместных полномочий РФ и ее субъектов по противодействию экстремизму: организация и осуществление мероприятий, минимизация последствий экстремистских правонарушений, непосредственное участие в противоэкстремистской деятельности [3, подп. 96 п. 1 ст. 44]. Конкретизации данных полномочий закон не содержит, что является закономерным, т. к. она должна быть предусмотрена региональным законодательством в пределах, не противоречащих федеральному законодательству.

В Республике Хакасия среди органов исполнительной власти по противодействию экстремизму необходимо назвать Правительство РХ, Министерство национальной и территориальной политики РХ, Министерство образования и науки РХ, Министерство по делам юстиции и региональной безопасности РХ.

В полномочия Правительства РХ входит осуществление мер «... по противодействию терроризму и экстремизму...» [4, ст. 15]. Данное полномочие имеет размытый характер, ввиду того, что Правительство РХ осуществляет общее руководство всеми органами исполнительной власти республики. Специальные полномочия в данной сфере принадлежат министерствам.

Так, Министерство национальной и территориальной политики в Хакасии осуществляет сотрудничество с общественными и религиозными объединениями по реализации мероприятий, направленных на предупреждение национального и религиозного экстремизма, а также минимизацию их последствий [5, п. 4.3]. При осуществлении полномочий Министерство проводит различные виды мероприятий: форумы, конкурсы, конференции, опросы и другие мероприятия, направленные на объединение народов и национальностей, проживающих в Хакасии. На сегодняшний день вопросы национализма могут перерасти в межнациональные и межконфессиональные конфликты, что, в свою очередь, может привести к экстремистским нарушениям и преступлениям. При министерстве создан специальный орган – Координационный совет по межнациональным отношениям при Правительстве РХ, в задачи которого входит подготовка предложений и рекомендаций для всех

органов власти и организаций по совершенствованию работы для предотвращения и предупреждения проявлений экстремизма [6, п. 2.3], а также разработка мер по формированию обстановки нетерпимости к пропаганде и распространению идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, направленных на подрыв общественно-политической стабильности, национального мира и согласия [6, п. 2.4]. Совет рассматривает вопросы, анализирует состояние межнациональных отношений, готовит предложения по решению этнических и других конфликтов, связанных с национальной разностью, а также участвует в рассмотрении вопросов, направленных на укрепление единства народа. Все функции и полномочия Совета направлены на противостояние межнациональным и межконфессиональным конфликтам, последствиями которых является развитие экстремизма и терроризма.

Среди органов исполнительной власти необходимо обозначить Министерство образования и науки РХ, деятельность которого направлена в первую очередь на воспитание и образование будущего поколения. В связи с этим Министерство осуществляет профилактику, воспитание, пропаганду противоэкстремистской деятельности [7, подп. 14 п. 4.1]. Реализация данных полномочий возложена на отдел по делам молодежи, воспитания и дополнительного образования [9, п. 2.8]. Отдел науки и национального образования призван принимать меры по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде, в том числе в части межэтнических и межконфессиональных отношений [10, п. 2.6]. Ведь наиболее подвержены совершению различных правонарушений и преступлений именно несовершеннолетние, в связи с их неверной оценкой действий и последствий от этих действий и подверженностью негативному влиянию.

Взаимодействие с федеральными и региональными органами власти РХ, прокуратурой РХ, органами судебной власти, правоохранными органами по вопросам экстремизма, а также функции и полномочия в области общественной безопасности осуществляет и обеспечивает Министерство по делам юстиции и региональной безопасности РХ [8, п. 1.1].

Таким образом, необходимо отметить, что в Республике Хакасия функционируют органы общей компетенции, к которым можно отнести Правительство РХ, и органы специальной компетенции, например, Министерство национальной и территориальной политики РХ. Профилактикой правонарушений в сфере экстремизма уполномочены заниматься все органы власти, однако некоторые из них занимаются общими вопросами, например, нормативно-правовым регулированием, а некоторые органы специально создаются на региональном и муниципальном уровнях для взаимодействия и осуществления специальных мер противодействия экстремизму. В Хакасии создано и функционирует достаточное количество министерств, осуществляющих специальные функции и полномочия по профилактике экстремизма. Каждый из них осуществляет свои задачи и полномочия, что ведет к снижению количества противоправных действий. Несомненно, роль каждого из

министерств неопенима в поддержании мира и единства народов, проживающих на территории республики, что обеспечивает стабильность и благополучие всего региона. Хакасский государственный университет также не остается в стороне и активно взаимодействует с органами власти республики, что приводит к эффективному и действенному механизму реализации мер, направленных на противодействие экстремизму в регионе.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2022. 06 окт.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031; 2023. № 1. Ст. 16.
3. Об организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 485-ФЗ // Рос. газ. 2021. 27 дек.; 2023. 10 авг.
4. О Правительстве Республики Хакасия: Закон Республики Хакасия от 19 сент. 1995 г. № 48; в ред. Закона Республики Хакасия от 14 июля 2023 г. № 65-ЗРХ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804957112> (дата обращения: 03.12.2023).
5. Об утверждении Положения о Министерстве национальной и территориальной политики Республики Хакасия: Постановление Правительства Республики Хакасия от 24 июня 2009 г. № 276; в ред. Постановления Правительства Республики Хакасия от 30 июня 2023 г. № 520 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/459602100> (дата обращения: 03.12.2023).
6. О Координационном совете по межнациональным отношениям при Правительстве Республики Хакасия: Постановление Правительства Республики Хакасия от 27 авг. 2014 г. № 432; в ред. Постановления Правительства Республики Хакасия от 22 февр. 2023 г. № 142 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/422402104> (дата обращения: 03.12.2023).
7. Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Республики Хакасия: Постановление Правительства Республики Хакасия от 28 мая 2009 г. № 226; в ред. Постановления Правительства Республики Хакасия от 20 июня 2023 г. № 486 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/459601687> (дата обращения: 03.12.2023).
8. Об утверждении Положения о Министерстве по делам юстиции и региональной безопасности Республики Хакасия: Постановление Правительства Республики Хакасия от 09 нояб. 2017 г. № 575; в ред. Постановления Правительства Республики Хакасия от 17 февр. 2023 г. № 126. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450383301> (дата обращения: 03.12.2023).
9. Об утверждении положения об отделе по делам молодежи, воспитания и дополнительного образования: Приказ Министерства образования и науки Республики Хакасия от 15 дек. 2020 г. № 5–270 // Официальный сайт Министерства образования и науки Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/authorities/ministry-of-education-and-science-of-the-republic-of-khakassia/common/550/92855.html> (дата обращения: 03.12.2023).
10. Об утверждении положения об отделе науки и национального образования: Приказ Министерства образования и науки Республики Хакасия от 15 дек. 2020 г. № 5–270 // Официальный сайт Министерства образования и науки Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/authorities/ministry-of-education-and-science-of-the-republic-of-khakassia/common/550/65368.html> (дата обращения: 03.12.2023).

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Василенко Азиза Рамизовна,
студент

Шведчикова Елена Викторовна,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена актуализации задачи противодействия финансированию терроризма и экстремизма в современном обществе. Отмечается необходимость осуществления противодействия финансированию терроризма современными государствами.

Ключевые слова: терроризм, террористические группировки, финансирование, глобализация, способы финансирования.

Сегодня, в эпоху глобализации, практически во всех странах мира значительная роль отводится предотвращению терроризма и экстремизма. Для этого необходимы не только технические, человеческие, информационные, но и финансовые ресурсы. По мнению современных специалистов, интенсивность деятельности международных экстремистских и террористических организаций напрямую зависит от уровня их финансирования и материально-технической оснащенности [2].

Субъектами, финансирующими международный терроризм, могут являться иностранные государственные органы и организации, международные экстремистские и террористические организации, религиозные экстремистские объединения, коммерческие и некоммерческие организации.

Средства, как правило, используются для поддержки террористических и экстремистских организаций, создаваемой ими инфраструктуры, а также на проведение конкретных террористических актов. П. И. Иванов отмечает, что, кроме подобных внешних источников, имеются также источники внутреннего финансирования, к которым относятся доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса; членские взносы; помощь обеспеченных террористов, отдельных лиц, радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций [2, с. 45].

В секторе финансовых платежей действуют различные платежные системы, в том числе Visa, MasterCard, Maestro и MIR. Возможности современных технологий и финансовых платежных систем также становятся объектом внимания террористических группировок. Современные информационные технологии применяются и в сфере финансовых коммуникаций в виде неформальных неофициальных платежных систем.

В криминальном мире присутствуют «эксперты», профессионально подготовленные в области финансов и программного обеспечения, что позволяет преступным и террористическим группировкам использовать новейшие виртуальные технологии в кратчайшие сроки.

В настоящее время Российская Федерация совместно с государствами – участниками СНГ проводит работу по унификации и гармонизации внутреннего законодательства в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом и выработке согласованной уголовно-правовой политики.

Под эгидой Межпарламентского союза государств – участников СНГ рассматривается вопрос об устранении имеющихся пробелов и противоречий. В рамках совместной деятельности регулярно осуществляются различные мероприятия и специальные акции по профилактике, выявлению и пресечению терроризма и экстремизма в государствах – участниках СНГ. В рамках совместных операций по предупреждению, выявлению и пресечению актов терроризма и иных форм насилия регулярно проводятся различные мероприятия и специальные операции.

На сегодняшний день единая система противодействия финансированию терроризма и экстремизма еще не создана. В связи с этим задача противодействия финансированию терроризма и экстремизма является одной из важнейших задач всего мира и каждого государства на современном этапе развития.

Библиографический список

1. Добаев И. П., Добаев А. И. Особенности финансирования террористических структур в Северо-Кавказском регионе // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. Москва: ЗАО «Издательство «Современная экономика и право», 2016. 316 с.
2. Иванов П. И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С.45 – 50.

© Василенко А. Р., Шведчикова Е. В., 2023

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ В ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Высочанский Александр Сергеевич,

студент

*Научный руководитель: Козлова Валерия Николаевна, старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье определены роль и задачи органов внутренних дел в системе профилактики экстремизма на территории России.

Ключевые слова: экстремизм, профилактика экстремизма, органы внутренних дел, Центр по противодействию экстремизму.

Органы внутренних дел (далее – ОВД) занимают основное место в системе правоохранительных органов по пресечению и предотвращению различных правонарушений и преступлений. В том числе данное ведомство занимается профилактикой и пресечением правонарушений, а также преступлений экстремистского характера.

В связи со сказанным следует обратить внимание на статистические данные по преступлениям экстремистской и террористической направленности: с января по сентябрь 2023 года МВД РФ зарегистрировано 2 733 таких преступления, раскрыто – 1 782, из них уголовных дел, которые направлены в суд – 1 673, не раскрыто – 567 преступления, выявлено лиц, совершивших данные преступления – 1 478 человек. При этом большинство преступлений связано с использованием сети Интернет [2].

Анализ роли органов внутренних дел в противодействии проявлениям экстремизма нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении, поскольку существует ряд организационно-методических проблем их деятельности в указанной сфере: отсутствие четкой методики использования, а также применения специальных программных комплексов и компьютерных программ по раскрытию правонарушений, в том числе преступлений террористической и экстремистской направленности в сети Интернет; недостаточный уровень квалификации и состав сотрудников полиции, занимающихся вопросами профилактики указанных правонарушений, в субъектах РФ [3].

Вопросами предупреждения и пресечения экстремизма в субъектах РФ занимаются Центры по противодействию экстремизму, а подчиняются данные центры Главному управлению по противодействию экстремизма МВД России.

Основными задачами, возложенными на данные подразделения, являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений экстремистской направленности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; проведение оперативно-розыскных, профилактических и иных мероприятий, направленных на защиту законных интересов личности, общества и государства в области противодействия экстремизму; оказание взаимодействия другим подразделениям полиции и органам власти в указанной сфере [1].

Центры по противодействию экстремизму осуществляют следующие функции: предупреждение и пресечение (в пределах полномочий) деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) экстремистской направленности; рассмотрение писем, заявлений и обращений граждан в средствах массовой информации и сети Интернет, проведение проверочных мероприятий; участие в разработке и выполнении программ, комплексных планов, проведении целевых операций и других мероприятий, направленных на совершенствование деятельности по противодействию экстремизма.

Очевидно, что для достижения поставленных перед рассматриваемыми подразделениями целей необходимо повышение профессионального стандарта работы и совершенствование деятельности центров; увеличение числа специальных программных комплексов и компьютерных программ по раскрытию преступлений и правонарушений в сети Интернет для региональных и местных подразделений ОВД по борьбе с экстремизмом; привлечение для взаимодействия и помощи специалистов в

области компьютерных технологий для обеспечения непрерывной работы по поиску совершенных преступлений и правонарушений экстремистской направленности.

В целом работу органов внутренних дел по противодействию экстремизму следует оценить положительно, подчеркнув значимость Центров по противодействию экстремизму, координирующих работу оперативных подразделений и осуществляющих профилактические мероприятия антиэкстремистской направленности на территории России.

Библиографический список

1. Об утверждении Типового положения о центрах (группах) по противодействию экстремизму министерств внутренних дел, главных управлений, управлений внутренних дел по субъектам Российской Федерации: Приказ МВД России от 31 окт. 2008 г. № 942 // Официальный сайт МВД России [сайт]. URL: https://orjio.mvd.pf/upload/site137/document_file/NQZYmX14ll.pdf (дата обращения: 26.11.2023).
2. Официальные данные Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт МВД России [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 26.11.2023).
3. Хоконов Э. А. О роли органов внутренних дел в противодействии экстремистской деятельности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-organov-vnutrennih-del-v-protivodeystvii-ekstremistskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 26.11.2023).

© Высочанский А. С., 2023

ОТРАВЛЕНИЕ КАК СПОСОБ ХИМИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА И ЗНАЧИМОСТЬ ЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ

Гусейнов Руслан Владимирович,

студент

*Научный руководитель: Тышита Елена Владимировна, кандидат политических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу отравления как способа совершения химического терроризма и значимости его выявления.

Ключевые слова: отравление, химический терроризм, выявление терроризма.

Понятие терроризма законодатель определяет в статье 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»: это идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1].

В настоящее время выделяется множество видов терроризма: от обычного, где используются обычные средства поражения, в том числе взрывчатые вещества, до более опасных, таких как ядерный, химический, биологический, электромагнитный, кибернетический, экономический терроризм и т. д.

Одним из самых опасных является химический терроризм, в качестве орудий при совершении которого применяются химические и высокотоксичные средства, а также прочие сильнодействующие химически опасные продукты, которые скрыто приводят к смертельным исходам и различным расстройствам здоровья населения.

Под химическим терроризмом ряд исследователей понимает «применение в качестве средств террора отравляющих, аварийно-опасных (сильнодействующих ядовитых) и других токсичных веществ» [2].

К главному способу совершения химического терроризма можно отнести отравление, при котором используются химические вещества, например, мышьяк, барий, аммиак, фосген, зарин, синильная кислота, хлор и т. д., обладающие сильным токсическим воздействием на организм человека, которые приводят к смертельным исходам.

Одна из главных причин, по которой террористы используют для совершения террористических актов опасные химические вещества, заключается в том, что опасные химические соединения как компоненты химического вооружения находятся в свободном доступе, приобретаются без ограничений, в отличие от других видов оружия массового поражения.

Применение отравляющих веществ в террористических целях имело место в Японии. Так, в июне 1994 г. в жилом квартале г. Мацумото в результате использования боевого отравляющего вещества зарин пострадало около 200 человек, из них 7 человек погибли. Более масштабная террористическая акция была осуществлена в токийском метро в марте 1995 г., где в результате применения зарины пострадало более 5 тыс. человек, из которых 12 человек погибли. В 1995 г. в метрополитене г. Иокогама была предпринята попытка применения боевого отравляющего вещества фосген [4].

Своевременное выявление и раскрытие преступлений, связанных с химическим терроризмом, является сложным и ответственным процессом и имеет важное значение для обеспечения безопасности населения государства.

К обстоятельствам, указывающим на отравление при использовании террористами химических веществ, можно отнести выраженную специфическую симптоматику, которая проявляется у большой группы людей. О применении отравляющих веществ свидетельствует факт плохого самочувствия группы людей, которая находилась в одном или же близко расположенных друг от друга помещениях, проживающих в одном доме либо работающих в одном офисе, а также наличия в данных помещениях необычных посторонних запахов либо разлитых веществ.

В связи с этим при совершении террористического акта с помощью химических веществ внимание в первую очередь должно уделяться своевременной медицинской помощи пострадавшим, так как ее оказание при массовых отравлениях на начальном этапе способно оперативно выявить токсическое вещество, с помощью которого был совершен террористический акт.

Кроме того, противодействие совершению химического терроризма должно быть основано на оперативном реагировании на все возможные варианты развития ситуации в случаях применения террористами химических веществ. Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления должны быть обеспечены необходимыми информационными материалами по решению задач в случае химического теракта, порядку действий для нейтрализации химического вещества и минимизации причиненных последствий [3].

Исходя из вышеизложенного, следует указать на необходимость совершенствования последовательной работы сотрудников медицинских учреждений, правоохранительных органов и других субъектов по противодействию терроризму путем выработки возможных тактических действий и разработке технических средств для обнаружения и нейтрализации опасных химических веществ.

Библиографический список

1. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта; 2023. 13 июля.
2. Антипов В. Б., Коршунов А. В. Специфические виды терроризма и возрастание угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций // Вопросы оборонной техники. Сер. 16: Технические средства противодействия терроризму. 2016. № 11–12 (101–102).
3. Кобец П. Н. Особенности потенциальных угроз химического терроризма и меры по их предупреждению // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 90–99.
4. Токсикологические аспекты расследования актов химического терроризма с использованием отравляющих веществ / В. Я. Шульга, В. А. Петрунин, Е. А. Фокин [и др.] // Вестник Российской военномедицинской академии. Приложение. 2005. № 1 (14). С. 221–223.

© Гусейнов Р. В., 2023

ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

ДОО Азията Маскыровна,

*старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье раскрывается содержание понятия «обязательный контроль», определяются его сущность и содержание применительно к противодействию терроризму, легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма. Автор приходит к выводу о необходимости уточнения законодательного понятия обязательного контроля, его содержания, а также критерия косвенного нахождения под контролем определенных физических или юридических лиц как условия проведения обязательного контроля операций с денежными средствами или имуществом.

Ключевые слова: обязательный контроль, внутренний контроль, противодействие терроризму, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма, Росфинмониторинг.

В качестве одной из мер противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД и ФТ) Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1] (далее – Закон № 115-ФЗ) называет обязательный контроль, проведение которого осуществляется уполномоченным органом. В соответствии с Указом Президента РФ от 13.06.2012 г. № 808 таким органом выступает Федеральная служба по финансовому мониторингу – Росфинмониторинг [2].

При этом непосредственно под обязательным контролем Закон № 115-ФЗ понимает «совокупность принимаемых уполномоченным органом мер по контролю за операциями с денежными средствами или иным имуществом на основании информации, представляемой ему организациями, осуществляющими такие операции, а также по проверке этой информации в соответствии с законодательством Российской Федерации».

К сожалению, в названном Законе отсутствует обобщающая статья, которая содержала бы перечень таких мер. Совокупный анализ действующего законодательства позволяет говорить о том, что обязательный контроль в плане Закона № 115-ФЗ включает в себя меры по контролю за операциями с денежными средствами или иным имуществом, если сумма операции равна или превышает 1 миллион рублей, а по своему характеру данная операция отвечает признакам подозрительных сделок, названных в Законе № 115-ФЗ; операции с недвижимым имуществом на сумму, равную и свыше 5 миллионов рублей, операции по получению или расходованию денежных средств (без ограничения суммы) некоммерческими организациями, за некоторыми исключениями, операции организаций или физических лиц, в отношении которых принято решение о замораживании (блокировании) денежных средств или иного имущества, а также лиц, которые включены в перечни лиц, осуществляющих террористическую деятельность или распространяющих оружие массового поражения, составляемые Советом Безопасности ООН, либо находящихся под контролем указанных субъектов лиц.

Обязательный контроль следует отличать от контроля внутреннего, под которым ст. 3 Закона № 115-ФЗ понимает деятельность организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, по выявлению операций, подлежащих обязательному контролю, и иных операций с денежными средствами или иным имуществом, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма.

Таким образом, внутренний контроль может предшествовать обязательному контролю и быть основанием для последнего.

При этом следует обратить внимание на то, что под обязательным контролем законодатель понимает систему мер по контролю за перечисленными выше операциями, а под внутренним контролем – деятельность организаций по выявлению таких операций. Совокупность мер, осуществляемых банками, иными кредитными организациями и другими организациями, выявляющими сделки, подлежащие обязательному контролю, в Законе № 115-ФЗ называется организацией внутреннего контроля, а реализация указанных мер – осуществлением внутреннего контроля.

Такая терминологическая разница вызывает вопросы. Как представляется, по правилам юридической техники взаимосвязанные термины должны нести единую смысловую нагрузку, формулировка дефиниций должна осуществляться по единым правилам. Контроль представляет собой деятельность по осуществлению определенных мер, входящих в состав контрольных мероприятий; это «процесс обеспечения достижения целей» [4]. В связи с этим представляется необходимым уточнение понятия «обязательный контроль», под которым следует понимать не «систему мер», а «деятельность» уполномоченного органа по контролю за операциями с денежными средствами или иным имуществом на основании информации, представляемой ему организациями, осуществляющими такие операции, а также по проверке этой информации в соответствии с законодательством Российской Федерации. Такое понятие должно быть закреплено в ст. 3 рассматриваемого Закона, что будет способствовать единообразию в формулировке основных дефиниций, используемых законодателем, и отразит сущность обязательного контроля как разновидности государственного контроля.

Одним из оснований проведения обязательного контроля является совершение операций с денежными средствами или иным имуществом, если хотя бы одной из сторон сделки является юридическое лицо, прямо или косвенно находящееся в собственности или под контролем организации или физического лица, включенных в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Вызывает вопросы формулировка «косвенно находящееся под контролем», которая в законодательстве не раскрывается и может породить, с одной стороны, злоупотребления со стороны уполномоченного проводить обязательный контроль органа, с другой же – ситуации, когда Росфинмониторинг не будет осуществлять контроль в отношении какой-либо сделки или операции, поскольку не установит признаков косвенного контроля, что видится недопустимым. Представляется необходимым определение признаков «косвенности» контроля деятельности юридического лица в целях формирования единообразной правоприменительной и контрольно-надзорной практики.

Также видится целесообразным дополнение Закона № 115-ФЗ отдельной нормой, определяющей содержание обязательного контроля как деятельности по реализации составляющих существо этого контроля мер.

В частности, к содержанию деятельности по осуществлению обязательного контроля могут быть отнесены [см, например: 3]:

– сбор, анализ, а также учет поступающей информации об операциях и сделках с денежными средствами и иным имуществом, подлежащих контролю;

– установление и закрепление признаков подозрительных операций и сделок;

– учет организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности;

– создание единой информационной системы и обобщение данных в сфере ПОД и ФТ;

– обеспечение соответствующего режима хранения полученной информации.

Высказанные предложения позволят уточнить как понятие, так и содержание обязательного контроля, осуществляемого Росфинмониторингом, определить пределы обязательного контроля и, в конечном итоге, будут способствовать более эффективной реализации мер обязательного контроля с учетом целей, стоящих перед государством в сфере противодействия терроризму и финансированию террористической деятельности.

Библиографический список

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 07 авг. 2001 г. № 115-ФЗ; в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 308-ФЗ // Рос. газ. 2001. 09 авг.; 2023. 13 июля.
2. Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу: Указ Президента РФ от 13.06.2012 N 808: в ред. Указа Президента РФ от 27 марта 2023 г. № 202 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 25. Ст. 3314; 2023. № 14. Ст. 2394.
3. Киселев И. А., Лебедев И. А., Никитин Д. В. Правовые проблемы управления корпоративными рисками в целях противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма / под общ. ред. В. И. Авдийского. М.: Юриспруденция, 2012. 168 с.
4. Понятие, функции и виды контроля // Научная электронная библиотека. Монографии, изданные в издательстве Российской Академии Естествознания [сайт]. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=6586> (дата обращения: 01.12.2023).

© Дюа А. М., 2023

О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Иванова София Сергеевна,

студент

*Научный руководитель: Талимончик Валентина Петровна, доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин*

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Санкт-Петербург

В статье анализируются угрозы использования террористами биотехнологий, общественная опасность биотерроризма. Автор приходит к выводу, что хотя необходи-

мость выработки международно-правового акта по борьбе с биотерроризмом пока не является неотложной, однако в ближайшем будущем данный вопрос станет первостепенным.

Ключевые слова: *биотехнологии, международное право, международный терроризм, предотвращение террористических актов, меры борьбы с терроризмом.*

В последние годы человечество значительно продвинулось в изучении живых организмов и связанных с этим изобретениями в области биотехнологий. Так, человек научился понимать природу вирусов и бактерий, полнее постиг тайны человеческого мозга, создал новые лекарственные препараты, научился выводить новые виды живых организмов. Однако не стоит забывать, что любая из названных технологий может быть использована как во благо, так и во вред человеку. Закономерно, что в определенный момент биотехнологиями заинтересуются террористические организации, которые будут использовать их в своих целях, тем более что реальные примеры применения биотехнологий в качестве средств совершения террористических актов уже известны. К примеру, заражение ресторанной пищи, в результате чего пострадало 753 человека (США, штат Арегона, 1984), случай получения человеком флаконов с возбудителями бубонной чумы (США, 1995), распространение спор сибирской язвы по почте (США, 2001) [6], и этот список можно продолжать.

Хотя масштабы применения биотехнологий с целью причинения массового вреда незначительны, важно помнить о возможности расширения территории применения, а следовательно, о росте числа жертв терроризма и приобретении террористической деятельностью с использованием биотехнологий трансграничного характера. А это нанесет существенный ущерб не только человеку, но и экосистеме человечества и международному правопорядку. В научных исследованиях отмечается повышенная общественная опасность биотерроризма [3; 4; 5; 7; 8].

В связи с вышесказанным необходимо выработать единое международное соглашение, в котором содержалось бы общепринятое определение понятия «международный терроризм с применением биологических технологий», перечислены конкретные действия с применением биотехнологий, признаваемые актами международного терроризма, механизмы их предотвращения и реагирования на подобные действия. Важно, что опыт принятия таких узкоспециальных международных правовых актов уже есть: например, Международная конвенция от 15 декабря 1997 о борьбе с бомбовым терроризмом, подписанная в Нью-Йорке [2].

Стоит подчеркнуть, что сферу биотехнологий в ключе международного терроризма на данный момент не регулирует ни одно международное соглашение, что создает сложности в борьбе с данным видом терроризма из-за наличия пробелов в праве. Конечно, терроризм с использованием биотехнологий с определенными оговорками может подпадать под действие Декларации от 9 декабря 1994 г. «О мерах по ликвидации международного терроризма», целью которой названа «...борьба с преступлениями, тесно связанными с терроризмом, включая контрабанду иных по-

твенциально смертоносных материалов» [1]. Биотехнологии при ненадлежащем использовании могут быть потенциально «смертоносными материалами», но они не являются таковыми по своей сути. К тому же речь идет лишь о контрабанде, что в любом случае недостаточно. Более того, в документе обозначены только ключевые направления сотрудничества по борьбе с международным терроризмом, в то время как меры по борьбе с конкретными видами терроризма не уточнены.

Таким образом, несмотря на то, что на данный момент случаи использования биотехнологий для осуществления террористических актов на универсальном и региональном уровнях еще не известны, однако уже сейчас необходимо урегулировать данный аспект нормами международного права.

Библиографический список

1. Декларация «О мерах по ликвидации международного терроризма»: одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49.60 от 9 дек. 1994 г. // Официальный сайт национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/deklaraciya-o-merah-po-likvidacii.html> (дата обращения: 28.11.2023).
2. Международная конвенция «О борьбе с бомбовым терроризмом», Нью-Йорк 15 дек. 1997 г. // Официальный сайт национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/mezhdunarodnaya-konvenciya-o-borb-0.html>. – (дата обращения: 27.11.2023).
3. Бураева Л. А., Дадова З. И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 134–136.
4. Докучаев А. А. Биологический терроризм – угроза века // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2010. Т. 1. № 1 (1). С. 260–262.
5. Костенко Г. А. Биологический терроризм – старая проблема в новом проявлении // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. 2014. № 1 (17). С. 129–134.
6. Саранкина Ю. А. Биологический терроризм: понятие, сущность и основные направления противодействия // Крымский научный вестник. № 4. 2016. С. 10–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskij-terrorizm-ponyatie-suschnost-i-osnovnye-napravleniya-protivodeystviya>. – (дата обращения: 27.11.2023)
7. Шапошников А. А. Биологический и химический терроризм: история и современность // РЭТ-инфо. 2007. № 4 (64). С. 35–40.
8. Шарофзода Р. Ш. Биологический терроризм: понятие и особенности проявления // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2020. № 4 (48). С. 103–111.

© Иванова С. С., 2023

ИДЕОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Курбатова Светлана Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»,
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет»,
г. Красноярск, Красноярский край

В статье представлена характеристика основных организационно-правовых аспектов борьбы с терроризмом в Великобритании. Отмечено значение используемого ком-

плексного и системного подхода, с привлечением к данному процессу не только органов государственной власти, но и представителей научного сообщества, а также институтов гражданского общества.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Великобритания, борьба, профилактика.

Проблема терроризма и экстремизма является одной из основных в современной Великобритании, о чем свидетельствует статистика террористических актов с начала XXI века [1]. И если изначально политика английского правительства носила карательно-возмездный характер и была направлена на то, чтобы найти и наказать виновных, то в последнее десятилетие она все больше ориентирована на борьбу с основополагающими причинами террористического поведения, включая экстремистские идеологии.

В частности, в связи с этим была разработана и принята Стратегия предотвращения, являющаяся частью комплекса нормативных актов Великобритании по противодействию и борьбе с экстремизмом и терроризмом. Данная Стратегия направлена на выявление лиц, которые способствуют разделению нации и распространению ненависти, а также факторов, которые предрасполагают отдельных лиц или их группы реагировать на террористические идеологии. Стратегия, разработанная в конце 2000-х гг., была пересмотрена в 2011 году, с тем чтобы выделить сферу по предотвращению террористической и экстремистской деятельности от более прямой и жесткой контртеррористической деятельности, исходящей от государства в лице его конкретных специализированных органов. В рамках программы «Предотвращение» организации государственного сектора обязаны предотвращать вовлечение людей в терроризм [2]. В дальнейшем эти идеи нашли свое развитие на законодательном уровне – в 2015 году был принят Закон о борьбе с терроризмом и безопасности [3], вместе с руководством, определяющим, какую роль различные секторы должны играть в реализации Стратегии.

Стратегия предотвращения основана на ряде ключевых принципов:

- предотвращение терроризма и экстремизма было и остается неотъемлемой частью общей правительственной контртеррористической стратегии;
- борьба со всеми формами терроризма, и особенно против тех форм, которые представляют наибольший риск в конкретный период времени (в настоящее время наибольшей угрозой для Великобритании названа «Аль-Каида»² и ее ответвления);
- борьба с ненасильственным экстремизмом там, где это создает среду, благоприятствующую терроризму, и популяризирует идеи, поддерживаемые террористическими группами;
- бойкотирование (и прежде всего финансовое) экстремистских организаций, которые не поддерживают ценности демократии, прав человека, верховенства закона и взаимного уважения и терпимости различных религиозных групп.

² Организация признана террористической в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В качестве своей цели Стратегия называет триединство поставленных задач:

- ответ на идеологический вызов терроризма и угрозу, исходящую от тех, кто его пропагандирует;
- предотвращение вовлечения людей в терроризм;
- особо активная работа с секторами и институтами, где существуют повышенные риски радикализации [5].

На основе Стратегии разрабатываются и иные правовые документы, например, Руководство по получению помощи по проблемам радикализации 2022 г [4]. В нем определены роль и значение предотвращения экстремизма и терроризма – в интересах всего населения, что подтверждается тем, что Стратегия должна реализовываться прежде всего на местном уровне, а в число субъектов ее реализации должны входить местные органы власти, полиция, благотворительные и иные общественные организации, научные и творческие деятели. При этом Руководство направлено на обеспечение конкретной цели Стратегии, а именно – предотвращение вовлечения людей в террористические организации и совершение террористических актов. В частности, дан перечень признаков того, что лицо вовлекают в подобные действия. Среди них такие, как: изучение экстремистских контентов онлайн или иным способом; оправдание применения насилия для решения социальных проблем; изменение своего стиля одежды или внешности в соответствии с какой-то конкретной экстремистской группой; нежелание общаться с людьми, которых они считают другими; использование определенных символов, связанных с террористическими организациями, и т. д.

В Руководстве представлены разные способы предотвращения вовлечения лиц в экстремистскую и террористическую деятельность, включая рекомендации к обращению к различным специализированным сайтам помощи.

Поддержка, предоставляемая программой «Предотвращение», может включать:

- наставничество;
- поддержку в области психического здоровья, например, консультирование;
- поддержку в области образования или карьерного роста;
- онлайн-тренинги по безопасности для родителей; и др.

В целом можно отметить, что подобный акцент в государственной политике Великобритании на превентивные и профилактические меры в борьбе с терроризмом и экстремизмом дает положительный результат – количество террористических актов сократилось. При этом необходимо еще раз обратить внимание на то, что Стратегия предотвращения (Prevent) является частью более широкой Стратегии по борьбе с терроризмом (Contest).

Представляется, что подобный опыт будет интересен и полезен и другим государствам, которые также вынуждены вести борьбу с терроризмом на своих территориях.

Библиографический список

1. Хронология террористических атак в Великобритании с 2005 года. URL: <https://tass.ru/info/7232011> (дата обращения: 01.12.2023).
2. Политика борьбы с экстремизмом: обзор от 23.06.2017. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7238/> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Counter-Terrorism and Security Act, 26.11.2014. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/counter-terrorism-and-security-bill> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Guidance: Get help for radicalization concerns, 2022. URL: <https://www.gov.uk/guidance/get-help-if-youre-worried-about-someone-being-radicalised> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Prevent strategy, 2011. Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7896aed915d07d35b0dcc/prevent-strategy-review.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

© Курбатова С. М., 2023

МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Лубенникова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассматриваются возможности противодействия экстремизму на муниципальном уровне. Дается обзор нормативной базы в данной сфере и практики ее реализации на примере некоторых муниципальных образований. Анализируются проблемы в деятельности органов местного самоуправления по профилактике экстремизма. Предлагаются меры по корректировке сложившейся практики.

Ключевые слова: экстремизм, органы местного самоуправления, меры по противодействию экстремизму, профилактика, практика.

Для целей противодействия экстремизму применяется комплекс мер, предусмотренных законодательством. В частности, на основании ст. 5 Закона о противодействии экстремизму в целях противодействия экстремистской деятельности публичные органы власти в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, а также меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности. Такие меры закреплены специальными нормами законодательства. Например, на основании п. 7.1. ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения городского, сельского поселения относится участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения. При этом, что понимается под профилактикой, минимизацией и ликвидацией таких последствий, нормативно не определено. Превентивные меры описаны в общих чертах, но остается до конца непонятным, что включает в себя профилактика. Также не устанавливаются требования к количеству мероприятий, которые долж-

ны быть проведены, к минимальному финансированию этих мероприятий. Поэтому органы местного самоуправления руководствуются в этой деятельности собственным усмотрением и пониманием. Проанализировать подход к решению подобного рода вопросов можно на основе практики деятельности органов местного самоуправления городов Абакан, Красноярск, Томск, Кемерово. Так, при анализе нормативных правовых актов органов местного самоуправления, регулирующих организацию работы по противодействию экстремизму, можно выявить следующее. Схожесть актов существует, но по предмету регулирования они могут отличаться. Как правило, принимаются Положения об участии в профилактике терроризма и экстремизма, а также минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма в соответствующем муниципальном образовании. Могут приниматься Программы по профилактике экстремистской деятельности, создаваться комиссии [1–6]. Принятие программ является важным элементом в деятельности органов местного самоуправления, в этих программах определяются субъекты, ответственные за проведение соответствующих мероприятий, определяются индикаторы достижения результатов, постоянно проводится мониторинг выполнения каждого этапа реализации программы.

В 2014 году в г. Абакане Совет депутатов принял нормативный правовой акт, который утвердил положение о противодействии экстремизму. В этом акте закреплены задачи, цели профилактики экстремизма, установлены полномочия органов местного самоуправления [3]. Совет депутатов города Абакана при формировании бюджета должен выделить средства на мероприятия по профилактике экстремизма, в дальнейшем заслушать отчеты по проведенной работе. Администрация города ведет разъяснительную работу, принимает акты, направленные на обеспечение исполнения иными исполнительными органами полномочий по противодействию экстремизму, взаимодействует с правоохранительными органами. В 2020 году принято Постановление Администрации города Абакана № 1752 «Об утверждении Муниципальной программы «Профилактика правонарушений, незаконного оборота наркотиков, терроризма, экстремизма, а также обеспечение общественного порядка и безопасности в городе Абакане» [1]. В Программе определены показатели результативности, к которым относятся: 1) оценочный показатель участия Администрации города Абакана в профилактике правонарушений; 2) уровень обеспеченности инженерно-техническими средствами защиты муниципальных объектов с массовым пребыванием людей и муниципальных объектов обеспечения жизнедеятельности; 3) общее время несения дежурства дружинниками по охране общественного порядка. Одним из итоговых результатов к 2030 году должна стать реализация мероприятий, которые направлены на вовлечение людей в общественно полезную деятельность, их правомерное поведение. При этом профилактика экстремизма проводится в рамках профилактики правонарушений и реализация мероприятий по укреплению общественного порядка и безопасно-

сти, то есть отдельно меры, направленные на профилактику экстремизма, не предусмотрены. Предполагается, что все мероприятия, направленные на профилактику совершения всех правонарушений, также будут относиться к профилактике правонарушений экстремистских.

На сайтах органов местного самоуправления размещаются отчеты по проделанной работе за год [10]. В отчетах указывается, например, что приобретался баннер, со школьниками и населением проводились беседы об ответственности за преступления, проводились обходы мест скопления молодежи, обследовались сооружения, места захоронения для выявления знаков экстремистской направленности (это отнесли к ликвидации последствий экстремистских правонарушений), произведен ремонт Парка Победы, обследовались чердаки, подвальные помещения, территории многоквартирных домов, размещены памятки для населения на сайте органа местного самоуправления. Конечно же, эта работа является ценной. Но устранение причин и условий экстремизма при этом может и не происходить. Например, спорным является распространение информационных материалов, так как большое значение имеет качество этих материалов, методы их распространения, попадание в целевую аудиторию и другие факторы, без учета которых работа может терять смысл. Эффективная стратегия профилактики экстремизма на муниципальном уровне должна включать проведение анализа ситуаций, которые возникают или могут возникнуть в муниципальном образовании, выявление существующих и потенциальных рисков. Однако, согласно данным отчетов, финансирование указанных целей производится в минимальном объеме, поэтому небольшим муниципалитетам необходима внешняя помощь.

Можно присоединиться к выводам исследователей, которые изучают деятельность органов местного самоуправления по противодействию экстремизму [7, 8, 9]: 1) финансирование программ низкое; 2) организация работы складывается по-разному, не всегда наблюдается системный характер в такой работе. Итак, для решения проблем рекомендуется:

- создание центров сопровождения по профилактике экстремизма и терроризма для органов местного самоуправления в каждом субъекте РФ, где будет оказана экспертная, консультационная помощь по профилактике экстремистской деятельности руководителям органов местного самоуправления;

- создание в муниципальном образовании общественной полиции с наделением ее функций по профилактике экстремизма;

- проведение анализа ситуации и принятие качественных планов с обозначением целевых показателей и мероприятий, усиление взаимодействия с полицией;

- финансирование мероприятий, определяющих алгоритм действий в случае, если при использовании информационных сетей происходит экстремистское воздействие.

Эти мероприятия могут иметь направленность правовую, психологическую, социальную. Правовая направленность мероприятий предполагает

разъяснительную работу по правовому регулированию противодействия экстремизму, правила поведения в сети Интернет. Психологическая направленность мероприятий подразумевает меры виктимологической профилактики. Социальная направленность мероприятий предполагает поддержку общественных организаций, иных социальных сообществ, деятельность которых связана с противодействием экстремизму.

Таким образом, необходимо на законодательном уровне дать разъяснение, что понимается под профилактикой экстремизма, так как от этого зависит эффективность и полнота деятельности органов публичной власти. Следует отметить, что важным в этом направлении является нормотворчество органов местного самоуправления по утверждению программ по профилактике экстремистской деятельности и выполнение этих программ.

Библиографический список

1. Об утверждении Муниципальной программы «Профилактика правонарушений, незаконного оборота наркотиков, терроризма, экстремизма, а также обеспечение общественного порядка и безопасности в городе Абакане»: постановление Администрации города Абакана от 14 окт. 2020 г. № 1752 // Абакан «Официальный портал». Сайт Администрации города Абакан. URL: <https://xn--80aac0ct.xn--p1ai/assets/files/guo/noko/ocenka-mehanizmov-upravleniya-kachestvom/mehanizmy-upravleniya-kachestvom-obr-deyat/organizaciya-vospitaniya/pokazateli/1752.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
2. Об утверждении Положения об участии Администрации городского округа Стрежевой в реализации мероприятий по профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории муниципального образования городской округ Стрежевой: постановление Администрации городского округа Стрежевой от 12 авг. 2021 г. № 424 // Официальный сайт органов местного самоуправления городского округа Стрежевой. URL: <http://admstrj.ru>. 2021. 12 авг (дата обращения: 01.12.2023).
3. Об утверждении Положения об участии в профилактике терроризма и экстремизма, а также минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма в границах города Абакана: Решение Совета депутатов г. Абакана от 21 окт. 2014 г. № 159 // Абакан официальный. 2014. № 43. 22–28 окт.
4. Об утверждении Положения об участии в профилактике терроризма и экстремизма, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории Юргинского городского округа: решение Юргинского городского Совета народных депутатов от 01 окт. 2021 г. № 357 // Вестник Юргинского городского Совета народных депутатов и Администрации г. Юрги. 2021. 06 окт. (приложение к газете «Резонанс-Ю»).
5. Об утверждении Положения об участии в профилактике терроризма и экстремизма, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории Крапивинского муниципального округа: решение Совета народных депутатов Крапивинского муниципального округа от 17 мая 2021 г. № 242 // Тайдонские родники. 2021. 21 мая.
6. Об участии администрации города Томска в профилактике терроризма и экстремистской деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремистской деятельности на территории муниципального образования «Город Томск»: постановление администрации Города Томска от 27 мая 2021 г. № 369 // Сборник официальных материалов муниципального образования «Город Томск». 2021. 03 июня.
7. Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Инновационные направления деятельности органов местного самоуправления по профилактике экстремизма (экономический и правовой аспекты) // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 7. С. 23–28.

8. Сигарев А. В. Стратегия противодействия экстремизму на муниципальном уровне // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 12. С. 32–37.
9. Шерникова Д. А. Проблемы правового регулирования профилактики терроризма и экстремизма и их решение органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 28–32.
10. Муниципальные образования Богградского района // Официальный сайт муниципального образования Богградский район Республики Хакасия. URL: Администрация Богградского района (boggrad-web.ru) (дата обращения: 01.12.2023).

Печатается при информационной поддержке справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Лубенникова С. А., 2023

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ООН ПО БОРЬБЕ С КИБЕРТЕРРОРИЗМОМ

Лянка Анастасия Васильевна,

студент

Научный руководитель: Талимончик Валентина Петровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

В статье дана характеристика Контртеррористического управления ООН, проанализированы его функции и полномочия. С учетом анализа понятия кибертерроризма и его международно-правовой регламентации автором предлагаются направления совершенствования деятельности Контртеррористического управления ООН.

Ключевые слова: *Глобальная контртеррористическая стратегия, Контртеррористическое управление ООН, международное право, международные договоры, терроризм, кибертерроризм, информационные технологии.*

На протяжении многих десятилетий человечество сталкивается с угрозой терроризма. Мировое сообщество со второй половины XX века, стараясь решить данную проблему и повысить эффективность международного сотрудничества в области противодействия терроризму, принимает международные конвенции, устанавливающие меры по борьбе с терроризмом различных видов. Особую роль в борьбе с терроризмом играет Организация Объединенных Наций (ООН), ею также были разработаны множество международных соглашений для государств-участников и Контртеррористическая стратегия. Так, 8 сентября 2006 года принята Генеральной Ассамблеей ООН (далее – ГА ООН) Резолюция A/RES/60/288, где изложена Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций [3]. В силу этого документа устанавливались четыре значимых компонента, которые необходимо в равной степени реализовывать. В основном они направлены на устранение причин, порождающих терроризм, выработку механизмов борьбы с ним, повышение эффективности деятельности ООН и сотрудничества государств-участников при реализации поставленных целей и задач в соответствующей области, а также

обеспечение верховенства права и прав человека, являющихся основой противодействия терроризму. Однако в связи с увеличивающийся угрозой терроризма ООН осознала, что, помимо принятия международных договоров и стратегий, направленных на противодействие терроризму, возрастает необходимость в учреждении нового органа, который бы реализовывал поставленные задачи перед мировым сообществом, осуществлял координацию и способствовал увеличению роли международного сотрудничества в борьбе против терроризма. В связи с этим в 2018 году после доклада Генерального секретаря ООН учреждается Контртеррористическое управление ООН (далее – КТУ ООН) [5]. КТУ ООН было наделено рядом функций, среди которых обеспечение должного внимания вопросам борьбы с терроризмом, освещение контртеррористической деятельности ООН; повышение координации и согласованности деятельности в данной сфере и обеспечение руководства в вопросах выполнения контртеррористических мандатов ГА ООН [7]. ГА ООН, в свою очередь, определяет приоритетные направления деятельности КТУ ООН в резолюциях, принимаемых по итогам проводимого раз в два года обзора хода осуществления Глобальной контртеррористической стратегии [4].

КТУ ООН также призвано осуществлять вышеперечисленные функции для поддержания кибербезопасности. Должное обеспечение кибербезопасности возможно в том числе и при эффективном проведении мероприятий и координации деятельности по борьбе с кибертерроризмом. На сегодняшний день наряду с обычным терроризмом возрастает угроза развития кибертерроризма. В первую очередь это вызвано развитием информационных технологий. Они позволяют террористам легче организовывать террористические акты. Социальные сети помогают гораздо быстрее найти субъекта для вербовки, а при помощи электронных устройств и телекоммуникационных технологий в любое время и из любой точки мира можно осуществить террористические действия. Поскольку данное явление возникло сравнительно недавно, в науке еще не сформулировано единое мнение по определению понятия «кибертерроризм». Но, анализируя мнения авторов, таких как В. А. Голубев, Ю. В. Гаврилов и Л. В. Смирнов, мы приходим к выводу о том, что кибертерроризм – это осуществление противоправных деяний, направленных против человека, общества и государства для лишения жизни, угрозы расправой, шантажа, искажения информации и увеличения паники посредством информационных и цифровых технологий в политических, экономических и религиозных целях [6, с. 41–42].

Международное сообщество тоже осознаёт наличие угрозы кибертерроризма. Например, в резолюции 2341 (2017) Совет Безопасности призвал государств-участников прибегнуть к формированию сетей связи и электронного оповещения для борьбы с террористами [2]. Помимо этого, в шестом Обзоре ГКС ООН (A/RES/72/284) государства-члены были призваны объединить усилия, чтобы не допустить расширения активного

использования террористами сети Интернет, но при этом сохранить свободный и безопасный доступ для остальных [4]. Однако конкретная формулировка понятия «кибертерроризм» и четкие меры борьбы с ним до сих пор на международном уровне ООН не выработаны. Также четко не обозначены непосредственные функции КТУ ООН в соответствующем вопросе. На официальном сайте ООН возможно найти информацию исключительно о том, что КТУ ООН проводит мероприятия по кибербезопасности, вырабатывает программы по использованию социальных сетей для собирания информации, чтобы противодействовать террористам, а также формулирует экспертные мнения по некоторым вопросам [7]. Но тем не менее на уровне международно-правового регулирования роль Управления в противодействии кибертерроризму все еще не определена. В связи с этим стоит сказать о наличии пробела и отсутствии четкой международно-правовой кодификации в пресечении кибертерроризма, несмотря на возрастающую актуальность и потребность в регулировании.

Так как кибертерроризм представляет собой особо опасное преступление, которое осуществляется с использованием информационных технологий и информации, возникает необходимость в выработке и закреплении понятия «кибертерроризм» и его международно-правовой характеристике, а также конкретных мер для борьбы с террористами в информационном поле, взяв во внимание опыт Будапештской конвенции о киберпреступности [1]. Безусловно, меры борьбы с кибертерроризмом подлежат особой правовой кодификации и регламентации как на международном, так и на национальном уровнях. В дальнейшем это помогло бы выработать международную систему реагирования на кибертерроризм, благодаря которой государства-участники имели в случае угрозы быстрый доступ к потоку информации о подозрительной активности и оперативно взаимодействовали между собой для выемки данных из информационных систем. Определение и закрепление функций КТУ ООН по осуществлению эффективной координации в предлагаемой системе и по реализации конкретных перечисленных мер способствовали бы повышению эффективности в борьбе с кибертерроризмом.

Библиографический список

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). База «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 21.11.2023).
2. Резолюция 2341 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7882-м заседании 13 февр. 2017 г. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/038/61/PDF/N1703861.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2023).
3. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединённых Наций (A/RES/60/288): Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 8 сент. 2006 г. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.11.2023).

4. Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций A/RES/72/284: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 26 июня 2018 г. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/198/83/PDF/N1819883.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.11.2023).
5. Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (A/71/858) «Потенциал системы Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/088/95/PDF/N1708895.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.11.2023).
6. Мазуров В. А. Кибертерроризм: концепция, проблемы противодействия // Доклады ТУСУР. 2010. № 1–1 (21). С. 41–42.
7. Контртеррористическое управление ООН // Официальный сайт Организации Объединённых наций. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/about/> (дата обращения: 26.11.2023).

© Лянка А. В., 2023

БОРЬБА С КИБЕРТЕРРОРИЗМОМ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пономарева Елизавета Владимировна,

старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Санкт-Петербург

Настоящая статья посвящена проблеме борьбы с кибертерроризмом как одной из важнейших угроз международной информационной безопасности. В настоящее время идет спор о включении понятия кибертерроризма в конвенцию, которая может стать первым универсальным обязательным инструментом в данной сфере. Исследовав развернувшуюся международную дискуссию, автор делает вывод о слабых перспективах концептуального решения проблемы борьбы с кибертерроризмом.

Ключевые слова: кибертерроризм, международная информационная безопасность, терроризм, международное право.

Система международной информационной безопасности, которая начала складываться в 90-е годы XX в. одновременно с повсеместным распространением передовых кибертехнологий, отвечает на угрозы, возникающие перед международным сообществом в информационной среде. И чем больше государства полагаются на информационно-коммуникационные системы, тем более актуальной становится особенная угроза – угроза кибертерроризма, способного разрушать критическую инфраструктуру, ставить под вопрос сохранение мира и международной стабильности.

Так, согласно ежегодно публикуемому отчету Европейского центра борьбы с киберпреступностью (Европол), «в 2019 г. силами Европейского центра был предотвращены 129 террористических атак в 13 государствах-членах ЕС, 1056 человек были арестованы по факту подготовки и совершения террористических актов» [8].

Транснациональная структура Интернета создает дополнительные проблемы правоприменения и транснациональной кооперации в борьбе с кибертерроризмом. Как отмечает П. Н. Кобец, «совместная международная правотворческая работа в сфере борьбы с кибертерроризмом требует доверительных отношений между правительствами зарубежных стран, чтобы создать многополярную сеть сотрудничества между всеми сторонами, а не просто набор двумерных связей» [7].

Но на данный момент на универсальном уровне вопросы сотрудничества государств в борьбе с кибертерроризмом не урегулированы. Нельзя сказать, что существует абсолютный пробел в регулировании такой борьбы, скорее, речь идет о сложном сочетании взаимно пересекающихся и не взаимоисключающих норм.

Кибертерроризм рассматривается как важная угроза международной информационной безопасности в Соглашении между правительствами государств-членов ШОС [4]. Отчасти вопросы противодействия терроризму затрагивает Арабская конвенция по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2010 г. [3]. Однако она криминализует не сам кибертерроризм, но лишь связанные с терроризмом деяния, совершенные при помощи информационных технологий, такие, например, как пропаганда идей и принципов террористических групп.

Среди региональных инструментов необходимо отметить Будапештскую конвенцию 2001 г. [2], которую подписали не только страны Европы, но и Аргентина, Израиль, Япония, США и многие другие. Для стран-участниц она стала стандартом и образцом, к которому обращаются, рассматривая возможность регулирования борьбы с кибертерроризмом на универсальном международном уровне. Однако и эта конвенция не содержит понятия кибертерроризма и является в некоторой степени устаревшей в связи со стремительным развитием технологий.

Кибертерроризм – не новое явление, а новая террористическая тактика [9]. Поэтому некоторые инструменты борьбы с ним в распоряжении мирового сообщества есть, как минимум, с 60-х годов XX в. – периода появления соглашений о борьбе с терроризмом. Проблема в том, что один и тот же акт кибертерроризма потенциально может регулироваться международным уголовным правом, международным гуманитарным правом. Он может нарушать Устав ООН в части запрета угрозы силой (п. 4 ст. 2) или вооруженного нападения (ст. 51). Он может нарушать Конвенцию о транснациональной организованной преступности [1], иные конвенции, посвященные терроризму, и, наконец, в рамках отрасли прав человека в международном праве может рассматриваться и как допустимый протест в отношении государства. Это концептуальная проблема, которая должна быть решена путем определения кибертерроризма в международном праве и разграничения между приведенными видами деяний. Помимо концептуальных, кибертерроризм ставит перед государствами и чисто практические проблемы, такие как поиск доказательств ответственности государства за нарушение

международных соглашений и поиск общей для всех платформы, на которой можно было бы добиваться восстановления нарушенных прав.

В 2021 году возникла инициатива, теоретически способная заложить основы борьбы с кибертерроризмом на универсальном международном уровне. Государства-члены ООН начали переговоры о новой Конвенции о противодействии использованию информационных и коммуникационных технологий в преступных целях. 26 мая 2021 года Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА) приняла резолюцию 75/282, согласно которой проект конвенции должен быть представлен ГА на ее 78-й сессии, которая пройдет в период с сентября 2023 года по сентябрь 2024 года [6].

В июне 2023 года Специальный комитет по разработке Всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационных и коммуникационных технологий в преступных целях (Специальный комитет) опубликовал проект текста Конвенции («Нулевой проект») [6]. В нем к целям Конвенции были отнесены продвижение и усиление мер, направленных на эффективное предотвращение и борьбу с преступлениями и другими противоправными действиями в сфере ИКТ; их предотвращение путем введения уголовной ответственности и всевозможного международного содействия, сотрудничества и развития.

Изначально в проект Конвенции Российской Федерацией была внесена отдельная статья о кибертерроризме. Она была сформулирована следующим образом:

«Каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, которые могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых деяний, когда такие деяния совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий, террористические акты, склонение к участию в террористической деятельности, вербовку или иное вовлечение в нее, пропаганду и оправдание терроризма или сбор или предоставление средств для его финансирования, обучение исполнителей террористических актов, содействие коммуникации между террористическим организациями и их членами, включая создание, публикацию материалов или использование веб-сайта или оказание материально-технической поддержки исполнителям террористических актов, распространение информации о методах изготовления взрывных устройств, используемых, в частности, в террористических актах, и провоцирование раздоров и мятежей, разжигание ненависти или распространение расизма» [6]. Включение этой статьи также поддержали Мали, Беларусь, Никарагуа, Буркина-Фасо, Эритрея, Венесуэла, Судан, Куба, Нигерия, Бурунди, Египет, Турция, Сьерра-Леоне и КНДР.

Чтобы внесенное предложение осталось в финальном проекте, необходимо было, чтобы за него проголосовали не менее двух третей присутствующих членов Комитета. В процессе обсуждения большинство участников решили удалить статью о кибертерроризме из текста Конвенции, считая, что здесь происходит ненужное дублирование с иными международными документами.

Российская Федерация представила Комитету «Концептуальную записку», объясняющую, почему Россия последовательно настаивает на включении в текст Конвенции положений об использовании ИКТ в террористических целях, в которой привела примеры признания кибертерроризма важной международной угрозой. Также авторы напомнили Комитету о резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 77/298 (2023), в которой «подтверждается обязанность государств-членов предотвращать и пресекать финансирование террористических актов, воздерживаться от оказания любой формы активной или пассивной поддержки организациям или лицам, причастным к террористическим актам, в том числе путем пресечения вербовки членов террористических групп, и установить уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор любыми методами, прямо или косвенно, финансовых средств с намерением, чтобы они использовались (или при осознании того, что они будут использованы) полностью или частично для совершения террористического акта, и выражается озабоченность по поводу злонамеренного использования Интернета и других информационно-коммуникационных технологий, включая виртуальные активы, мобильные платежные системы и краудфандинг, и иных форм финансирования терроризма» [5].

Впереди у Специального комитета еще не менее шести раундов переговоров по десять дней, в результате которых проект Конвенции будет завершен и представлен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН в январе-феврале 2024 г.

Глобальность киберпространства создает парадоксальную ситуацию при попытках государств выработать единые меры по борьбе с кибертерроризмом: с одной стороны, в силу глобальности угрозы страны вынуждены сотрудничать, но с другой, это сотрудничество затрагивает вопросы суверенитета и защиты информации, а потому требует высочайшей степени доверия между странами. Борьба с кибертерроризмом, несомненно, не уйдет из повестки складывающейся системы обеспечения международной информационной безопасности, но полагаем, что создания единого обязательного универсального инструмента такого обеспечения в ближайшем будущем не приходится ожидать.

Библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 нояб. 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 04.12.2023).
2. European Treaty Series-No. 185 Convention on Cybercrime Budapest, 23.XI.2001. URL: <https://rm.coe.int/1680081561> (дата обращения: 04.12.2023).
3. Arab Convention on Combating Information Technology Offences, February 15, 2012. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/18573-national-security-archive-arab-convention> (дата обращения: 04.12.2023).
4. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Бюллетень международных договоров. 2012. № 1.

5. Концептуальная записка Российской Федерации. URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Concluding_session/Submissions/Concept%20paper_30.10.2023_R.pdf (дата обращения: 04.12.2023).
6. Материалы Специального комитета ООН. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/home (дата обращения: 04.12.2023).
7. Кобец П. Н. Отечественные и зарубежные подходы по разработке понятийного аппарата в сфере борьбы с кибертерроризмом и предложения по совершенствованию данного нормотворческого процесса // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 94–101.
8. Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. К вопросу о международном сотрудничестве в сфере противодействия кибертерроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 253–256.
9. Heath L., Saul B. Cyber Terrorism // Sydney Law School. Legal Studies Research Paper No. 4/11. January 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2387206> (дата обращения: 04.12.2023).

© Пономарева Е. В., 2023

ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С КИБЕРТЕРРОРИЗМОМ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Талимончик Валентина Петровна,

*доктор юридических наук, доцент, профессор, старший научный сотрудник кафедры
общетеоретических правовых дисциплин*

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Санкт-Петербург

Статья посвящена анализу существующих международно-правовых средств борьбы с компьютерными преступлениями с целью их возможной адаптации для пресечения террористической деятельности с использованием информационно-коммуникационных систем. Автор приходит к выводу, что существующие конвенционные механизмы борьбы с киберпреступностью не обеспечивают пресечение террористической деятельности с использованием информационно-коммуникационных систем. Необходима совместная экспертная работа технических специалистов и специалистов в области международного права по выработке унифицированных мер пресечения кибертерроризма и совершенствованию механизмов правовой помощи.

Ключевые слова: кибертерроризм, международное право, компьютерные преступления, информационно-коммуникационные системы, международно-правовые средства борьбы с кибертерроризмом.

В международном праве отсутствует конвенционное определение кибертерроризма. Обобщая доктринальные воззрения [8; 9] и определение, данное в к Модельном законе о борьбе с терроризмом, принятом Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ 17 апреля 2004 г. [3], международный кибертерроризм можно определить как вмешательство в нормальное функционирование компьютерных сетей, имеющее целью подрыв конституционного строя иных государств либо международного правопорядка и международных отношений в целом.

XXI век ознаменовался началом широкого использования различных информационно-коммуникационных систем – Больших данных, искусственного интеллекта, нейронных сетей, распределённых реестров. Формируются также сочетания информационно-коммуникационных систем – информационно-коммуникационные системы более высокого порядка (например, Метавселенная).

Понятие информационно-коммуникационных систем практически не исследовано в международно-правовой доктрине, поскольку основное внимание уделяется отдельным видам такого рода систем, в большей степени искусственному интеллекту и Большим данным. В частности, появились монографии по правовым аспектам использования искусственного интеллекта Шин-и Пенга, Шин-фу Лина и Томаса Стрейнза [4], Симона Честермана [6], Мити Ковач [10], Натали Ребе [11].

Что касается Больших данных, то вопрос их охраны в фундаментальных исследованиях связывается с охраной данных как таковых [5; 7].

В целом феномен информационно-коммуникационных систем недостаточно исследуется в правовой доктрине, включая доктрину международного права, поскольку исследования «разделились» по отдельным типам информационно-коммуникационных систем. Международно-правовые исследования использования информационно-коммуникационных систем в террористических целях и адекватных мер борьбы с кибертерроризмом на современном этапе практически отсутствуют.

Международное право не выработало систему конвенционных мер по борьбе с кибертерроризмом. В проекте конвенции, внесенной Российской Федерацией в ООН, отмечается, что преступное использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) создает широкие возможности для осуществления различных форм преступной деятельности, включая терроризм. В проекте предложено признать преступными на национальном уровне совершение с использованием ИКТ призывов к осуществлению террористической деятельности, вербовку террористов, пропаганду и оправдание терроризма, предоставление средств для его финансирования. Как следствие, не предложены унифицированные международно-правовые средства борьбы с кибертерроризмом. Проект учитывает только ИКТ, но не информационно-коммуникационные системы.

В международном праве выработаны средства борьбы с «обычной» компьютерной преступностью, но не с кибертерроризмом. Существующие международные договоры по вопросам компьютерной преступности (Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г., далее – Конвенция 2001 г. [1], Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. [2]) определяют международные меры сотрудничества в борьбе с компьютерными преступлениями. К числу мер по борьбе

с компьютерными преступлениями относятся в первую очередь традиционные механизмы правовой помощи.

Однако Конвенция 2001 г. внесла изменения в сложившуюся систему мер борьбы с транснациональной преступностью. Во-первых, она предусматривает возможность использования электронной связи для отправки просьб об оказании правовой помощи и ответов на них.

Во-вторых, Конвенция 2001 г. установила обыск в компьютерных сетях, а также сбор или запись в реальном масштабе времени данных о движении и содержании сообщений.

В-третьих, Конвенция 2001 г. предусмотрела незамедлительное обеспечение сохранности хранимых компьютерных данных. Она также предусматривает функционирование сети ежедневного круглосуточного доступа, т. е. каждое государство назначает контактную точку, работающую 24 часа в сутки 7 дней в неделю. В задачи сети входит обеспечение сохранности данных.

Ни одна из этих прогрессивных в свое время мер не может учитывать последствия и пресекать использование террористами информационно-коммуникационных систем. Для совершения террористических актов террористы могут использовать распределённые реестры, искусственный интеллект, нейронные сети как средства взаимодействия с правомерно функционирующими информационно-коммуникационными системами. Для организации террористической деятельности может использоваться технология Больших данных.

В условиях развития информационно-коммуникационных систем перед международным правом стоят две сложнейшие задачи: 1) выработка мер содействия научно-техническому прогрессу для пресечения использования террористами информационно-коммуникационных систем; 2) совершенствование механизма правовой помощи и включение в него использования информационно-коммуникационных систем. Обе задачи требуют совместной предварительной экспертной проработки техническими специалистами и специалистами в области международного права.

Основополагающими являются технические аспекты – будут ли выработаны информационно-коммуникационные системы контроля за существующими информационно-коммуникационными системами, прежде всего, искусственным интеллектом? Будут ли выработаны системы «перехвата» управления информационно-коммуникационными системами, контролируемые или используемые террористами?

На наш взгляд, экспертная работа по решению объективно возникших задач может быть организована в рамках ООН. Выработка универсального международного договора по кибербезопасности не должна привести к тому, что его положения будут изначально устаревшими, не соответствующими уровню развития научно-технического прогресса. Представляется, что технические специалисты недостаточно активны в обсуждении универсального международного договора по кибербезопас-

ности. Основную активность проявляют правозащитные организации в связи с обеспечением прав человека.

В результате исследования можно сделать следующий вывод. Существующие конвенционные механизмы борьбы с киберпреступностью не обеспечивают пресечение террористических действий, совершенных с использованием информационно-коммуникационных систем. На данном этапе необходима совместная экспертная работа технических специалистов и специалистов в области международного права по выработке унифицированных мер пресечения кибертерроризма и совершенствованию механизмов правовой помощи.

Библиографический список

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23 нояб. 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2023).
2. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2023).
3. Модельный закон о борьбе с терроризмом, принятый Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ 17 апр. 2004 г.. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2023).
4. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p.
5. Big Data in Context Legal, Social and Technological Insights / Ed. by Thomas Hoeren, Barbara Kolany. London: Springer, 2018. 120 p.
6. Chesterman S. We, the Robots?: Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 300 p.
7. Compagnucci M.C. Big Data, Databases and “Ownership” Rights in the Cloud. London: Springer, 2020. 308 p;
8. Denning D.E. Cyberterrorism. URL: https://irp.fas.org/congress/2000_hr/00-05-23denning.htm (дата обращения: 24.11.2023).
9. Gordon S. Cyberterrorism? URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167404802011161> (дата обращения: 24.11.2023).
10. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. 153 p.
11. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. Leiden: Brill – Nijhoff, 2021. 252 p.

© Талимончик В. П., 2023

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Тетеревлева Анастасия Вадимовна,

следователь следственного отдела по Василеостровскому району

ГСУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена рассмотрению экстремизма как явления современного мира, основных преступлений экстремистской направленности и выявлению составляющих национальной безопасности, на которые экстремизм посягает. Выявлены правовые проблемы противодействия экстремизму и сформулированы предложения по их решению.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, угроза национальной безопасности, преступления экстремистской направленности, противодействие экстремизму, проблема правового регулирования.

Проблема противодействия экстремизму через призму обеспечения национальной безопасности России имеет серьезное значение в силу возрастания конфликтов как на международной арене, так и внутри каждого государства. Причиной такого рода напряжения выступают процессы, происходящие в каждом конкретном обществе. Однозначно охарактеризовать данные процессы в качестве отрицательных или положительных достаточно сложно, так как каждое явление, например, миграция, имеет как положительные черты (приток новой рабочей силы), так и отрицательные (конфликты на религиозной и национальной почве). Обеспечение национальной безопасности должно иметь комплексный, многосторонний характер. Так, действует Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года, в которой указано, что экстремизм во всех его проявлениях посягает на гражданский мир, общественную безопасность и государственную целостность [5]. Это утверждение можно дополнить тем, что экстремизм посягает на такие составляющие национальной безопасности, как экономическая, информационная безопасность и на безопасность личности, то есть экстремизм имеет место в каждой сфере современного общества.

Одной из правовых проблем в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» [2] (далее – ФЗ) выступает отсутствие определения понятия экстремизма, что приводит к отнесению его в категорию «нечетких понятий». Отсутствие легального определения привело к проблемам при привлечении к уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности. Так, в ст. 1 ФЗ под экстремизмом понимается слишком широкий круг деяний, за которые предусмотрена уголовная и административная ответственность. Законодатель по большому счету указал имеющиеся в российском законодательстве деяния, за которые предусмотрена ответственность.

Одним из способов решения этой терминологической проблемы является разработка правового определения экстремизма, выделение характерных признаков и внесение их в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Так, ст. 1 можно изложить в следующей редакции: «Статья 1. Основные понятия. 1. Под экстремизмом понимается совокупность деструктивных взглядов (идей), воплощаемых путем публичных призывов, а также умышленных действий, характерной чертой которых является насилие и причинение вреда охраняемым общественным отношениям. Признаки экстремизма: наличие деструктивной идеи, публичный способ распространения взглядов, общественная опасность, совершение умышленных действий насильственного характера».

Общественная опасность должна выступать в качестве особенного критерия. Причина такого выделения – исключение возможности привлечения к ответственности лиц, совершивших деяние, в котором имеет-

ся состав преступления, но в силу малозначимости не представляет угрозу общественным отношениям.

Ведущая среди всех антиэкстремистских задач, стоящих перед правоохранительными органами на данный момент, – противодействие экстремизму в информационной среде. Исследование оперативной информации, судебных решений по уголовным делам показывает, что лица, совершившие преступления экстремистской направленности, изначально были вовлечены в совершение преступлений через интернет-сеть. В судебной практике есть множество примеров возбуждения уголовных дел в отношении иностранных граждан за совершение ими преступлений экстремистской направленности на территории России. В интернет-сети, а конкретно на отдельных сайтах, интернет-страницах размещены материалы экстремистского характера. Российское законодательство предусматривает два порядка блокировки доступа к сайтам и отдельным интернет-страницам, на которых расположены экстремистские материалы. Так, имеется судебный и внесудебный порядок блокировки. Суд принимает решение о признании данных материалов экстремистскими, Роскомнадзор исполняет судебные решения путем внесения интернет-страниц в Единый реестр запрещенных материалов. Прокуратура имеет право предъявлять требования к Роскомнадзору для блокировки доступа к интернет-ресурсу, на котором расположена информация, содержащая призывы к экстремизму на основании ст. 15.1 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Такой внесудебный порядок не позволяет осуществлять блокировку сайтов своевременно.

Однако существует проблема, которая заключается в том, что сам ресурс, содержащий экстремистские материалы, не исчезает, а только блокируется доступ к нему на территории РФ. Владельцы данных сайтов, специализирующиеся на распространении материалов экстремистского и террористического характера, могут с определенной периодичностью изменять адреса, делать копии отдельных интернет-страниц с целью легкого обхода блокировок. При условии существования других способов обхода, таких как VPN-сервисы, анонимные прокси-серверы, Tor-браузер и т. д., граждане могут знакомиться с материалами экстремистской направленности. Ограничивать доступ к инструментам, позволяющим обходить блокировки, бессмысленно, так как это слишком большой сектор программного обеспечения, используемый для нормального функционирования интернет-сети. Данные меры по ограничению доступа к экстремистским материалам, расположенным в сети Интернет, оцениваются как относительно успешные, потому что они не в полной мере решают проблему распространения экстремистских материалов [1]. По большому счету мера блокировки – это борьба с последствиями, а не причинами. Для решения данной проблемы не нужно ограничивать только мерами, связанными с блокировкой доступа.

На основании вышеперечисленных обстоятельств представляется возможным внедрить следующие положения:

– выработка международных соглашений, регламентирующих порядок прекращения функционирования сайтов с экстремистскими материалами, обязанность компаний предоставлять персональные данные пользователей по запросу правоохранительных органов в случае размещения ими запрещенных материалов экстремистской направленности;

– необходимость создания механизма сотрудничества (проведение конференций, семинаров, внедрение программ содействия в обмене опытом по противодействию экстремистской деятельности в интернет-пространстве) между правоохранительными органами других стран, уполномоченными на борьбу с экстремизмом в информационном пространстве с целью блокировки сайтов в стране, где они зарегистрированы, и привлечения лиц к ответственности. Данный механизм имеется в программе сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2023–2025 годы [7];

– создание единого реестра запрещенных материалов и организаций в рамках сотрудничества стран участников СНГ, ШОС, ОДКБ. Примером такого перечня может служить Единый реестр доменных имён, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в РФ запрещено [6]. Цель данного предложения – исключить возможность параллельного существования доступа к экстремистским материалам в сети Интернет в одной стране сотрудничества, когда в другой стране данные материалы признаны запрещенными и доступ к ним ограничен;

– создание единого информационного интернет-пространства в России (система серверов, фильтрующих содержание веб-страниц);

– наделение прокуроров правом блокировки сайтов и интернет-страниц;

– усиление координации деятельности государственных органов по профилактике и противодействию проявлений экстремизма в интернет-пространстве;

– поощрение деятельности общественных организаций, занимающихся профилактикой преступлений экстремистской направленности в информационной среде (кибердружины);

– проведение контрпропаганды, направленной на дискредитацию экстремистской деятельности в интернет-сфере путем создания интернет-контента антиэкстремистской направленности (отдельные интернет-страницы, буклеты, брошюры).

Если затрагивать уголовное законодательство, то в нем существуют проблемы в определении родовых и видовых объектов преступлений экстремистской направленности (например, в ст. 354.1 УК РФ) [4]. Проблемы квалификации, разграничения преступлений экстремистской и террористической направленности разрешимы путем создания в Уголовном кодексе РФ самостоятельной главы, объединяющей в себе нормы об ответственности за ведение экстремистской и террористической деятельности.

Подводя итог, можно констатировать, что сегодняшнее законодательное определение экстремизма имеет неопределенный характер и трактуется достаточно широко, но оно необходимо в целях ограничения свободы слова, исходя из ст. 55 Конституции России [1]. Последствия экстремизма наносят существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Одна из актуальных проблем на сегодняшний день – проблема противодействия распространению экстремистских материалов в интернет-сети. Для ее решения необходимо провести комплекс мероприятий, ключевым из которых является создание главы в Уголовном кодексе РФ с нормами об ответственности за ведение экстремистской и террористической деятельности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 2022. 06 окт.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля; 2022. 30 дек.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ; в ред. Федер. закона от 31 июля 2023 г. № 408-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля; 2023. 03 авг.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
5. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 2020. 29 мая.
6. Об утверждении Порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в РФ запрещено" с уполномоченными органами и правоохранительными органами: Приказ Роскомнадзора от 3 авг. 2017 г. № 152; в ред. Приказа Роскомнадзора от 05 окт. 2021 г. № 209 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 2017. 20 окт.; 2022. 10 февр.
7. О Программе сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы: Решение Совета глав государств СНГ от 14 окт. 2022 г., г. Астана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35411206&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 02.12.2023).

© Тетеревлева А. В., 2023

ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Хабибуллина Алиса Альбертовна,
Зинатулин Тимур Артурович,*

студенты

*Научный руководитель: Тарасова Ольга Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства*

*Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Казань, Республика Татарстан*

В статье обосновывается необходимость реализации профилактических мер, направленных на формирование общественного позитивного сознания, которое исключало бы возможность применения террористических насильственных действий.

Ключевые слова: *терроризм, террористический акт, профилактика терроризма, общегосударственная система противодействия терроризму.*

Терроризм направлен на уничтожение не только человеческих жизней, но и культурных, материальных ценностей, поэтому в настоящее время перед обществом стоит задача сформировать общественное позитивное сознание, которое исключало бы возможность применения насилия, направленного на разрушение социальной и политической стабильности. На наш взгляд, в данном направлении должна вестись согласованная работа государства и гражданского общества. Учитывая, что общество в современных политических системах имеет возможность влиять на государственную власть через выборные государственные структуры [4, с. 18], многие исследователи полагают, что именно ему должна принадлежать ведущая роль в пропаганде антитерроризма. В то же время разработанная государством стратегия борьбы с терроризмом не может не опираться на институты гражданского общества и на простых граждан [2, с. 362; 3, с. 233]. В данном направлении большое значение играет именно профилактика, так как ее цель – предупреждение преступлений террористического характера.

В России на сегодняшний день существует общегосударственная система противодействия терроризму (далее – ОГСПТ). Она представляет собой совокупность структур, которые в рамках полномочий, установленных законодательством и изданными на их основе нормативными правовыми актами, осуществляют деятельность по противодействию террористическим и экстремистским угрозам, создают и активизируют комплекс мер по профилактике террористических угроз, выявлению и пресечению террористической деятельности, минимизации и ликвидации возможных последствий террористических актов.

Под профилактикой терроризма понимается деятельность субъектов ОГСПТ по трем основным направлениям:

– организация и осуществление на системной основе противодействия идеологии терроризма и экстремизма;

- совершенствование антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических устремлений;
- усиление контроля за соблюдением административных, правовых и иных режимов, способствующих противодействию терроризму.

Деятельность ОГСПТ заключается в решении следующих задач:

- организация деятельности, целью которой будет являться устранение причин и условий, способствующих каким-либо образом возникновению и развитию терроризма;
- выявление и прогнозирование террористических угроз, информирование о них граждан, находящихся в зоне возможного совершения террористических актов;
- оказание сдерживающего и положительного воздействия по отношению к отдельным лицам (группам лиц), склонным к террористическим действиям, выявление причин, из-за которых лица являются склонными к таким действиям, с целью профилактики возникновения данных причин в обществе;
- определение правовой регламентации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и антитеррористических комиссий в субъектах РФ при введении режимов террористических угроз;
- разработка перечня антитеррористических мероприятий для организации и проведения их на территории субъектов РФ;
- создание и внедрение стандартных требований по защите от угроз террористических актов критически важных и потенциально опасных объектов, общественных мест;
- определение прав, обязанностей и ответственности руководителей органов исполнительной власти и хозяйствующих субъектов при организации мероприятий по антитеррористической защищенности подведомственных им объектов;
- улучшение нормативных правовых актов, касающихся вопроса о возмещении ущерба лицам, участвующим в пресечении террористического акта и проведении контртеррористической операции и (или) пострадавшим в результате их деятельности.

Важной частью мероприятий по противодействию терроризму является транспортная безопасность. Задачи транспортной безопасности заключаются в профилактике террористических актов в транспортных средствах, введении дополнительных мер безопасности и обеспечении технического оснащения на транспорте (таких как видеонаблюдение, металлодетекторы и рентгеновские подсканеры), профилактике террористических актов на железнодорожном и авиационном транспорте, проведении проверок безопасности, обучении персонала и совершенствовании процедур обеспечения безопасности.

Стоит также назвать профилактические действия по отношению к молодежи, которая является «будущим нашей страны» [1, с. 68]. Во всех образовательных учреждениях проводятся профилактические беседы на тему экстремизма и терроризма, демонстрируются примеры проявления

терроризма в России (чаще всего рассказывают о террористическом акте, который был совершен утром 1 сентября 2004 г. во время торжественной линейки, посвященной началу учебного года, в городе Беслане Республики Осетия). На наш взгляд, направления профилактической работы с молодёжью следует расширить, при этом учитывать психологические и возрастные особенности аудитории. Данная работа должна проводиться в рамках правового воспитания, которое «в образовательных учреждениях должно строиться планомерно и систематически» [5, с. 155].

В заключение хотелось бы сказать, что профилактика терроризма является важнейшей задачей как государства, так и общества. В настоящее время в России проводятся масштабные мероприятия по борьбе с терроризмом, которые направлены на защиту граждан и обеспечение национальной безопасности.

Библиографический список

1. Артеменко Н. Н., Тарасова О. Е., Николаева Е. А. Правовое воспитание как способ предупреждения преступности несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2020. № 2 (182). С. 68–70.
2. Панкратова К. П., Тараканова А. А., Некишев В. Л. Гражданское общество как фактор профилактики идеологии и проявления терроризма // Молодой ученый. 2019. № 2 (240). С. 361–363.
3. Николаева Е. А. Формирование правовой активности граждан как средство борьбы с терроризмом // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 18 октября 2019 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2019. С. 233–235.
4. Тарасова О. Е. Принцип разделения властей и гражданское общество диалектика взаимосвязи (Социально-философский аспект): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореф. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2004. 25 с.
5. Тарасова О. Е., Константинова Е. Д. Правовое воспитание школьников как средство профилактики формирования экстремистского сознания среди молодежи // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 18 октября 2019 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2019. С. 153–157.

© Хабибуллина А. А., Зинатулин Т. А., 2023

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА СОБРАННЫХ С ПОМОЩЬЮ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДАННЫХ

Чекотов Илья Павлович,

аспирант

*Научный руководитель: Грибунов Олег Павлович, доктор юридических наук, профессор,
первый проректор – проректор по научной работе*

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, Иркутская область

Статья посвящена предупреждению совершения преступлений экстремистской направленности посредством анализа собранных с помощью рекомендательных технологий данных. Автор описывает, почему проблема экстремизма настолько важна в настоящее время, приводит доводы, почему необходимо уделить особое внимание профилактике экстремизма именно среди молодежи, а также уточняет, почему анализ собираемых рекомендательными технологиями данных может быть так полезен с целью охраны правопорядка от совершения преступлений экстремистского толка.

Ключевые слова: *молодежь, преступления, экстремизм, рекомендательные технологии, анализ данных, правоохранительные органы.*

Проблема экстремизма в современном мире стоит особенно остро. В настоящее время наблюдается общемировая геополитическая нестабильность, в рамках которой происходит передел сфер экономического влияния. Довольно часто можно услышать высказывания о конце однополярного мира, на смену которому приходит многополярное мироустройство с разными центрами принятия решений. Национальные капиталы разных стран не могут находиться в стагнирующем положении, им требуется постоянное движение и рост. После развала СССР в мире образовался новый игрок на капиталистической арене в лице Российской Федерации, который имеет вектор своего расширения на территории стран – бывших республик Советского Союза. В то же время территория бывшего СССР (частью которой является и Российская Федерация) стала целью прочих зарубежных национальных капиталов.

Одним из инструментов достижения результатов по расширению сферы влияния национальных капиталов стала организация и проведение «цветных революций», которые подрывают основы конституционного строя государств. Подобная деятельность по организации таких революций, безусловно, является экстремисткой в рамках действующего законодательства Российской Федерации, так как, исходя из положений, содержащихся в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», под экстремизмом понимается такая деятельность, которая направлена в первую очередь на подрыв и насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации посредством радикального отрицания действующих общепризнанных норм и правил путем осуществления насильственных противоправных действий или пропаганды и призыва к таким действиям

по мотивам политической, социальной, идеологической, расовой, национальной, религиозной и др. ненависти или вражды [1].

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности растет. В 2019 г. было зарегистрировано всего 585 преступлений, тогда как в 2022 г. их количество увеличилось почти в 3 раза и составило 1 566 преступлений. Динамика выявления лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, также неутешительна. В 2019 г. было выявлено 455 чел. против 1078 чел. в 2022 г., что является самым большим количественным показателем за последние 13 лет [4]. Это свидетельствует о тенденции все большего вовлечения людей в преступную деятельность экстремистской направленности.

Особого внимания в контексте данной работы требует такая социально-демографическая группа, как молодежь. Согласно действующему российскому законодательству молодыми можно считать людей от 14 до 35 лет [2]. Изучив итоги Всероссийской переписи населения, российскую молодежь можно разделить еще на четыре возрастные группы: 15–19 лет; 20–24 года; 25–29 лет; 30–35 лет.

Необходимо отметить, что определение верхнего порога четвертой возрастной группы молодежи осуществлено с небольшой корректировкой в пользу Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», так как в одной из итоговых таблиц Всероссийской переписи населения верхней планкой возраста молодых людей является возраст в 34 года [5]. По мнению некоторых авторов, молодежь как социально-демографическая группа очень сильно подвержена проявлению экстремистских настроений в силу присущих ей различных особенностей: социально-психологических, физиологических, демографических и других [3, с. 56].

Согласно Дж. Шарпу, главному идеологу «цветных революций», с целью свержения политического режима необходимо выявлять неоднородность власти, определять ее источники, а затем «отсекать их». По его мнению, одним из источников власти являются культурные и психологические факторы [7, с. 4]. Таким образом, если точечное воздействие на психологические аспекты источников власти оказывает столь сильное влияние на такой масштабный процесс, как проведение «цветной революции», то почему бы правоохранительным органам не взять подобный метод на вооружение с целью противодействия экстремизму, в первую очередь среди такой находящейся в зоне риска социально-демографической группы населения, как молодежь.

В данной ситуации с целью поиска скрытых закономерностей и проведения более глубокой классификации преступлений экстремистской направленности актуально проведение разностороннего анализа данных, которые собираются в сети Интернет посредством применения рекомендательных технологий. Само определение данного термина содержится в положениях ст. 10.2–2 «Особенности предоставления информации

с применением рекомендательных технологий», дополнившей 1 октября 2023 г. Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Под рекомендательными технологиями понимаются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа предпочтений пользователей.

Данные, которые собираются рекомендательными технологиями о пользователях, могут быть достаточно разнообразными: личные предпочтения пользователя, время, затраченное на просмотр информации, нажатия на кнопки или ссылки и т. д. Итогом работы подобных технологий в любом случае является выявление сферы интересов пользователя с последующей рекомендацией потенциально интересующей его информации (контента) с целью склонения к принятию того или иного решения пользователем для извлечения выгоды.

По информации Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), по состоянию на 2023 г. существует три типа россиян [6]:

1. Типичный «heavy user» – молодой человек до 25 лет (86 % против 35 % среди всех россиян), с высшим и неполным высшим образованием (40 %), с хорошим или очень хорошим материальным положением (39 %), житель одной из столиц или города-миллионника (49 % и 42 % соответственно).

2. Типичный россиянин, проводящий в сети ежедневно менее четырех часов в день, – это россиянин среднего возраста 35–59 лет (48–47 % против 39 % среди всех россиян), с высшим образованием (44 %), проживающий в городах (за исключением обеих столиц и миллионников) (42–44 %).

3. Типичный россиянин, не пользующийся интернетом, – представитель старшей возрастной группы 60+ (42 % против 17 % среди всех россиян), с неполным средним образованием (36 %), житель села (33 %).

По данным того же источника, доля «heavy users» имеет тенденцию к росту: в 2018 г. их доля среди всех пользователей составляла 23 %, в 2019 г. – 27 %, в 2020 г. – 31 %, а в 2023 г. – уже 35 %.

Можно сделать вывод о том, что молодежь является не только самой подверженной экстремистским настроениям социально-демографической группой населения, но также, в связи со своей повышенной активностью в сети Интернет, оставляет там как количественно, так и качественно больше информационных следов, чем старшее поколение. С учетом того, что рекомендательные технологии нацелены на сбор подробной информации персонифицированного характера, которая может способствовать созданию психологического портрета личности пользователя, то просто необходимо, чтобы у правоохранительных органов имелась возможность анализировать подобные данные с целью предупреждения преступлений экстремистской направленности. Исследование таких неявных персональных данных и анализ поведения в сети Интернет молодых людей, последующее составление более четких психологических портретов с их

классификацией и сопоставлением всего изученного материала с аналогичным материалом следов цифровой деятельности людей, осужденных за осуществление экстремистской деятельности, поможет правоохранительным органам в выявлении лиц, склонных к совершению подобных преступных действий, и в проведении точечной профилактической работы с людьми, попавшими в зону риска.

Библиографический список

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля; 2022. 30 дек.
2. О молодежной политике в Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2023).
3. Дешина Е. И. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети Интернет социально-демографическая группа // Обзор.НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 54–61.
4. Выявлено лиц, совершивших преступления экстремистской направленности // Официальный портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 13.11.2023).
5. Итоги ВПН–2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 13.11.2023).
6. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 13.11.2023).
7. Sharp G. The Role of Power in Nonviolent Struggle. Boston: The Albert Einstein Institution. 1990. 19 p.

© Чекотов И. П., 2023

СЕКЦИЯ 3. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛА О ПРИЗНАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Горбунова (Корицунова) Ирина Викторовна,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье проведен анализ отдельных особенностей административных дел о признании информационных материалов экстремистскими. Сделан вывод о том, что правовая природа дел данной категории не отличается четкой проработанностью в юридической доктрине и действующем законодательстве, что не способствует правильному определению процессуальной формы судебной процедуры по их рассмотрению.

Ключевые слова: административное дело, дела о признании информационных материалов экстремистскими, экспертное заключение.

В 2018 году, с небольшой разницей во времени, в Кодексе административного судопроизводства РФ (далее – КАС) появились сначала глава 27.1, а потом глава 27.2, посвященные вопросам рассмотрения административных дел, касающихся признания информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях (далее – ИТС), информацией, распространение которой запрещено, и дел о признании информационных материалов экстремистскими. Признание материалов экстремистскими является одним из случаев признания информации запрещенной к распространению на территории РФ, поэтому главу 27.1 КАС по праву можно считать общей по отношению к главе 27.2. Также кодексом они отнесены к исковым производствам по судебному контролю, следовательно, представляют собой спор о праве (см. п. 2.2 ч. 3 ст. 1 КАС).

Согласно ст. 5 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», информация сама по себе как объект правоотношений не может быть признана незаконной. Незаконным признается распространение информации, т. е. поведение, которое должно оцениваться судом на предмет его правомерности. Согласно п.п. 6 и 7 ст. 10 данного Закона, запрещается распространение: информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотре-

на уголовная или административная ответственность; сообщений и материалов иностранного СМИ, выполняющего функции иностранного агента, и (или) учрежденного им российского юридического лица без указания на то, что эти сообщения и материалы созданы и (или) распространены такими лицами.

Суд может не признать распространением информации передачу ее ограниченному кругу лиц в научных или иных законных целях либо такое размещение информации в сети Интернет, при котором она не становится доступной неопределенному кругу лиц. Кроме того, при установлении факта неправомерного распространения в сети Интернет запрещенной к распространению информации суд должен установить виновность привлеченного к участию в деле административного ответчика в ее распространении, ведь, если владелец сайта, на котором размещена такая информация, не имел возможности предотвратить ее размещение (например, при размещении информации без ее предварительного модерирования), на него не возлагаются судебные расходы по делу.

Интересно, что данные категории дел рассматриваются по правилам административного искового судопроизводства и представляют собой споры о конкретных публичных правах граждан и организаций, несмотря на то, что ранее подразделом IV ГПК такие дела были отнесены к категории особых (охранительных) производств по фиксации определенных фактов. Возможно, поэтому в юридической литературе звучали и продолжают звучать предложения о введении в КАС совершенно не свойственных для него так называемых особых производств [1; 2, с. 68].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано, что судам при рассмотрении таких уголовных дел надлежит обеспечивать охрану публичных интересов государства и общества, с одной стороны, и, с другой, – защиту гарантированных Основным законом прав граждан – свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию законным способом. Таким образом, данные руководящие начала являются задачами судов при рассмотрении таких дел. При рассмотрении дел о признании материалов экстремистскими всегда имеется спор о праве. Отчасти такой вывод не противоречит Определению Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1053-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова В.С. на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части третьей ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ № 114).

Полагаем, что наличие неоднозначных подходов к пониманию правовой природы данной категории дел в специальной юридической литературе и правоприменительной практике вызвано нечеткой проработанностью в действующем законодательстве правовых категорий и доктрин-

нальных конструкций относительно понимания административного дела и административного судопроизводства, принципов административного процесса, тогда как правильное определение формы судебной процедуры зависит от правильного определения правовой природы дел.

По делам о признании информационных материалов экстремистскими административными истцами выступают прокурор, иные лица, которым такое право предоставлено законодательством РФ. Хотя данное положение и не закреплено прямо в главе 27.2. КАС, оно не противоречит сложившейся практике, а также содержанию ч. 1 ст. 265.1 КАС и ст. 13 Закона № 114-ФЗ. Статья 13 Закона № 114-ФЗ устанавливает, что информационные материалы могут быть признаны экстремистскими только федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу. Федеральный список экстремистских материалов подлежит размещению в ИТС на официальном сайте Минюста, а также опубликованию.

Административное исковое заявление о признании информационных материалов экстремистскими может быть подано в районный суд по месту обнаружения, распространения данных материалов или по адресу организации, осуществляющей их производство, с целью дальнейшего привлечения виновного лица к юридической ответственности. Практика судов свидетельствует, что неустановление административного ответчика на стадии принятия административного заявления и отсутствие информации о его фактическом адресе приводит к вынесению необоснованных решений и/или их дублированию. Отсутствие фигуры административного ответчика порождает вопрос в определении подсудности дела.

В настоящее время планируется внесение поправок в КАС. Так, дела о признании информационных материалов экстремистскими предлагают отнести к подсудности верховных и приравненных к ним судов субъектов Российской Федерации, также планируется при рассмотрении таких административных дел привлекать правообладателей, авторов произведений (перевода), а в ряде случаев – представителей централизованных религиозных организаций и специалистов по соответствующей религии [3].

Вместе с тем по таким категориям дел могут возникать общие проблемы правового регулирования производства по рассмотрению указанных дел, связанные, например, с вопросами обеспечения административному ответчику процессуальных гарантий в рамках рассмотрения административного дела, если ему уже было предъявлено «уголовное обвинение» о распространении экстремистских материалов (например, возможности задать вопросы экспертам в открытом судебном заседании с целью оспаривания достоверности их заключений и др.), определения вопросов подсудности, необходимости введения в текст КАС досудебной процедуры

рассмотрения таких дел, синхронизации законодательства о судебном и досудебном порядках рассмотрения жалоб (принципы, правила оценки доказательств и доказывания, преюдициальность решений и фактов и др.).

Если лицо, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления о признании информационных материалов экстремистскими, не установлено, то к участию в рассмотрении дела привлекаются уполномоченный по правам человека для дачи заключения по делу (ст. 265.8 КАС). Судья направляет в адрес названных лиц материалы административного дела о признании информационных материалов экстремистскими для дачи по ним заключения о наличии или об отсутствии в них признаков экстремизма, что иной раз создает сложности в понимании смысла «экстремистские материалы»

Для обоснования доводов административных исков прокурорами, выступающими техническими истцами, и уполномоченными по правам человека используются заключения экспертов-лингвистов, от качества которых зависит обоснованность принимаемых судебных решений. Однако на практике отнесение экспертом-лингвистом конкретного информационного материала к экстремистскому вызывает немало сложностей и далеко не всегда оценивается однозначно. В качестве основной причины ошибок, сделанных экспертами, отмечается неоднозначность понимания трактовки «экстремистские материалы», что влечет смешение информации, призывающей к совершению экстремистского действия либо их оправдывающей или обосновывающей, и собственно речевого действия призыва либо оправдания или обоснования.

Таким образом, правовая природа дел данной категории не отличается четкой проработанностью в юридической доктрине и действующем законодательстве, что не способствует правильному определению процессуальной формы судебной процедуры по их рассмотрению и вряд ли может обеспечить административному ответчику достаточный уровень правовых гарантий, который необходим с точки зрения справедливого правосудия; также смысловая неопределенность правовых терминов и понятий, используемых в Законе № 114-ФЗ («экстремистские материалы») сказывается на качестве экспертных заключений.

Библиографический список

1. Аргунов В. В. Каким быть особому производству по административным делам: к проекту изменений в КАС РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 62–75.
2. Бурмистрова С. А. Система основных производств по защите публично-правовых интересов: какой ей быть // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 66–83.
3. О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Проект Федерального закона № 285780-8 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.06.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: <https://consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2023).

© Горбунова (Коршунова) И. В., 2023

ЭКОЦИД КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЕ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ

Григорьев Василий Сергеевич,

студент

*Научный руководитель: Кичеев Борис Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассматриваются состав и признаки экоцида как уголовно наказуемого деяния. Автор приходит к выводу о том, что экоцид представляет собой разновидность преступлений террористической направленности, и указывает на необходимость совершенствования содержания рассматриваемого состава преступления. В частности, видится необходимым раскрытие содержания таких квалифицирующих признаков экоцида, как «массовое уничтожение животных», «экологическая катастрофа» для целей эффективного правоприменения.

Ключевые слова: *животные, объекты животного мира, экоцид, жестокое обращение с животными, преступления террористической направленности.*

С момента вступления в силу Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) жестокое обращение с животными было признано преступлением, влекущим уголовную ответственность по ст. 245 УК РФ [1]. Традиционно исследователи, анализируя деяния, имеющие своей целью жестокое обращение с животными, называют лишь состав указанного преступления со ссылкой на нормы Федерального закона от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее – Закон № 498-ФЗ). Однако, как представляется, уголовное законодательство содержит еще один состав преступления, предполагающий жестокое обращение с животными, – экоцид.

Согласно ст. 358 УК РФ, под экоцидом понимается массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

Согласно п. 5 ст. 3 Закона № 498-ФЗ, жестокое обращение с животным предполагает такое обращение, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии. Соотношение содержания указанного понятия с термином «массовое уничтожение животного мира» однозначно позволяет говорить о том, что

экоцид предполагает жестокое обращение с животными, причем в значительных масштабах и с потенциальной возможностью причинения серьезных экологических последствий – экологической катастрофы.

По сути, жестокое обращение с животными и экоцид (в части массового уничтожения объектов животного мира) отличаются именно массовостью уничтожения животных и предполагаемыми последствиями, находящимися в причинно-следственной связи с совершенным деянием.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что сама дефиниция «массовое уничтожение», являющаяся признаком объективной стороны экоцида, является оценочной, поскольку количественных критериев не содержит. Проблема квалификации подобного рода деяний усугубляется тем, что состав, предусмотренный ст. 245 УК РФ, предусматривает такой квалифицирующий признак жестокого обращения с животными, как жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских или корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье, совершенное в отношении нескольких животных. Возникает вопрос, как разграничить содержание понятий «несколько животных» и «массовое уничтожение», очевидным образом предполагающее гибель определенного количества объектов животного мира. Совершенно справедливо по этому поводу Е. А. Соболева пишет: «Можно ли говорить о наличии признака массовости в случае уничтожения 15 особей животных, или все же речь идет об убийстве десятков и сотен представителей животного мира? Непонятно, будет ли массовым уничтожение, например, трех животных, отнесенных к вымирающему виду, учитывая, что в мире осталось всего 60 его представителей» [7, с. 14].

Таким образом, законодателю необходимо определить критерий массовости применительно к квалификации преступления именно как экоцида, с учетом факта уничтожения животных, отнесенных к редким или исчезающим видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации.

Еще одна проблема, требующая законодательного решения, – определение содержания термина «экологическая катастрофа». По сути, в настоящее время именно такое правовое последствие, как способность вызвать экологическую катастрофу, позволяет отграничить экоцид как умышленное уничтожение животных (ст. 358 УК РФ) от жестокого обращения с ними (ст. 245 УК РФ). Однако термин «экологическая катастрофа» не раскрывается ни в одном нормативном правовом акте, в том числе подзаконном, а единственный более-менее близкий по своему содержанию термин «природно-техногенная катастрофа» лишь косвенным образом затрагивает именно природоохранные последствия, поскольку предполагает «разрушительный процесс, развивающийся в результате нормального взаимодействия технологических объектов с компонентами окружающей природной среды, приводящий к гибели людей, разрушению и повреждению объектов экономики и компонентов окружающей природной среды...» [5]. Таким образом, в приведенном определении упор сделан именно на техногенные причины и последствия подобного

рода катастроф, а экологические последствия рассматриваются лишь как сопутствующие, а не основные.

Никак не способствует ясности и общее понятие катастрофы, закрепленное в Уставе аварийно-спасательных формирований по организации и ведению газоспасательных работ, утв. Минпромнауки России 05.06.2003 г.: «катастрофа – крупная авария, повлекшая за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей и разрушения или уничтожения объектов и других материальных ценностей в значительных размерах, а также приведшая к серьезному ущербу окружающей среды...» [4]. Приведенное определение базируется на оценочных понятиях «крупная», «в значительных размерах», «приведшая к серьезному ущербу» и не способствует формированию единообразной правоприменительной практики.

В научной литературе было высказано мнение о том, что экологической катастрофой является устойчивое и значительное нарушение естественного функционирования экологических систем и/или биологического разнообразия в таких системах [6]. Однако такое определение опять же требует разъяснения, а применение его для квалификации уголовно наказуемых деяний – обязательного проведения экологических экспертиз.

В связи с вышесказанным представляется необходимым закрепление понятия «экологическая катастрофа» с разъяснением ее признаков, критериев (количественных и качественных) на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о преступлениях, причиняющих ущерб объектам животного и растительного мира. К таким преступлениям, соответственно, среди прочих относились бы и жестокое обращение с животными, и экоцид, и ряд других преступлений, в том числе включенных в главу УК РФ «Экологические преступления». В этом же постановлении высшая судебная инстанция могла бы разъяснить и содержание понятия массовости как квалифицирующего признака экоцида.

В рамках сравнительного анализа составов, предусмотренных статьями 245 и 358 УК РФ, хотелось бы также указать на характер этих составов. Если состав жестокого обращения с животными – материальный, т. е. преступление считается оконченным с момента, когда животному причинено увечье или оно погибло, то состав экоцида – формальный: «преступление является оконченным при совершении любого действия, перечисленного в диспозиции ст. 358 УК РФ, при наличии угрозы экологической катастрофы», а не при ее фактическом наступлении.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 358 УК РФ, выступает мир и безопасность человечества. Вместе с тем с учетом того факта, что экоцид в рассматриваемой нами части касается причинения вреда животному миру, можно выделить такие дополнительные его объекты, как экология, а также – по аналогии с объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, – общественная нравственность населения.

Также хотелось бы отметить, что, согласно преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых

вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности [3]. Массовое уничтожение животных, потенциально способствующее наступлению экологической катастрофы, по своим признакам позволяет относить экоцид к преступлениям террористической направленности, и наказание за него должно назначаться с учетом повышенной общественной опасности такого деяния.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
2. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 498-ФЗ; в ред. Федер. закона от 24 июля 2023 г. № 377-ФЗ // Рос. газ. 2018. 29 дек.; 2023. 02 авг.
3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февр. 2012 г. № 1: в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03 нояб. 2016 г. № 41 // Рос. газ. 2012. 17 февр.; 2016. 16 нояб.
4. Устав аварийно-спасательных формирований по организации и ведению газоспасательных работ, утв. Минпромнауки России 05 июня 2003 г.. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.11.2023).
5. Методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных подсистем РСЧС по обеспечению безопасности населения и территорий при угрозе возникновения оползневых процессов, их прохождению и уменьшению последствий от них, утв. МЧС России 10 дек. 2015 г. № 2–4–87–53–14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.11.2023).
6. Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6. С. 25.. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.11.2023).
7. Соболева Е. А. Уголовная ответственность за экоцид в законодательстве России и Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 13–15.

© Григорьев В. С., 2023

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДВОКАТАМИ И ИНЫМИ ЛИЦАМИ, ОКАЗЫВАЮЩИМИ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ, ОБЯЗАННОСТИ ПО УВЕДОМЛЕНИЮ РОСФИНМОНИТОРИНГА О ПРОВЕДЕНИИ ИХ КЛИЕНТАМИ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Козлова Валерия Николаевна,

*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена изучению содержания ст. 7.1 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», обязывающей адвокатов, нотариусов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь, уведомлять Росфинмониторинг о совершаемых клиентами операциях, подпадающих под признаки подозрительных в части легализации доходов, полученных преступным путем, и/или финансирования терроризма. Автор акцентирует внимание на противоречиях содержания анализируемой нормы положениям законодательства об адвокатской тайне и указывает на необходимость доработки механизма уведомления с учетом выявленных противоречий.

Ключевые слова: легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма, Росфинмониторинг, подозрительная операция, адвокат, лицо, оказывающее юридическую помощь, уведомление.

Законодательство содержит различные механизмы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее также – ПОД и ФТ), от простых – идентификация клиента и/или его представителя, выгодоприобретателей, установление иной информации о них – до особо сложных и в организационном, и в содержательном аспектах – оценка степени (уровня) риска совершения клиентом подозрительных операций и отнесение клиента к одной из групп риска, применение и отмена мер по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, организация внутреннего контроля и т. д.

Одним из таких механизмов выступает уведомление уполномоченного федерального органа исполнительной власти (Федеральной службы по финансовому мониторингу, далее – Росфинмониторинг) о том, что определенные в Федеральном законе от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2] (далее – Закон № 115-ФЗ) сделки или финансовые операции осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Изначально обязанность такого уведомления была возложена на организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, в частности, банки, иные кредитные организации, что представляется вполне логичным и обоснованным и соответствует спе-

цифике деятельности указанных организаций в совокупной связи с целями законодательства о ПОД и ФТ. Однако в 2004 г. в Закон № 115-ФЗ были внесены дополнения, согласно которым обязанность уведомления Росфинмониторинга о подозрительных сделках или приговлении к совершению таких сделок была возложена и на так называемых «иных лиц» (ст. 7.1 Закона № 115-ФЗ), к которым законодатель отнес, среди прочих, адвокатов, нотариусов и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг [4].

В случае если названные лица готовят или осуществляют от имени или по поручению своего клиента сделки с недвижимым имуществом; управление денежными средствами, ценными бумагами или иным имуществом клиента; управление банковскими счетами или счетами ценных бумаг; привлечение денежных средств для создания организаций, обеспечения их деятельности или управления ими; создание или куплю-продажу юридических лиц и иностранных структур без образования юридического лица, обеспечение их деятельности или управления ими, и таким лицам стали известны любые сведения о том, что вышеуказанные сделки осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, адвокаты, нотариусы, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, обязаны уведомить об этом Росфинмониторинг под страхом привлечения их к административной ответственности по ст. 15.27 КоАП РФ (неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма) [1] и к дисциплинарной ответственности, если речь идет о нотариусах и адвокатах.

Применение анализируемой нормы Закона № 115-ФЗ вызывает несколько вопросов. Во-первых, не совсем понятен механизм взаимодействия названных в Законе «иных лиц» с Росфинмониторингом. Так, сообщение о подозрительных операциях осуществляется через личный кабинет на сайте Росфинмониторинга и подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП) заявителя [5]. Если нотариус обязан иметь УКЭП, то у адвокатов и тем более – лиц, оказывающих юридические или бухгалтерские услуги, такая обязанность отсутствует, следовательно, и направление уведомлений в контролирующий орган становится невозможным. Кроме того, если для нотариусов и адвокатов разработаны и утверждены Рекомендации по исполнению последними требований законодательства о ПОД и ФТ [6; 7; 8], то для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, подобные Рекомендации или иные акты не приняты по вполне понятным причинам: такие лица не объединяются в саморегулируемые организации, не подотчётны специальным органам, осуществляют свою деятельность самостоятельно. Механизм по уведомлению Росфинмониторинга в таких условиях должен быть разработан непосредственно

уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, Правительством РФ или законодательным органом России и принят в виде отдельного нормативного правового акта.

Во-вторых, и в-главных, применительно к адвокатам большие вопросы вызывает само наличие информирования какого бы то ни было государственного органа о сделках и операциях, совершаемых клиентом. Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3], «адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю». Соответственно, сведения, ставшие адвокату известными при оказании юридической помощи своему доверителю, автоматически приобретают режим адвокатской тайны и не подлежат разглашению, в противном случае утрачивается как смысл обращения за помощью адвоката, так и суть ее оказания, лично-доверительный характер отношений, складывающихся между адвокатом и его клиентом. Можно предположить, что адвокат, которому стали известны сведения о совершенных или планируемых к совершению подозрительных операциях, должен отказаться от заключения соглашения об оказании юридической помощи и тем самым вывести ставшие ему известными сведения из-под режима адвокатской тайны, однако такой подход представляется формальным и противоречащим существу отношений между адвокатом и доверителем. Зачастую соглашение об оказании юридической помощи заключается уже после установления всех фактических обстоятельств, существа спорного правоотношения, изучения содержания доказательств, которыми располагает клиент и т. д., т. е. когда адвокату становится известен огромный массив информации для решения вопроса о перспективах предоставления защиты. Оказание юридической помощи включает в себя значительно более длительный по времени процесс, чем период с момента заключения соглашения, вследствие чего и режим адвокатской тайны должен распространяться на все сведения, сообщенные клиентом адвокату.

Законодатель и сам понимает, что передача сведений в Росфинмониторинг нарушает обязанность соблюдать адвокатскую тайну, вследствие чего устанавливает в ч. 5 ст. 7.1 Закона № 115-ФЗ правило, согласно которому обязанность сообщать о подозрительных операциях «не относится к сведениям, на которые распространяются требования законодательства Российской Федерации о соблюдении адвокатской тайны». Однако, с учетом вышеизложенного, в принципе непонятно, какие же сведения и в каком объеме должен передавать адвокат Росфинмониторингу.

Из всего сказанного выше следует, что механизм уведомления Росфинмониторинга о подозрительных операциях адвокатами, а также лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг (для которых даже рекомендации по передаче соответствующих сведений или иной подобный акт не разработаны и не утверждены) имеет спорный и противоречивый характер. Дополнительно к этому Закон № 115-ФЗ в ч. 4 ст. 7.1 указывает

на недопустимость разглашения факта передачи сведений в уполномоченный орган, что опять же нарушает фидуциарный характер отношений между адвокатом и доверителем, лицом, оказывающим юридические услуги по договору поручения, и его клиентом.

В определенной степени деятельность по ПОД и ФТ имеет приоритет над частными интересами клиента и лица, оказывающего ему юридическую помощь. Однако здесь следует помнить о том, что адвокат, иное лицо, предоставляющее юридические услуги, должны сообщать в Росфинмониторинг обо всех сделках, которые «осуществляются или могут быть осуществлены» в противоправных целях. Не исключена ситуация, когда информация о подозрительности сделки не подтвердится, и нарушение лично-доверительных отношений не повлечет достижения общественно полезной цели.

Спорный характер обязанности адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь, информировать Росфинмониторинг о подозрительных сделках подтверждается и отсутствием судебной практики по привлечению указанных лиц к административной ответственности по ст. 15.27 КоАП РФ (тогда как в отношении нотариусов такая практика довольно обширна).

В связи с вышесказанным видится необходимой доработка механизма уведомления уполномоченного органа адвокатами, лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, о совершении или планировании к совершению их клиентами, представителями клиентов, конечными бенефициарами сделок и операций с целью легализации доходов, полученных преступным путем, и/или финансирования терроризма. Законодателю следует определить, в каких пределах должна передаваться информация о подозрительных сделках и как разграничить такую передачу с действиями, представляющими собой нарушение правил об адвокатской тайне, поскольку последнее влечет негативные последствия для адвоката, вплоть до прекращения его адвокатского статуса. При этом соответствующие вопросы должны быть решены именно на законодательном уровне, а не в рамках принятия рекомендаций Федеральной палаты адвокатов. Соответствующие предписания должны касаться и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг. Если же указанные правила и механизмы будут утверждаться в рамках саморегулирования деятельности адвокатов (или нотариусов), лица, оказывающие юридические услуги и не имеющие статуса адвоката, фактически смогут не исполнять обязанность, предусмотренную ст. 7.1 Закона № 115-ФЗ. Соответственно, лица, потенциально планирующие осуществлять противоправные операции и сделки, будут обращаться не к адвокатам, а к иным осуществляющим юридическую деятельность лицам в целях снижения риска информирования уполномоченного государственного органа, а следовательно, цель анализируемых предписаний Закона № 115-ФЗ в любом случае достигнута не будет.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 425-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.; 2023. 08 авг.
2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 07 авг. 2001 г. № 115-ФЗ; в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 308-ФЗ // Рос. газ. 2001. 09 авг.; 2023. 13 июля.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 24 июля 2023 г. № 383-ФЗ // Рос. газ. 2002. 05 июня; 2023. 02 авг.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: Федер. закон от 28 июля 2004 г. № 88-ФЗ // Рос. газ. 2004. 31 июля.
5. Об утверждении Правил передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами, нотариусами, доверительными собственниками (управляющими) иностранной структуры без образования юридического лица, исполнительными органами личного фонда, имеющего статус международного фонда (кроме международного наследственного фонда), лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 09 апр. 2021 г. № 569; в ред. Постановления Правительства РФ от 05 окт. 2022 г. № 1773 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 16 (ч. 3). Ст. 2789; 2022. № 41. Ст. 7103.
6. Рекомендации по организации исполнения адвокатами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утв. Советом Федеральной палаты адвокатов 27 сент. 2007 г. (протокол № 2) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2007. № 4.
7. Рекомендации по организации исполнения нотариусами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утв. Федеральной нотариальной палатой РФ 24 авг. 2009 г.. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2023).
8. Рекомендации по исполнению адвокатами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 04 дек. 2017 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2018. № 1.

© Козлова В. Н., 2023

ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Коков Артур Дмитриевич,

студент

*Научный руководитель: Шведчикова Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу мер уголовной ответственности за осуществление террористической и экстремистской деятельности и защите прав лиц, пострадавших от различных проявлений экстремизма и терроризма.

***Ключевые слова:** терроризм, экстремизм, угроза жизни и здоровья, пропаганда, закон, юридическая ответственность.*

Проявления экстремизма и терроризма являются одной из основных угроз современному обществу. Они наносят ущерб не только государственной системе и безопасности, но и правам и свободам отдельных граждан. В связи с этим вопрос об ответственности за осуществление такой деятельности становится особенно актуальным. Настоящая научная статья посвящена изучению уголовной ответственности за осуществление террористической и экстремистской деятельности и защите прав пострадавших лиц.

Террористическая и экстремистская виды деятельности являются противоправными актами, целью которых является насилие, угрозы насилия или создание обстановки страха и опасности за жизнь. Такая деятельность направлена на дестабилизацию общественного порядка и разрушение основ государственной системы. В своих проявлениях терроризм и экстремизм могут использовать различные методы, от пропаганды и вербовки до нападений и актов насилия. Законодательство большинства стран предусматривает уголовную ответственность за осуществление террористической и экстремистской деятельности. Такие преступления являются серьезными и сурово наказуемыми, поскольку они посягают на безопасность и стабильность общества.

За совершение террористического акта, т. е. взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях, ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок от десяти лет до пожизненного лишения свободы, за публичные призывы к экстремистской деятельности ст. 280 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до четырех лет [1], что является более жесткими мерами наказания по сравнению наказаниями за совершение многих других преступлений, предусмотренных УК РФ.

Несмотря на величину срока наказания и тяжесть анализируемых преступлений, проявления террористической и экстремистской деятельности не являются редким событием в современном обществе. Так, за 2016–2020 гг. число актов террористической направленности в некоторых федеральных округах Российской Федерации выросло в полтора раза [4]. Поэтому особое внимание должно быть уделено защите прав лиц, пострадавших от проявлений экстремизма и терроризма. Такие лица могут нуждаться в предоставлении им медицинской помощи, физической и психологической поддержки, а также юридической помощи и защиты. В связи с этим законодательство Российской Федерации предусматривает меры поддержки таких лиц. Так, со-

гласно статье 18 Федерального закона (далее – ФЗ) «О противодействии терроризму», «государство осуществляет в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта»; в соответствии со статьей 19 того же ФЗ «социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористического акта..., включает в себя психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию, правовую помощь, содействие в трудоустройстве, предоставление жилья, проводится в целях социальной адаптации лиц, пострадавших в результате террористического акта, и их интеграции в общество и осуществляется за счет средств федерального бюджета...» [3].

Российский законодатель предусматривает не только восстановление нарушенных прав, но и охрану прав, ещё не нарушенных. Так согласно статье 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, унижением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, ...» [2].

Таким образом, можно сказать о том, что в российском законодательстве предусмотрены меры по защите и восстановлению прав лиц, пострадавших от террористической и/или экстремистской деятельности. Вместе с тем, несмотря на состоятельность действующих нормативных правовых актов, стоит и дальше продолжать разрабатывать и законодательно закреплять новые меры по борьбе с терроризмом и экстремизмом и меры по обеспечению защиты и восстановления нарушенных прав пострадавших от террористических и экстремистских проявлений прав граждан.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
3. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта; 2023. 13 июля.
4. Статистические данные по преступлениям террористической направленности на территории России. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Обзор. НЦПТИ, 2023. 261 с. // Образовательная платформа CyberLeninka [сайт]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-dannye-po-prestupleniyam-terroristicheskoy-napravlennosti-na-territorii-rossii?ysclid=lpp5w8e7oj745276064> (дата обращения: 02.12.2023).

5. Кафтан В. В. Противодействие терроризму : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2023. 261 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/511349> (дата обращения: 02.12.2023).

© Коков А. Д., 2023

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ

Лебедев Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права

Замараев Вадим Игоревич,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассмотрены актуальные вопросы реализации уголовной политики по противодействию терроризму. Авторы анализируют структуру криминализации терроризма, затрагивая вопрос его криминальной связи с экстремизмом. Делается вывод о приоритете репрессивного подхода при выборе средств воздействия в целях противодействия терроризму.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, преступность.

Уголовно-правовое противодействие разного рода деяниям, отнесенным законодателем в установленном порядке к преступлениям, является элементом уголовной политики [5, с. 110].

Исследуя вопросы содержания дефиниции [4, с. 86] уголовной политики, в начале XX века М. П. Чубинский высказывался: «...уголовная политика выражается путем как социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства... ставя перед собой задачу борьбы с преступностью» [14, с. 84]. Роль уголовно-правового противодействия преступности весьма весома, так как от его качества зависит стабильность общественных отношений, складывающихся в государстве. Причем речь здесь идет как об общественных отношениях, охраняемых уголовным законом «здесь» и «сейчас», так сказать в «моменте», так и об общественных отношениях, которые будут воплощены в будущем. Таким образом, маятник влияния уголовно-правового противодействия преступности имеет вполне определенные границы, в то время как криминологическое противодействие, имеющее в своем арсенале собственные средства воздействия на деликты [6, с. 213], таковых границ не имеет.

К тому же в последнее десятилетие становится все очевиднее, что воздействие на преступность не может сохранять прежние формы, трансформация которых неизбежна под влиянием изменяющегося мира (включая отдельно взятые события, происходящие в нем), изменяющегося сознания и, как следствие, человека в целом как самостоятельного субъекта правоотношения [3, с. 571].

Установление уголовно-правовых запретов необходимо рассматривать через призму целесообразности криминализации новых явлений [7, с. 94], реальной «цены», которую платит общество за последствия деяния и борьбу с ним [8, с. 178], общественной опасности [9, с. 86]. Тут нужно максимально взвешенно подходить к категории криминализации, чтобы не допустить появления нормы, которая хоть и будет присутствовать в уголовном законе, но не будет достаточно эффективной. Говоря о дефиниции криминализации нормы, следует подчеркнуть, что это правовой механизм, непосредственно связанный с формированием нормы, который, как нам представляется, является более длительным и непрерывным процессом, чем криминализация деяния, поскольку норма начинает свой «жизненный путь» после криминализации деяния. За время своего существования норма претерпевает изменения, относящиеся к процессу её формирования. От качества сформированных уголовно-правовых норм будет зависеть получение социально значимого результата [7, с. 95].

В ч. 1 ст. 205 УК РФ законодатель закрепил ответственность за совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями [1]. Наказывается такое деяние лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. Всего за 2022 год по ч. 1 ст. 205 УК РФ было привлечено к уголовной ответственности 4 лица [2]. При этом за аналогичный период за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьёй 205.2, частями первой и второй статьи 206, статьёй 208, частями первой – третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений было привлечено к уголовной ответственности 126 лиц.

Также следует обратить внимание, что законодатель осуществляет уголовно-правовое противодействие терроризму, закрепляя в нормах специальные виды освобождения от уголовной ответственности [15, с. 59]. Так, лицу, участвовавшему в подготовке террористического акта, надо своевременно предупредить органы власти или иным способом способствовать предотвращению осуществления террористического акта, и, если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления, он будет освобожден от уголовной ответственности.

Следует подчеркнуть, что в структуре национальной безопасности особое место уделено общественной безопасности, а обеспечение безопасности граждан, охрана их жизни и здоровья сегодня – одно из центральных направлений общероссийской социальной политики [12, с. 5]. Подобный подход вызван еще и тем, что терроризм по своему содержанию

крайне опасен, так как является компонентом экстремизма [10, с. 83], не только на уровне деятельности, но и на уровне идеологии [11, с. 25]. В свою очередь, подобная идеология порождает социальную напряженность в обществе, которая формирует конфликтные отношения между людьми, приводит к размыванию границ нравственности и морали, а также к обесцениванию общественной безопасности [13, с. 197].

В рассматриваемом контексте задача государства – на начальной стадии формирования преступной идеологии искоренять подобные зарождения, в том числе репрессивными средствами. Нельзя также недооценивать эффективность превентивных мер, выходящих за рамки уголовно-правовых категорий. К примеру, прививание молодежи культуры уважения к старшему поколению, самообразования, самосовершенствования, спортивного развития, патриотического подхода в повседневной жизни будет способствовать противодействию как терроризму так и экстремизму.

В целом же, противодействуя терроризму, государство выстраивает благоприятную среду для безопасности граждан. Воздействуя уголовно-правовыми средствами на категорию лиц, которые уже совершили террористический акт (пусть даже на четырех человек в год), мы обеспечиваем общественную безопасность миллионов граждан, тем самым реализуется задачи уголовного законодательства, закрепленные в ст. 2 УК РФ.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
2. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам. Судебный департамент: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 30.09.2023).
3. Бавсун М. В. Проблемы определения содержания предмета и метода уголовного права в условиях современной концепции развития общественных отношений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 4. С. 570–580.
4. Замаев В. И., Никиташина Н.А. Дефиниции в уголовном законодательстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 2. С. 84–90.
5. Лебедев А. С. Уголовная политика в области безопасности дорожного движения на современном этапе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 108–113.
6. Лебедев А. С. Криминологические средства воздействия на деликты // Актуальные проблемы современного законодательства: сборник статей участников VII Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 212–215.
7. Лебедев А. С. Особенности формирования уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами в состоянии опьянения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №. 1. С. 93–100.
8. Лебедев А. С. Цена преступлений, предусмотренных статьями 264 и 326 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 176–182.
9. Лебедев А. С. Социальная обусловленность криминализации подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства // Криминологический журнал. 2011. № 3. С. 86–88.
10. Лебедев А. С. К вопросу о формах экстремизма // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов

- III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 21 октября 2021 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2021. С. 81–84.
11. Луговенко Т. С. Криминологическая оценка сущности и соотношения понятий «экстремизм» и «терроризм», «экстремистская деятельность» и «террористическая деятельность» // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 21–27.
 12. Мальков С. М., Шеслер А. В. Преступления против общественной безопасности. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. 200 с.
 13. Мальков С. М. Криминология и предупреждение преступлений : курс лекций. Красноярск: СибОИ МВД России, 2020. 210 с.
 14. Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. Харьков : Печатное дело , 1905. 534 с.
 15. Освобождение от уголовной ответственности: учебное пособие / сост. Н. Н. Артеменко, А. С. Лебедев. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2023. 132 с.
- © Лебедев А. С., Замараев В. И., 2023

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Лубенникова Кристина Александровна,

студент

Научный руководитель: Шведчикова Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В исследовании систематизируются и анализируются статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие административную ответственность за правонарушения экстремистской направленности. Также рассмотрены статьи Уголовного кодекса РФ, которыми за совершение правонарушения экстремистской направленности повторно предусмотрена уголовная ответственность.

Ключевые слова: экстремизм, правонарушения экстремистской направленности, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации.

О противодействии экстремизму написано очень много научных материалов. Экстремизму противостоят, принимают меры, но само понятие «экстремизм» законодателем не определено. Точнее, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] (далее – ФЗ № 114-ФЗ) понятие экстремизма определяется идентично понятию «экстремистская деятельность». Однако они не идентичны, потому что под экстремистской деятельностью должно пониматься «проявление экстремизма». В ч. 1 ст. 1 ФЗ № 114-ФЗ законодатель дает разъяснение, что понимается под экстремистской деятельностью (экстремизмом) через перечисление, но это больше напоминает вид или форму проявления экстремизма: 1) насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности РФ (в том числе отчуждение части территории РФ), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы РФ с сопредельными государствами; 2) публичное

оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; 3) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; 4) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; 4) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; 5) совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса РФ; 6) использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии; 7) публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; 8) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг. Можно обратить внимание на то, что в приведенном определении используются оценочные категории – «рознь», «ненависть», «превосходство» и так далее. Это может отразиться на гарантированности прав и свобод человека и гражданина. Поэтому отграничить виды экстремистской деятельности от допустимых форм общественно-политической и культурной жизни граждан в правоприменительной практике порой затруднительно. А такая необходимость существует, так как статья 15 ФЗ № 114-ФЗ указывает, что за экстремистскую деятельность действующим законодательством предусмотрена юридическая ответственность.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ) не выделяет в отдельную главу правонарушения экстремистской направленности. Составы административных правонарушений определены в главе 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», что вполне логично, так как составы правонарушений экстремистской направленности имеют своим объектом общественную безопасность. С 2018 года можно увидеть тенденцию увеличения статей, предусматривающих ответственность за такого рода правонарушения. Административная ответственность за правонарушения экстремистской направленности предусмотрена не за все виды проявления экстремизма, а только за следующие деяния (отнесение их исследователями к такого вида правонарушениям исходит из понятия экстремистской деятельности): 1) пропаганда и публичная демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистскими до степени смешения, либо публичную демонстрацию атрибутики или символики экстремистских организаций (статья 20.3 КоАП РФ); 2) возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (статья 20.3.1 КоАП РФ); 3) публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (статья 20.3.2 КоАП РФ); 4) публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ (статья 20.3.3. КоАП РФ); 5) призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (статья 20.3.4 КоАП РФ); 6) массовое распространение материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения (статья 20.29 КоАП РФ).

За совершение данных правонарушений предусматривается также уголовная ответственность, если ранее лицо привлекалось к административной ответственности за эти правонарушения в течение одного года. Такая тенденция, когда лицо за повторное совершение административного правонарушения привлекается к уголовной ответственности, возникла с 2018 года и продолжается до настоящего времени. Статьи УК РФ, которые предусматривают ответственность за повторное совершение экстремистских правонарушений, следующие: ст. ст. 280.1, 280.3, 282, 284.2. За совершение правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ, установлен административный штраф от одной тысячи до ста тысяч рублей либо административный арест на срок до 15 суток, с конфискацией предмета административного правонарушения. По такой категории дел суды достаточно часто принимают решения о привлечении виновных к

ответственности. Также привлекались к ответственности предприниматели, которые приобретали для реализации амулеты славянской атрибутики, сувениры феншуй с использованием символики, сходной до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой. Виновные лица в дальнейшем указывали, что смысл символов знают поверхностно [8]. С 1 марта 2020 г. к ст. 20.3 КоАП РФ появилось пояснение о том, что положения статьи не будут распространяться на случаи использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии. О необходимости внесения таких пояснений исследователи ранее указывали [4, с. 5; 6, с. 1].

Статья 20.3.1 КоАП РФ предусматривает ответственность – административный штраф, или обязательные работы, или административный арест на срок до 15 суток. Штрафные санкции варьируются от 10 тысяч рублей до 500 тысяч рублей. Основной признак правонарушения – возбуждение ненависти, враждебности, межнациональной или религиозной розни, для определения этих признаков обязательно проводятся экспертизы [10]. Правонарушения выявляются в ходе мониторинга Web-сайтов, проводимого правоохранительными органами. Статьи 20.3.2, 20.3.3, 20.3.4 КоАП РФ предусматривает ответственность – административный штраф от 30 тысяч до 500 тысяч рублей. Санкция статьи 20.29 КоАП РФ предусматривает административный штраф либо административный арест на срок до 15 суток с конфискацией указанных материалов и оборудования, использованного для их производства; административное приостановление деятельности на срок до 90 суток с конфискацией указанных материалов и оборудования, использованного для их производства. Штраф варьируется от 1 тысячи рублей до 1 миллиона, в зависимости от субъекта правонарушения. За данное правонарушение привлечение к ответственности происходит очень часто. В основном привлекаются лица, размещающие материалы, признанные экстремистскими, в социальных сетях (ВКонтакте и т. п.) [9].

Таким образом, с 2018 года наблюдается расширение и ужесточение юридической ответственности за совершение экстремистских правонарушений. Повторно совершенные экстремистские правонарушения трансформируются в уголовные преступления.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: в ред. Федер. закона от 19 окт. 2023 г. № 505-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.; 2023. 25 окт.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля; 2022. 30 дек.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
4. Балытников В. В., Новиков А. В. Проблемы регламентации и применения административной ответственности за распространение информационных материалов, содержащих изображения запрещенной символики и атрибутики // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 40–44.
5. Пошелов П. В. Теоретические и практические проблемы статьи 20.3 КоАП РФ // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 73–76.
6. Постановление Абаканского городского суда Республики Хакасия № 5–186/2019 от 18 февр. 2019 г. по делу № 5–186/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: [http:// sudact.ru/](http://sudact.ru/) (дата обращения: 1.12.2023).
7. Постановление Абаканского городского суда Республики Хакасия № 5–272/2019 от 25 февр. 2019 г. по делу № 5–272/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: [http:// sudact.ru/](http://sudact.ru/) (дата обращения: 1.12.2023).
8. Постановление Узловского городского суда (Тульская область) № 5–13/2019 от 21 февр. 2019 г. по делу № 5–13/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: [http:// sudact.ru/](http://sudact.ru/) (дата обращения: 1.12.2023).

© Лубенникова К. А., 2023

ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИИ ЖЕРТВАМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕСЛАНСКОЙ ТРАГЕДИИ)

Матвеева Анастасия Михайловна,

студент

*Научный руководитель: Талимончик Валентина Петровна, доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин*

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Санкт-Петербург

Статья посвящена анализу проблемы определения статуса жертвы террористического акта в международном праве, а также выявлению недостатков международной регламентации права потерпевших в террористических актах на компенсацию. Статья затрагивает национальное законодательство, регулирующее положение жертв терактов, в рамках ссылок на него в международных документах. На примере Бесланской трагедии в статье анализируется предоставление преобладающей над государственными компенсациями общественной и международной помощи.

Ключевые слова: терроризм, международное право, жертва террористического акта, компенсация, международные организации, международные благотворительные фонды.

Терроризм – острая проблема современности, а регламентация последствий террористических актов до сих пор является обсуждаемой темой в научных, политических и юридических кругах. Преступления террористического характера – это преступления против мира и безопасности международного сообщества и государства, но первостепенной проблемой в делах, связанных с терроризмом, является защита прав жертв.

Правовой статус жертвы терроризма в международном праве раскрыт в Директиве Европейского парламента и Совета от 25 октября 2012 года, устанавливающей минимальные стандарты в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений [3]. В Директиве определяется необходимость сострадательного отношения к жертвам терроризма со стороны общества, что влечет обязанность государства и международных судебных органов обеспечивать защиту достоинства пострадавших в результате терактов. Директива называет терроризм угрозой для свободного осуществления прав человека, поскольку преступление угрожает жизни и здоровью людей. Пункт 2 статьи 22 Директивы предполагает выявление специфических потребностей жертв терроризма для индивидуальной оценки последствий преступлений террористического характера; документ определяет право жертв на защиту.

В настоящее время существует большое количество международно-правовых документов, регламентирующих защиту прав личности в области уголовных преступлений. Однако при анализе этих документов можно заметить, что положение жертвы в них является второстепенным, в основном там установлена ответственность виновников преступлений.

Проблема защиты прав жертв затрагивается в основополагающем международно-правовом документе – Всеобщей декларации прав человека 1948 года. В статье 8 указанной Декларации дано общее понятие права человека на защиту национальными органами, из чего можно сделать вывод, что норма имеет рамочный характер [1].

В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой 29 ноября 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН, жертвы преступлений определены как лица, пострадавшие в результате действий или бездействий, нарушающих действующие национальные уголовные законы [2]. Декларацией определяются процессуальные права жертвы как участника судебного разбирательства: право на информацию об их положении в ходе движения дела, на рассмотрение их жалоб, на содействие в участии в разбирательстве, на обеспечение безопасности и на предотвращение задержек при рассмотрении дел и выполнении требований о предоставлении компенсации. Также установлены такие методы защиты прав жертв, как реституция, компенсация, социальная помощь. Декларация определяет право жертвы на возмещение, но ответственность за его реализацию возлагает на конкретные государства.

Существует два варианта реализации права жертв уголовных преступлений на компенсации на национальном уровне:

- 1) взыскание компенсаций жертвами в судебном порядке с причинителей вреда;
- 2) выплата жертвам государственных компенсаций [6].

Необходимо расширить возможности получения компенсаций потерпевшими в результате терактов, поскольку за неимением в национальном законодательстве четких правил, в которых жертвы будут гаран-

тированно получать помощь государства, граждане вынуждены самостоятельно обращаться за помощью в государственные и международные органы, а зачастую – в международные благотворительные фонды или создавать фонды и организации для помощи жертвам терактов по собственной инициативе.

Теракт в Беслане – трагедия, унесшая свыше трех сотен жизней, и более половины из них – невинные дети. Возмещение морального, физического и материального вреда в подобных терактах – первостепенная проблема, требующая государственной и общественной помощи.

Северо-Осетинская общественная организация «Матери Беслана» была создана в 2005 году женщинами, чьи дети пострадали в поражающем своей жестокостью теракте 1–3 сентября 2004 года в школе № 1 города Беслана. Целью организации было справедливое расследование обстоятельств теракта и осуществление социальной помощи жертвам трагедии. Благодаря деятельности «Матерей Беслана», подаче ходатайств, обращений, жалоб и заявлений в государственные, в том числе судебные, органы Республики Северная Осетия-Алания и Российской Федерации, были изданы нормативные правовые акты, согласно которым семьям потерпевших была предоставлена различного рода социальная помощь [8]. Например, по вступившему в силу 30 ноября 2011 года Закону Республики Северная Осетия-Алания № 44-РЗ «Об обеспечении жильем граждан, пострадавших вследствие террористического акта в г. Беслане 1–3 сентября 2004 года» были осуществлены меры социальной поддержки: при финансировании из республиканского бюджета семьям потерпевших были выделены жилые помещения в рамках социальных норм по предоставлению жилья [4]. Также Правительство Республики Северная Осетия-Алания 17 ноября 2004 г. издало постановление о выплате материальной помощи семьям погибших и пострадавшим в результате трагических событий 1–3 сентября 2004 г. в г. Беслане Республики Северная Осетия-Алания, согласно которому Министерству труда и социального развития Республики Северная Осетия-Алания поручалось осуществить выплату компенсации из средств, поступивших для оказания материальной помощи, в размере от 70 тыс. рублей до 700 тыс. рублей [5]. Таким образом, компенсации были выделены лишь спустя год после трагедии, а социальная помощь была оказана государством в результате судебных разбирательств, растянувшихся на несколько лет, из чего можно сделать вывод о недостатках национальной правовой базы в вопросах компенсации для жертв терроризма.

На международном уровне жертвам теракта в Беслане была оказана гуманитарная и благотворительная помощь многими международными организациями, среди которых Организация Объединенных Наций (*далее – ООН*) и Красный Крест.

Основываясь на информации с официального сайта ООН, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев направило в Беслан со своего склада в Ингушетии КАМАЗ с материалами первой помощи и продовольствием. Помощь пострадавшим заложникам направляли также

партнёры ООН – неправительственные организации «Врачи без границ», «Каритас», «Хандикап интернэшнл». Помимо того, 3 сентября 2004 года, в последний день теракта, из Владикавказа в Беслан был отправлен груз чрезвычайной помощи Международного комитета Красного Креста [9].

Организация Красного Креста продолжила осуществление поддержки жертв Беслана через 2 года после трагедии. Северо-Осетинское отделение Российского Красного Креста в мае 2005 года открыло специализированный центр, деятельность которого направлена на осуществление психологической помощи потерпевшим при теракте в Беслане. Подопечные организации, в число которых входят психологи и врачи, проводят занятия, посещают семьи на дому, оказывают психологическую поддержку [7]. Таким образом, помимо государственных компенсаций, пострадавшим при теракте в Беслане была оказана международная помощь во многих сферах – от психологической до медицинской.

В связи с актуальностью проблемы и недостаточностью международно-правового регулирования защиты прав и интересов жертв террористических актов необходимо дополнить существующие международно-правовые документы, регулирующие ответственность за преступления террористического характера, либо принять специальный документ, определяющий международно-правовые гарантии прав жертв терроризма и механизмы их реализации, а также создать специализированные внутригосударственные правовые акты для реализации норм международных документов. Специальные акты должны гарантировать право граждан, пострадавших от террористических актов, на получение компенсаций и льгот, четко определять источники финансирования выплат пострадавшим.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2023).
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 29.11.2023).
3. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2012/29/ЕС от 25 окт. 2012 г. об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений, а также о замене Рамочного Решения 2001/220/ПВД Совета ЕС*(1) // Научно-методический центр медиации и права: [сайт]. URL: <https://mediacia.com/wp-content/uploads/2018/06/Victims.pdf> (дата обращения: 29.11.2023).
4. Об обеспечении жильем граждан, пострадавших вследствие террористического акта в г. Беслане 1–3 сентября 2004 года: Закон Республики Северная Осетия-Алания от 30 нояб. 2011 г. № 44-ПЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/31923164/> (дата обращения: 29.11.2023).
5. О выплате материальной помощи семьям погибших и пострадавшим в результате трагических событий 1–3 сентября 2004 г. в г. Беслане Республики Северная Осетия-Алания: Постановление Правительства республики Северная Осетия-Алания от 17 нояб. 2004 г. № 240 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473302081> (дата обращения: 29.11.2023).

6. Митин А. М. Международно-правовое регулирование компенсаций жертвам уголовных преступлений // Электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-kompensatsii-zhertvam-ugolovnykh-prestuplenii> (дата обращения: 29.11.2023).
7. Из Норвегии с любовью... // Перекресток (МККК в РФ) 2007. № 19. Июль – сентябрь. С. 3. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/perekrestok.pdf> (дата обращения: 29.11.2023).
8. Обращения, ходатайства, жалобы и заявления по расследованию теракта в школе 1 города Беслана // Северо-Осетинская общественная организация «Матери Беслана»: [сайт]. URL: http://materibeslana.pro/index/obrashhenija_i_dokumenty/0-10 (дата обращения: 29.11.2023).
9. ООН приходит на помощь пострадавшим заложникам в Беслане. Новости ООН // Новости ООН: [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/09/1058371> (дата обращения: 29.11.2023).

© Матвеева А. М., 2023

ОЦЕНКА РОЛИ СТАТЬИ 20.29 КОАП РФ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Николаева Екатерина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых
и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права

Ардамин Илья Алексеевич,

студент

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу нормы, предусматривающей административную ответственность за производство и распространение экстремистских материалов. В работе дается оценка эффективности привлечения к административной ответственности за указанное правонарушение, проводится оценка роли административной ответственности в данной сфере по критерию соотношения сути (идеи) закона и практики его фактического применения на основании судебной статистики и анализа законодательства о противодействии экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, административная ответственность, ответственность, правонарушение, прокуратура.

Правонарушения экстремистской направленности в последнее время государством уделяется колоссальное внимание. Во многом аккумуляция всех сил и средств государственного аппарата на противодействие правонарушениям и преступлениям экстремистской и террористической направленности предопределена высокой степенью общественной опасности таких деяний. Экономическая и политическая нестабильность государства – главная цель данных правонарушений, в своей сущности, составляет их объективную сторону как скрытый квалифицирующий признак, что вытекает из самого понятия «экстремизм», закрепленного Федеральным законом в статье 1 [2]. Экстремизм в понимании законодателя, который дает дефиницию деяния путем перечисления конкретных фактических ситуаций, является правонарушением, объектом которого

выступают общественные отношения, связанные с подрывом конституционного строя страны, покушением на авторитет государственной власти и воспрепятствование ее законной деятельности, нарушением основных и нерушимых прав и свобод граждан страны [7, с. 115]. Таким образом, степень общественной опасности деяния возведена в абсолюты. Неудивительно, что государство, обозначив важность пресечения данной деятельности, принимает всевозможные меры к ее пресечению и предотвращению в дальнейшем, поэтому важно в данном вопросе определить ответственность [4, с. 117].

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в ст. 20.29 установлена ответственность за производство и распространение экстремистских материалов [1]. При этом под экстремистскими материалами законодатель понимает только материалы, включенные в федеральный список экстремистских материалов, ведение которого возложено на Министерство юстиции Российской Федерации.

Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу [5, с. 28]. Таким образом, прослеживается довольно сложная и бюрократизированная процедура привлечения лиц к административной ответственности по рассматриваемой статье КоАП РФ: сначала суду необходимо в порядке административного судопроизводства, производства по конкретному уголовному делу или делу об административном правонарушении признать материал экстремистским, включить его в федеральный список, а уже потом решить вопрос о причастности или не причастности лица к совершенному деянию.

Кроме того, как показывает практика применения данной статьи, указанная процедура – лишь «вершина айсберга». Сотрудниками Федеральной службы безопасности Российской Федерации проводится колоссальная работа по выявлению материалов, признанию их экстремистскими (производится ряд лингвистических и психологических экспертиз), а также по установлению лица, совершившего правонарушение. После производства данных действий материалы направляются по подведомственности для возбуждения дела (ст. 28.4 КоАП РФ) в соответствующую территориальную прокуратуру, где материалам проверки дается оценка с позиции законности, обоснованности и достаточности доказательств, после чего материалы и постановление направляются в суд для рассмотрения вопроса о привлечении к ответственности.

Однако для объективной оценки эффективности реализации ст. 20.29 КоАП РФ необходимо понимать, как сложилась практика ее применения. Из сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. [6], опубликованных на

официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно сделать ряд умозаключений.

За 2022 год всего было возбуждено 991 дело об административном правонарушении по статье 20.29 КоАП РФ, из них: с назначением наказания – 869 дел, из них: привлечено юридических лиц – 4; должностных лиц – 1; физических лиц в совокупности – 853.

Выражением степени общественной опасности, акцента государства на недопустимости нарушения предписания, особая важность которого декларирована в упомянутом федеральном законе, всегда является мера ответственности за это нарушение. Далее, чтобы проследить степень эффективности нормы, предлагаем оценить санкции по данной статье КоАП РФ: для граждан – 1–3 тыс. руб.; для должностных лиц – 2–5 тыс. руб.; для юридических лиц – 100 тыс. руб. – 1 млн руб. или административное приостановление деятельности.

Таким образом, в результате сопоставления статистических данных Судебного департамента и санкции за совершение правонарушения, установленной законодателем, наблюдается очевидное несоответствие цели применяемой нормы ее фактической реализации. Полагаем, что данная норма применяется не по назначению по следующим основаниям.

Во-первых, согласно санкции статьи, наблюдается явная несоразмерность наказаний для граждан и юридических лиц. Тем не менее по рассматриваемой статье, согласно статистике, привлекаются преимущественно граждане, для которых определена достаточно гуманная санкция, учитывая очень высокую степень общественной опасности, обозначенную в профильном федеральном законе.

Во-вторых, если исходить из размера санкций для юридических лиц, то можно предположить, что именно они должны выступать основными субъектами правонарушения, а соответственно, и объектами надзора со стороны правоохранительных органов. В подтверждение данной позиции можно привести достаточно интересный факт: Согласно п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре [3] предметом прокурорского надзора является деятельность федеральных органов исполнительной власти, Следственного комитета Российской Федерации, представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов контроля, их должностных лиц, субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций.

Таким образом, деятельность граждан не включена в приведенный перечень объектов прокурорского надзора, в то время как ст. 28.4 КоАП РФ предусмотрела обязанность прокуратуры на возбуждение дел, из чего можно сделать вывод о первоначальной идее законодателя привлекать за производство и распространение экстремистских материалов именно

юридических лиц, делегировав прокуратуре соответствующие полномочия для этого в самом Законе о прокуратуре и КоАП РФ [8, с. 116].

На основании вышеизложенного, учитывая явное несоответствие и несоразмерность санкций, предусмотренных за совершение правонарушения, состав которого определен в ст. 20.29 КоАП РФ, учитывая намек законодателя на реализацию полномочий прокуратуры именно по привлечению к административной ответственности юридических лиц за производство и распространение экстремистских материалов, принимая во внимание, что именно юридические лица (средства массовой информации, социальные сети, мессенджеры) являются субъектами (площадками) распространения экстремистских материалов, предлагаем правоприменителю пересмотреть подход, согласно которому распространение экстремистских материалов опосредованно, через использование деятельности юридических лиц и предоставляемых им площадок, являются элементом объективной стороны. Выходом из ситуации будет либо признание правоприменителем данных юридических лиц субъектами правонарушения (с обязательным законодательным закреплением обязанности этих лиц осуществлять мониторинг и анализировать информацию, публикуемую на их ресурсах), либо кратное повышение санкции по данному составу для физических лиц, чтобы соблюсти равенство законодательной цели и фактической практики правоприменителей.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: в ред. Федер. закона от 19 нояб. 2023 г. № 505-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.; 2023. 20 нояб.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля; 2022. 30 дек.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1: в ред. Федер. закона от 24 июля 2023 г. № 346-ФЗ // Рос. газ. 1992. 18 янв.; 2023. 11 авг.
4. Николаева Е. А., Ардамин И. А. Проблема классификации юридической ответственности // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2023. № 1 (43). С. 117–121.
5. Новгородский В. С., Тарасова О. Е. Криминалистика: учебно-методический комплекс по дисциплине: учебное пособие. Абакан, 2020. 124 с.
6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год: судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 25.11.2023).
7. Тарасова О. Е., Машукова Е. С. Понятие террористического акта в науке и законодательстве // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 21 октября 2021 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2021. С. 115–120.
8. Хархун Д. С. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях в отношении физических лиц // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 2. С. 115–119.

© Николаева Е. А., Ардамин И. А., 2023

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Погодаева Алёна Андреевна,
студент

Научный руководитель: Горбунова Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье проведен анализ административных правонарушений экстремистской направленности, а также изучен комплекс мер административного воздействия на лиц, совершивших подобные деяния, в контексте обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, правонарушения экстремистской направленности, административные правонарушения, административная ответственность.

В настоящее время одной из острых проблем мирового сообщества является реальная угроза терроризма и экстремизма. Принят комплекс правовых, организационных, политических и административных мер по предупреждению и борьбе с этими явлениями.

Распространение экстремизма в Российской Федерации является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности и целостности государства. В настоящее время общественное мнение в Российской Федерации, а также в мире в целом все больше отвергает терроризм. Это связано с широким освещением средствами массовой информации последствий террористических атак.

Значимость данной проблемы подтверждается повышенным вниманием со стороны органов государственной власти к созданию эффективной системы противодействия терроризму и экстремизму. Эти положения отражаются в указах Президента Российской Федерации [1; 2]. Деятельность межведомственных комиссий направлена на проверку достаточности оснований для подозрений в причастности организации или частного лица к террористической деятельности.

Неслучайно более двадцати лет назад был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, скорректированы направления ответственности за ее осуществление. Также в рассматриваемой сфере принят акт стратегического планирования – Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [3] (далее – Стратегия). Стратегия устанавливает в качестве своей цели обеспечение реализации государственной политики Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму, а также конкретизирует некоторые положения уже упомянутого Федерального закона и указов Президента РФ.

Предупреждение экстремизма и государственная реакция на акты экстремизма, действительно, играют важную роль в обеспечении общественной безопасности. Они помогают укрепить правопорядок и защитить граждан и их права и свободы от угроз и насилия. Важную роль в этом процессе играет потенциал юридической ответственности. Межотраслевой институт публично-правовой ответственности, направленный на противодействие экстремизму, также играет ключевую роль в этом контексте. Он способствует координации усилий различных секторов общества для борьбы с экстремизмом и поддержанию законности. Стремление к балансу между предотвращением и реагированием на экстремистские явления играет решающую роль в обеспечении безопасности и защите прав и свобод граждан. Неслучайно в подпункте «г» пункта 36 Стратегии в качестве элемента механизма противодействия экстремистской деятельности определено «обеспечение неотвратимости уголовного наказания и административной ответственности за совершение преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности».

Административная и уголовная ответственность выполняют разные, но важные роли в предотвращении и противодействии экстремизму. Уголовная ответственность, как правило, предусматривает более строгие наказания для лиц, совершающих преступления, включая экстремистские акты. В специальной литературе уделяется значительное внимание уголовной ответственности за экстремистские преступления [5].

Но уголовная ответственность имеет свои ограничения, особенно в отношении юридических лиц, для которых такая ответственность не предусмотрена. Вместе с тем к таким субъектам может быть применена административная ответственность. В специальной литературе отмечается, что административно-правовые механизмы наиболее подходят для обеспечения всесторонней безопасности, и административное право имеет приоритет в обеспечении безопасности различных видов [4].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) является мощным инструментом предотвращения совершения преступлений и включает ряд статей, предусматривающих административную ответственность за экстремистские правонарушения. Например, статья 13.15 КоАП РФ устанавливает ответственность за публичное распространение информации, выражающей явное неуважение к обществу, связанное с памятными датами и символами России, с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Статья 20.3 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики; статья 20.28 КоАП РФ – за организацию деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности; статья 20.29 КоАП РФ – за массовое распространение материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а также за их производство и хранение в целях массового распространения.

Данные правонарушения в действительности имеют формальную природу: для назначения административного наказания наступления общественно опасных последствий не требуется; ответственность наступает уже на этапе приготовления к совершению деяния. Правонарушения экстремистской направленности чаще всего, совершаются в активной форме, в форме действий, к которым можно отнести пропаганду, публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ), публичное распространение информации, содержащих инструкции по самодельному изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 5 ст. 13.15 КоАП РФ) и др. Однако обязательным признаком для квалификации данных деяний в качестве административных правонарушений является их публичность.

Массовость распространения, производства и хранения материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов, является важным признаком объективной стороны данной группы правонарушений. Размещение данных материалов на сайте Минюста России создает ясное представление об их легальности и позволяет идентифицировать подобные средства без необходимости применения специальных знаний. Однако следует отметить, что данный список не является статичным и должен периодически дорабатываться и корректироваться.

Такой элемент состава правонарушения экстремистской направленности, как субъективная сторона, определяется наличием умысла, который может быть как прямым, так и косвенным. Для квалификации важно учитывать факультативные признаки, включая цель совершения преступного деяния. Приведенная характеристика помогает определить намерение и мотивы действий лица, совершившего экстремистское правонарушение, что является существенным фактором при принятии решения о квалификации правонарушения.

Например, ч. 2 ст. 20.3 КоАП РФ предусматривает ответственность за изготовление, сбыт или приобретение в целях пропаганды нацистской атрибутики или символики, либо сходных с ними до степени смешения, либо эти же предметы, принадлежащие организациям, публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. В связи с этим возникают определенные трудности в процессе доказывания цели пропаганды, особенно если правонарушение выявлено на стадии изготовления нацистской атрибутики или символики. Доказательство цели пропаганды может потребовать тщательного анализа обстоятельств и предметов, связанных с данной деятельностью, что делает процесс расследования более сложным.

Рассматриваемые административные правонарушения могут быть совершены физическими, юридическими или должностными лицами. Санкции, предусмотренные статьями КоАП РФ, включают различные виды наказаний, такие как административный штраф, конфискация предметов административного правонарушения, административный арест и административное приостановление деятельности. Выбор конкретной меры нака-

зания зависит от личности виновного лица, характера и серьезности правонарушения, с учетом обстоятельств совершения конкретного деяния.

После анализа соответствующих статей КоАП РФ становится очевидным, что необходимо непрерывное юридическое реагирование на изменяющиеся общественные отношения в целях профилактики экстремизма. Уголовная и административная ответственность дополняют и сотрудничают друг с другом в целях противодействия экстремизму. Важно расширять использование ресурсов СМИ, особенно среди подростков, с целью профилактики совершения правонарушений экстремистской направленности, для привлечения к ответственности за совершение которых и предотвращения повторения подобных деяний в будущем следует использовать все доступные правовые механизмы.

Библиографический список

1. О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма: Указ Президента от 18 ноября 2015 г. № 565; в ред. Указа Президента РФ от 05 дек. 2022 г. № 877 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2015. 18 нояб.; 2022. 05 дек.
2. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 26 июля 2011 г. № 988; в ред. Указа Президента РФ от 17 февр. 2016 г. № 64 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31. Ст. 4705; 2016. № 8. Ст. 1098.
3. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 № 344 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.
4. Маслов К. В. Безопасность в системе административного права: развитие научных взглядов // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 8.
5. Петрянин А. В., Коннов И. А., Кузнецов М. В. Понятие, признаки и виды экстремизма: учебное пособие. Н. Новгород, 2019.

© Погодаева А. А., 2023

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬИ 205 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Середкин Данил Сергеевич,
студент

*Научный руководитель: Замараев Вадим Игоревич, старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье анализируются процессуальные особенности расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ, – террористических актах. Анализируя подследственность, подсудность, процессуальные обязанности судом при рассмотрении названных уголовных дел, автор предлагает увеличить срок предварительного следствия по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ, в связи с их особой сложностью и необходимостью сбора и исследования большого массива доказательств.

Ключевые слова: террористический акт, преступления террористической направленности, преступление, предварительное расследование, предварительное следствие, состав суда, подследственность, подсудность.

Согласно статистическим данным, количество зарегистрированных преступлений террористического характера в период с января по декабрь 2021 г. равнялось 2 136, а уже в период с января по декабрь 2022 г. увеличилось и составило 2 233, т. е. рост за год составил 4,54 % [4]. Данный факт свидетельствует об актуальности изучения процессуальных особенностей привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности.

Уголовная ответственность за совершение террористического акта предусмотрена ст. 205 УК РФ [1]. Под террористическим актом следует понимать совершение, а также угрозу совершения общественно опасных деяний, способных вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и создающих реальную, с учетом места, времени, орудий, средств, способа совершения преступления и других обстоятельств дела, опасность гибели человека, значительного имущественного ущерба, в целях нарушения работы и/или воздействия на принятие решений, органов власти и международных организаций.

Данное преступление является особо тяжким, согласно ст. 15 УК РФ, так как срок наказания за его совершение превышает 10 лет лишения свободы.

Предварительное расследование по уголовным делам о террористических актах, исходя из смысла ч. 2 ст. 150 УПК РФ, проводится в форме предварительного следствия [2], причем рассматриваемые уголовные дела имеют альтернативную подследственность и в соответствии со ст. 151 УПК РФ могут рассматриваться следователями следственного комитета Российской Федерации, следователями органов федеральной службы безопасности, следователями органов внутренних дел Российской Федерации.

Анализ правоприменительной практики показывает, что установленный двухмесячный срок проведения предварительного следствия по уголовному делу о террористическом акте, как правило, продлевается, что обусловлено особой сложностью расследования подобного рода преступлений, необходимостью сбора большого массива доказательств, проведения различных экспертиз, опроса большого количества свидетелей.

Согласно ст. 100 УПК РФ, обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, должно быть предъявлено подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения, не позднее 45 суток с момента избрания такой меры; при этом, если подозреваемый сначала был задержан, а впоследствии в отношении него были избрана мера пресечения, вышеупомянутый срок необходимо считать с момента фактического задержания. Несоблюдение установленного в данной норме порядка предъявления обвинения влечет за собой отмену меры пресечения.

Подсудны уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ (наряду с другими преступлениями террористической направленности), согласно п. 6.1 ст. 31 УПК РФ, 1-му Восточному окружному военному суду, 2-му Западному окружному военному суду, Центральному окружному военному суду и Южному окружному военному суду.

Суд первой инстанции уполномочен рассматривать уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ, в силу прямого указания п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Отдельные разъяснения процессуального характера, связанные с рассмотрением дел о преступлениях террористической направленности, в том числе о террористическом акте, закреплены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [3]. Так, в п. 30.1 названного Постановления высшая судебная инстанция подчеркивает, что, исходя из положений п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и ч. 3 ст. 81 УПК РФ, судом может быть вынесено решение о конфискации орудий, оборудования или иных средств, принадлежащих подсудимому, которые он использовал для совершения преступления.

В п. 30.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ указано, что рассмотрение уголовного дела судьей в отношении одного из участников совершенного преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, не препятствует рассмотрению этим же судьей уголовного дела в отношении других участников совершенного преступления, но только в случае если судья не является потерпевшим, гражданским истцом или иным образом, сталкивавшимся уже с рассмотрением дела в отношении участника преступления. Данное положение применимо в случае, если отсутствуют обстоятельства, предусмотренные ст. 61, 63 УПК РФ. Таким образом, исключается возможность необоснованных отводов судей, рассматривающих уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ обязывает суды при рассмотрении уголовных дел о преступлениях террористической направленности выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению указанных преступлений, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом (п. 31 Постановления); в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ обращать внимание на совершенные должностными лицами или организациями в процессе проведения предварительного расследования ошибки (путем вынесения частных определений или постановлений).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что особенности расследования и рассмотрения уголовных дел о террористических актах обуславливаются их высокой общественной опасностью, необходимостью сбора, исследования и оценки большого количества доказательств, допроса множества свидетелей, проведения экспертиз и до-

просов экспертов и т. д. В связи с тем, что расследование (и дальнейшее рассмотрение) уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ, представляет особую сложность, видится необходимым увеличить срок предварительного расследования, тем более что предусмотренный уголовно-процессуальным законом двухмесячный срок предварительного следствия по таким делам на практике неоднократно продлевается. В связи с вышесказанным необходимо изменить ч. 2 ст. 162 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Предварительное следствие по уголовным делам о совершении преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 211, ч. 4 ст. 361 УК РФ, должно быть закончено в срок, не превышающий 6 месяцев со дня возбуждения уголовного дела».

Библиографический список.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористического направления: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февр. 2012 г. № 1; в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03 нояб. 2016 г. № 41 // Рос. газ. 2012. 17 февр.; 2016. 16 нояб.
4. Зарегистрировано преступлений террористического характера // Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 27.11.2023).

© Середкин Д. С., 2023

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Тарасов Евгений Сергеевич,

студент

*Научный руководитель: Лубенникова Светлана Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье анализируются субъективные признаки такого преступления, как террористический акт. Автор рассматривает типы личностей преступников-террористов, анализирует их психологическое отношение к совершаемым действиям.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, субъект терроризма, субъективная сторона терроризма.

Терроризм на сегодняшний день является наиболее опасным преступлением и представляет угрозу как национальной безопасности, так и международному сообществу. Террористические акты порождают недоверие к государственной власти, которая, по мнению общества, не может справиться с данным явлением и обеспечить бесконфликтное существо-

вание общества. Такое недоверие может сформировать негативное отношение к власти в целом, которое сложно будет преодолеть. Поэтому терроризм во всех его проявлениях считается острой проблемой глобального масштаба, преодолеть которую без изучения ее исторических корней и правовой сущности невозможно.

Субъектом террористического преступления выступает лицо, которое совершило деяние, предусмотренное ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, и способно нести уголовную ответственность. Таким образом, понятие субъекта преступления включает три элемента: физическое лицо, возраст, вменяемость. Возраст наступления уголовной ответственности за большинство преступлений террористического характера – 14 лет. Лицо должно быть вменяемым, т. е. осознавать, что совершенные им действия создают опасность гибели человека, могут возникнуть последствия в виде нанесения материального, имущественного ущерба. Лицо не просто осознает наступление пагубных последствий, но и желает их наступления.

Надо отметить, что субъект преступления террористического характера имеет свою особенность: зачастую террорист ценой своей жизни достигает поставленной цели (террористы-«смертники»). В силу этого террориста нельзя привлечь к уголовной ответственности, за исключением случаев, когда такие действия были предотвращены [2, с. 152].

В целом можно выделить несколько типов личности террористов:

- террорист, который идет на совершение террористического акта из политических, религиозных и идеологических побуждений. Он искренне верит в то, что цель оправдывает средства, и готов пойти на любые жертвы;
- террорист, который крайне агрессивен в силу своих личностных качеств. Его участие в террористическом акте есть проявление агрессии;
- террорист, который в силу своего воспитания сформировался как психопатологическая личность. Обычно у них неустойчивая психика, они склонены к насилию;
- террорист-наемник, который преследует цель обогатиться в результате совершения теракта;
- террористы-попутчики, например, сбежавшие преступники, дезертиры и т. д.
- террористы-фанаты, зомбированные преступники, зачастую это исполнители, которые получают указания от террористов-идеологов.

Следует отметить, что террористический акт зачастую организуют и исполняют не террористы-одиночки. За конкретными исполнителями зачастую стоят крупные международные организации и целые государства (примером можно назвать ИГИЛ³). При совершении террористического акта возможно распределение ролей участников преступления. Одни могут непосредственно участвовать в совершении теракта,

³ Организация признана террористической в соответствии с законодательством Российской Федерации.

другие оказывают психологическое воздействие на жертву теракта, организаторы, подстрекатели и пособники занимаются приготовлением преступных действий.

Если исполнитель террористического преступления по определенным обстоятельствам (смерть, невменяемость, добровольный отказ, деятельное раскаяние и т. п.) не подлежит уголовной ответственности или освобождается от нее, то ответственность остальных соучастников террористической деятельности не исключается. Соучастники могут привлекаться к уголовной ответственности за покушение на совершение террористического преступления [3, с. 233].

Субъективная сторона преступления выражает психологическое отношение субъекта к совершаемым действиям. Это внутреннее состояние, отражающее цель, мотив, вину преступника. Террористический акт характеризуется исключительно прямым умыслом, содержание которого зависит от формы теракта. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, осознает, что его действия устрашают население и что в результате его действий создается опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, а целью его является воздействие на принятие решений соответствующими структурами (интеллектуальный момент); при этом лицо желает так действовать (волевой момент). Виновное лицо осознает общественную опасность угрозы совершения действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 205 УК РФ, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений (интеллектуальный момент) и желает угрожать совершением таких действий (волевой момент).

Лицо, совершающее террористический акт, желает наступление преступных результатов и выражает свои действия общепасным способом. Лицо стремится к достижению определенной цели. При этом умысел может быть только заранее обдуманным. Террористические акты планируются заранее, проходят длительную подготовку с поиска участников-исполнителей до момента совершения теракта.

При квалификации деяния в качестве террористического акта важна цель его совершения. Согласно ст. 205 УК РФ, террористический акт совершается «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений» [1]. Своей целью террористы ставят дестабилизировать, оказать влияние на органы власти или международные организации, на принятие ими решений. Их намерение заключается в том, чтобы понудить данные органы совершить незаконные действия или воздержаться от совершения законных действий, либо принять решение, выгодное как для самих террористов, так и в отношении третьих лиц. Создается ситуация, когда органы власти или международные организации вынуждены идти на уступки террористам ради обеспечения безопасности общества.

Особенность терроризма в том, что он совершается исключительно с использованием общественно опасных средств своего достижения, в связи с чем деятельность лица становится преступной не только в силу объективных признаков деяния, но и благодаря ее общей целевой направленности. Уголовно-правовую оценку должны получать не цель, средство и результат изолированно друг от друга, а целенаправленная деятельность в целом. При отсутствии специальной цели нет и состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ.

Еще одним элементом субъективной стороны террористического акта является мотив. Мотив состава террористического акта не является его специальным, то есть квалифицирующим признаком. Установление мотива данного преступления способствует установлению сущности террористического акта. Мотивация терроризма может носить не только политический характер. Мотивы бывают самыми разнообразными – от сектантского или фундаменталистского, националистического, религиозного, социального фатализма до стремления к «прославлению» себя, самоутверждению, мести и т. д.

Выявление мотивов преступления имеет значение для определения причин, формы вины и степени общественной опасности деяния, а также при назначении справедливого наказания. Так, совершение террористического акта по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти и вражды, признается обстоятельством, отягчающим наказание, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
2. Загладин Н. В., Путилин Б. Г. Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействие. М., 2006. 348 с.
3. Николаева Е. А. Формирование правовой активности граждан как средство борьбы с терроризмом // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 18 октября 2019 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2019. С. 233–235.
4. Тарасова О. Е., Машукова Е.С. Понятие террористического акта в науке и законодательстве // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 21 октября 2021 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2021. С. 115–120.

© Тарасов Е. С., 2023

ЛИКВИДАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Штырфунов Данил Юрьевич,

студент

Научный руководитель: Козлова Валерия Николаевна, старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена изучению особенностей ликвидации юридического лица, осуществляющего террористическую деятельность. На основе сопоставительного анализа гражданского и антитеррористического законодательства автор приходит к выводу о необходимости дополнения норм о порядке ликвидации юридического лица по рассматриваемому основанию указанием на проведение процедуры обязательного контроля за деятельностью кредиторов ликвидируемого юридического лица и возможность отказа в удовлетворении требований кредиторов по результатам проведения такого контроля.

Ключевые слова: терроризм, легализация доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма, ликвидация юридического лица, противодействие терроризму, обязательный контроль, расчеты с кредиторами, Росфинмониторинг.

Согласно ст. 24 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4] (далее – Закон № 35-ФЗ), организация признается террористической и подлежит ликвидации (а ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1–282.3, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации [2], а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей.

Ликвидация – это прекращение деятельности юридического лица без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам, в соответствии со ст. 61 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ). Юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда по иску государственного органа или органа местного самоуправления, которым право на предъявление требования о ликвидации юридического лица предоставлено законом, в случае осуществления юридическим лицом деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции РФ, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов (пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ). Как было указано выше, Генеральному прокурору РФ, в случае установления факта ведения юридическим лицом террористической деятельности, предоставлено право обращения в суд с иском о ликвидации такой организации.

Закон № 35-ФЗ предусматривает отдельные специальные правовые последствия ликвидации юридических лиц по рассматриваемому основанию. Так, особое правило закреплено относительно юридической судьбы имущества ликвидированного лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов: такое имущество подлежит конфискации и обращению в доход государства в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Решение о конфискации и обращении имущества в доход государства выносится судом одновременно с решением о ликвидации организации, согласно п. 3 ст. 25 Закона № 35-ФЗ.

Вместе с тем в целом, хотя юридическое лицо, осуществляющее террористическую деятельность, подлежит ликвидации по специальной норме, имеющей публично-правовой характер, направленный в первую очередь на защиту интересов общества и государства, порядок ликвидации такой организации регулируется общими нормами ст. 62–64 ГК РФ, что видится не вполне верным с точки зрения предотвращения совершения преступлений террористической направленности и достижения целей, поставленных Законом № 35-ФЗ.

В частности, представляется необходимым уточнение порядка осуществления расчетов с кредиторами ликвидируемого юридического лица. Очевидно, что среди кредиторов организации, ликвидируемой по основанию осуществления ею террористической деятельности, могут быть кредиторы, непосредственно способствовавшие ведению такой деятельности, т. е. финансировавшие терроризм и/или легализующие доходы, полученные преступным путем. Представляется нелогичным осуществление выплат таким кредиторам в порядке очередности, предусмотренной ст. 64 ГК РФ. В связи с этим видится необходимым проведение в отношении кредиторов юридического лица, ликвидируемого по основанию осуществления им террористической деятельности, процедуры обязательного контроля в соответствии с нормами Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3].

Процедура обязательного контроля, согласно ст. 3 вышеназванного Закона, представляет собой совокупность принимаемых уполномоченным органом – Росфинмониторингом мер по контролю за операциями с денежными средствами или иным имуществом на основании информации, представляемой ему организациями, осуществляющими такие операции, а также по проверке этой информации в соответствии с законодательством Российской Федерации. Относительно рассматриваемой процедуры ликвидации сведения (в частности, перечень кредиторов, перечень предъявляемых ими требований) в Росфинмониторинг должна передавать ликвидационная комиссия. Как представляется, процедура обязательного контроля в рассматриваемом случае должна быть проведена после окончания срока для предъявления требований кредиторами и составления промежуточного ликвидационного баланса.

При этом очевидно, что проведение процедуры обязательного контроля фактически приостановит процедуру ликвидации, поскольку выплаты кредиторам в порядке очередности ликвидационная комиссия сможет проводить лишь после «одобрения» таких выплат Росфинмониторингом. В соответствии с этим видится необходимым установить срок проведения обязательного контроля, ограничив его тремя месяцами; соответственно, расчеты с кредиторами будут осуществляться после окончания срока проведения контрольной процедуры и принятия уполномоченным органом решения о возможности или невозможности удовлетворения требований кредиторов ликвидируемого юридического лица.

В связи с вышесказанным также потребуется внесение нормы, предписывающей исключить из реестра кредиторов тех субъектов, в отношении которых по результатам проведения процедуры обязательного контроля Росфинмониторингом было принято решение о невозможности осуществления выплат в связи с выявлением в деятельности кредитора признаков незаконной деятельности (в частности, направленной на финансирование терроризма).

В связи с вышеизложенным видится необходимым дополнить ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» частью 2.1 следующего содержания: «В отношении кредиторов юридического лица, ликвидируемого в соответствии с ч. 2 настоящей статьи, уполномоченный орган проводит процедуру обязательного контроля в соответствии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Процедура обязательного контроля в этом случае должна быть проведена в срок, не превышающий трех месяцев со дня утверждения промежуточного ликвидационного баланса.

По результатам проведения процедуры обязательного контроля уполномоченный орган вправе принять решение о невозможности удовлетворения требований кредитора или кредиторов, деятельность которого (которых) подпадает под признаки легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и (или) финансирования терроризма».

Как представляется, дополнение и уточнение порядка такой гражданско-правовой процедуры, как ликвидация юридического лица, осуществляющего террористическую деятельность, будет способствовать более эффективной реализации целей законодательства о противодействии терроризму, которыми, согласно преамбуле Закона № 35-ФЗ, являются, в частности, установление основных принципов противодействия терроризму, правовых и организационных основ профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ; в ред. Федер. закона от 24 июня 2023 г. № 351-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2023. № 31 (ч.3). Ст. 5777.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 07 авг. 2001 г. № 115-ФЗ; в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 308-ФЗ // Рос. газ. 2001. 09 авг.; 2023. 13 июля.
4. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта; 2023. 13 июля.

© Штырфунов Д. Ю., 2023

СЕКЦИЯ 4. ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА, ТЕРРОРИЗМА И СКУЛШУТИНГА СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ И ПОДРОСТКОВ

Бикеева Елизавета Дмитриевна,
студент

Научный руководитель: Шведчикова Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассматривается проблема предотвращения распространения экстремизма среди молодежи. Автор исследует различные методы, которые могут быть использованы для предотвращения радикализации молодых людей и повышения их уровня терпимости к разнообразию культур и религий. Также изучаются виды экстремизма и нормативно-правовая база, регулирующая деятельность по его профилактике.

Ключевые слова: экстремизм, молодёжь, профилактика, нетерпимость, агрессия, насилие, идеология, государство.

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что в настоящее время проблема экстремизма в целом и среди молодежного населения – особенно является одной из основных угроз внутренней безопасности Российской Федерации. Экстремизм все чаще проявляется в политической, религиозной, экономической и социальной сферах жизнедеятельности общества, поэтому крайне важно минимизировать его проявления, а основным способом сокращения экстремистской деятельности является её профилактика, в том числе среди молодежи.

Г. Ю. Семигин определяет экстремизм как идеологическое направление, характеризующееся крайними взглядами и действиями. Такое направление связано с насилием или его угрозой, упрощенным восприятием проблем и отсутствием готовности искать компромиссы. Экстремисты навязывают свои принципы и взгляды, руководствуясь эмоциями, инстинктами и предрассудками, проявляют неспособность к толерантности или полное её игнорирование [5].

Уголовный кодекс РФ преступление, совершенное с экстремистскими мотивами, определяет как преступление, осуществленное по причине политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [1].

Основы нормативного регулирования профилактики экстремизма в Российской Федерации включают целый ряд базовых документов. Это Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Указ Президента РФ от 23.03.1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлением фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ».

Для того чтобы осуществлять профилактику экстремизма среди молодежи, необходимо понимать, какие его разновидности существуют:

1. Политический экстремизм предполагает крайние взгляды в отношении политической системы, организации формы управления государством, пропаганду насильственных или агрессивных способов установления власти, вплоть до политического террора.

2. Националистический экстремизм представляет собой радикальные идеи и действия, основанные на ненависти и нетерпимости к представителям других народностей, национальностей и этнических групп. Это выражается в агрессии, достигающей крайних форм.

3. Религиозный экстремизм характеризуется жестким отрицанием идей других религиозных конфессий, вплоть до применения физического насилия и уничтожения, с использованием религиозных лозунгов и призывов к насилию и физической расправе над иноверцами.

4. Подростково-молодежный экстремизм представляет собой взгляды и формы поведения, которые характеризуются агрессией по отношению к окружающим, выражающиеся в насилии и убийствах, а также в распространении идеи создания тоталитарного общества, основанного на подчинении и страхе.

5. Экологический экстремизм – это радикальные взгляды на организации и предприятия, которые способствуют ухудшению экологической ситуации. Приверженцы придерживаются идеи ликвидации таких производств как единственно верного и возможного способа решения экологических проблем и улучшения качества окружающей среды.

6. Антиглобалистический экстремизм – это радикальные взгляды и агрессивное поведение в отношении организаций, которые оказывают влияние на экономическую, политическую и культурную сферы общественной жизни.

7. Моральный экстремизм – это крайняя непримиримость и нетерпимость к нравственным нормам и правилам, выражающаяся в допущении насилия и пропаганде, а также несоблюдении религиозных и светских «кодексов чести».

В профилактике экстремизма среди молодежи важную роль играет учебно-воспитательный процесс, в ходе которого должны создаваться социально-психологические условия для противодействия экстремизму с учетом социальных, возрастных особенностей, интересов и ценностей молодежи [4]. Целью этого процесса является формирование у подростков качеств, необходимых для полноценной жизни в обществе.

Экстремизм возникает вследствие противоречий интересов, убеждений и идеологий, что в конечном итоге приводит к отсутствию положительных ролевых моделей и стремления молодых людей к самореализации и развитию положительных качеств. Эти факторы побуждают их объединяться в неформальные группы, что свидетельствует о серьезных проблемах в современном обществе [4]. Ведь такие объединения способствуют формированию у молодых людей установок, отрицающих традиционные ценности, принятые в обществе.

Важным фактором в предотвращении экстремизма среди подрастающего поколения является социально-психологическая устойчивость, которая предполагает принятие и уважение многообразия этнических, культурных и социально-мировоззренческих различий.

Одной из наиболее важных мер по предотвращению экстремизма среди молодежи является оперативная реакция и пресечение деятельности различных экстремистских группировок и идеологических структур со стороны специальных служб. Также необходимо предотвращать распространение экстремистской идеологии и отвлекать молодых людей от противоправной деятельности, особенно в отношении иностранных студентов, мигрантов и тех, кто исповедует другую веру. Важно также раннее выявление и пресечение действий лидеров и участников преступных группировок, а также неформальных молодежных групп.

Профилактика экстремизма среди молодежи является важной задачей, требующей совместных усилий государственных органов, органов местного самоуправления и СМИ. Методы профилактики, такие как реагирование и предупреждение, имеют решающее значение для борьбы с этой проблемой.

Сохранение и поддержание национально-культурных традиций в муниципальных образованиях играют важную роль в предотвращении национального экстремизма.

В заключение хочется отметить, что только при своевременной работе по предупреждению, пресечению и профилактике экстремизма среди молодежи возможно сохранение конституционного строя и целостности РФ, а также сохранение и поддержание общественного и государственного благополучия в нашей стране.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 04 авг. 2023 г. № 413-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля; 2022. 30 дек.
3. Каримов А. М. Молодежь и экстремизм в современном обществе. М.: Наука, 2016. 296 с.
4. Воробьев В. В. Социально-психологические аспекты профилактики экстремизма среди молодежи. М.: Экзамен, 2012. 176 с.

5. Семигин Г.Ю. Политическая энциклопедия : В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; [Науч.-ред. совет: пред. Г. Ю. Семигин и др.]; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. 750 с.

© Бикеева Е. Д., 2023

ПОЗИТИВНЫЙ КОНТЕНТ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА И СКУЛШУТИНГА СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

Козлова Валерия Николаевна,

*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Козлов Владимир Сергеевич,

студент

ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники», г. Томск, Томская область

В статье рассматриваются понятие и признаки позитивного контента как средства профилактики терроризма, экстремизма и скулшутинга среди детей и молодежи. С опорой на встречающиеся в подзаконных актах дефиниции контента авторы предлагают законодательное определение позитивного контента, указывают на необходимость включения содержания понятий «контент» и «позитивный контент» в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и закрепления критериев позитивного контента на уровне постановления Правительства РФ для целей единообразного правоприменения и эффективной профилактической работы.

Ключевые слова: контент, позитивный контент, терроризм, экстремизм, скулшутинг, профилактика терроризма, профилактика экстремизма, профилактика скулшутинга.

Одним из эффективных средств профилактики проявлений экстремизма, терроризма, скулшутинга, буллинга и других негативных явлений в сети Интернет среди детей и молодежи является создание и распространение позитивного контента в современном цифровом пространстве.

Анализ содержания действующих нормативных правовых актов Российской Федерации позволяет говорить о том, что термин «позитивный контент» напрямую практически не используется при формулировании правовых норм, хотя зачастую соответствующий смысл подразумевается при регулировании вопросов информационной безопасности детей и молодежи, правового режима интернет-ресурсов, аудиовизуальных сервисов, видеоигр и т. п. Напрямую позитивный контент как правовое явление упомянут в Распоряжении Правительства РФ от 28.04.2023 г. № 1105-р, в котором количество созданных для детей и подростков безопасных интернет-ресурсов, в том числе с привлечением волонтерских и общественных объединений, для внедрения позитивного контента рассматривается как один из показателей оценки состояния информационной безопасности детей в рамках соответствующего мониторинга [6].

Определение контента содержится в разработанных ВНИИДАД Методических рекомендациях по созданию и развитию официальных сайтов и официальных страниц органов управления архивным делом, государственных и муниципальных архивов Российской Федерации, согласно которым контент – это «информационно значимое наполнение сайта: тексты, графика, мультимедиа; существенными параметрами контента являются его объем, актуальность и релевантность» [7]. Также в п. 2 Постановления Правительства РФ от 11.10.2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» дано определение цифрового образовательного контента: это «материалы и средства обучения и воспитания, представленные в цифровом виде, включая информационные ресурсы, а также средства, способствующие определению уровня знаний, умений, навыков, компетенции и достижений обучающихся» [5].

Исходя из вышеизложенного и с учетом лексического значения слова «позитивный» («положительный материал; основанный на фактах, на опыте; выраженный в положительной форме» [11, с. 446]) можно сделать вывод о том, что позитивный контент – это материалы, предназначенные для распространения в информационно-коммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, познавательного, образовательного, развлекательного характера, не несущие угроз информационной безопасности.

Позитивный контент в контексте профилактики экстремизма и терроризма в сети Интернет – это информация просветительского характера, разъясняющая обманчивость и опасность радикальной идеологии с использованием контрнарративов, распространяемая посредством сети Интернет [10]. При этом, если нарратив – это повествование о каком-то событии или факте, причем носящее, как правило, отпечаток личного опыта и/или восприятия, то контрнарратив – сообщение, которое предлагает позитивную альтернативу экстремистской или террористической пропаганде или, напротив, направлено на деконструкцию или делегитимизацию экстремистских или террористических нарративов [8].

Поскольку российское законодательство не содержит даже понятия позитивного контента, какие-либо признаки, критерии отнесения тех или иных материалов к позитивному контенту также законодательно не закреплены.

Однако в рамках ежегодного Всероссийского конкурса для поддержки лучших интернет-ресурсов «Позитивный контент» были разработаны критерии позитивного контента, которые затем были уточнены и скорректированы Рабочей группой по информационной безопасности при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка [12]. Несмотря на то, что такие критерии были определены для целей предоставления государственной поддержки определенным проектам, направленным на образование и воспитание детей, видится возможным взять их за основу определения позитивности контента, в том числе и для целей профилак-

тики экстремистских и террористических проявлений, проявлений скулшутинга среди детей и молодежи.

Условно предложенные критерии отнесения контента к позитивному можно разделить на несколько групп:

- содержательные критерии;
- технические и дизайнерские критерии;
- требования контентной безопасности;
- наличие механизмов защиты пользователей от противоправного воздействия;
- юридические критерии.

Что касается содержательных критериев, к ним можно отнести направленность того или иного материала (познавательную, образовательную или развлекательную) и наличие социальной значимости такого материала, смысловой нагрузки, идеи, заложенной в оцениваемый материал. Позитивный контент должен повышать уровень образованности целевой аудитории, обогащать новыми идеями и навыками, в т.ч. повышать цифровую грамотность детей и молодежи.

К техническим и дизайнерским критериям позитивности контента относятся в первую очередь высокое качество графики (нередко в научной и публицистической литературе можно встретить указание на то, что высококачественный по своему содержанию контент остается невостребованным в связи с низким финансированием проекта и, как следствие, низким качеством изображения, звука и т.п., т.е. низкой привлекательностью продукта для конечного пользователя); удобство восприятия используемых шрифтов; использование пастельных, сочетающихся друг с другом цветов в оформлении как сайта, так и материалов, размещаемых на нем; логически выверенная структура размещения материалов и качественная навигация, удобная независимо от того, с какого устройства заходит пользователь, соответственно – мультиплатформенность проекта; простота и ясность управления, интуитивно понятный интерфейс; интерактивность и возможность самостоятельного регулирования пользователем определенных настроек (например, возможность самостоятельно отключать звук, если материалы сопровождаются звуковым сопровождением). Разделы длящегося или периодического проекта должны регулярно обновляться, пополняться новыми материалами и актуальной информацией.

При этом позитивный контент должен формироваться на русском языке как государственном языке Российской Федерации [1] (несомненно, такое правило не исключает возможности признания позитивным контента, направленного на изучение иностранных языков или сохранение культуры и языков народов, входящих в состав Российской Федерации, однако применительно к профилактике экстремизма, терроризма и скулшутинга видится необходимым закрепление императивного правила о распространении соответствующего профилактического контента именно на государствообразующем русском языке).

К требованиям контентной безопасности относятся запреты, прямо вытекающие из противодействия террористическим и экстремистским проявлениям, проявлениям скулшутинга. В частности, не может быть признан позитивным контент, если он направлен на создание позитивного образа преступника или на сочувствие последнему, пропагандирует насильственные способы разрешения конфликтов, содержит прямые или косвенные призывы к дискриминации или насилию по признакам расы, национальности, религиозной принадлежности, ненормативную лексику, пропаганду скулшутинга, самоубийств, распространения и потребления наркотических средств или психотропных веществ и т. п.

В качестве механизмов защиты пользователей от противоправного воздействия следует назвать наличие возможности сообщения пользователем о негативном поведении или контенте с установлением порядка рассмотрения и реагирования на такие сообщения; модерирование контента в целях удаления недопустимой к размещению информации, пресечению конфликтов в чатах, комментариях и т. п.

Наконец, к юридическим (законодательным) критериям позитивности контента можно отнести обязательное предупреждение пользователей об использовании cookie-файлов, о сборе и обработке персональных данных (с указанием целей и причин такого сбора, а также предоставляемых гарантий защиты персональных данных), обязательная возрастная маркировка информационной продукции и соблюдение запретов и ограничений, вытекающих из требований федеральных законов «О рекламе» [3], «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [4] и др.

Кроме того, особенно важным в свете профилактики экстремизма, терроризма и скулшутинга в современных социально-политических условиях является требование присутствия проекта в юрисдикции Российской Федерации. Доменное имя проекта должно находиться в одной из российских доменных зон, в частности .RU, .РФ, .SU, .ДЕТИ; хостинг интернет-проекта должен располагаться на серверах, расположенных на территории РФ, при этом регистратор и хостинг-провайдер, предоставляющие услуги хостинга, также должны находиться под юрисдикцией Российской Федерации

В целом следует подчеркнуть, что оценка контента как позитивного должна даваться не каждому отдельному материалу (тексту, видео-, аудиоматериалу и т. д.), а проекту как комплексному объекту, совокупности собственно контента, его дизайна и удобства использования.

Учитывая широкие возможности сети Интернет и других информационно-коммуникационных сетей и психологические особенности современных детей и молодежи, получающих информацию в первую очередь через такие сети, целесообразным видится принятие постановления Правительства РФ, определяющего критерии позитивного контента, в том числе направленного на профилактику терроризма, экстремизма и скулшутинга среди детей и молодежи. В качестве таковых представляет-

ся возможным закрепление перечисленных в настоящем исследовании критериев, тем более что они получили высокую оценку профессионального сообщества и применяются на практике при оценке позитивности контента, представляемого на соответствующий Всероссийский конкурс интернет-проектов. Названные критерии могут использоваться для решения вопроса приоритетного финансирования определенных проектов, рекомендации использования их в образовательных и воспитательных целях (например, для распространения и изучения в образовательных учреждениях) и т. д.

Кроме того, представляется недопустимой ситуация, когда термины «контент» и «позитивный контент» используются в подзаконных актах, правоприменительной деятельности, однако их содержание не получает своего нормативного закрепления. В связи с этим видится необходимым закрепление понятий контента и позитивного контента в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Высказанные предложения, на наш взгляд, будут способствовать как формированию единого подхода к разработке позитивного контента, так и профилактике экстремизма, терроризма и скулшутинга среди детей и молодежи путем повышения их правовой культуры, вовлечения в социально значимые проекты, формирования навыков адекватной оценки происходящего и методов реагирования на экстремистские и террористические проявления, проявления скулшутинга, в том числе в сети Интернет.

Библиографический список

1. О государственном языке Российской Федерации: Федер. закон от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 февр. 2023 г. № 52-ФЗ // Рос. газ. 2005. 07 июня; 2023. 02 марта.
2. О рекламе: Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ; в ред. Федер. закона от 10 июля 2023 г. № 302-ФЗ // Рос. газ. 2006. 15 марта; 2023. 13 июля.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ; в ред. Федер. закона от 31 июля 2023 г. № 408-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля; 2023. 03 авг.
4. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 апр. 2023 г. № 178-ФЗ // Рос. газ. 2010. 31 дек.; 2023. 04 мая.
5. Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: Постановление Правительства РФ от 11 окт. 2023 г. № 1678 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 12.10.2023)
6. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02 дек. 2015 г. № 2471-р: Распоряжение Правительства РФ от 28 апр. 2023 г. № 1105-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 2023. 05 мая (дата обращения: 12.10.2023).
7. Методические рекомендации по созданию и развитию официальных сайтов и официальных страниц органов управления архивным делом, государственных и муници-

- пальных архивов Российской Федерации: разработаны ВНИИДАД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.11.2023).
8. Агеев Е. А. К вопросу о проблеме нарративов и контрнарративов в деятельности международного исламистского движения Хизб ут-Тахрир // Исламоведение. 2022. Т. 13. № 3 (53). С. 5–17.
 9. В России определили критерии позитивного контента в Интернете. URL: <https://news.rambler.ru/games/50212428-v-rossii-opredelili-kriterii-pozitivnogo-kontenta-v-internete/> (дата обращения: 25.11.2023).
 10. Создание позитивного контента в контексте профилактики экстремизма и терроризма в сети Интернет. Часть 1: лекция // Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет Интернет. URL: <https://ncpti.su/> (дата обращения: 25.11.2023).
 11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2008. 736 с.
 12. Позитивный контент: какой он должен быть? URL: <https://nedopusti.ru/articles/read/179/> (дата обращения: 25.11.2023).

© Козлова В. Н., Козлов В. С., 2023

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Медведева Таисья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассматриваются проблемы адаптации иностранных обучающихся в российском социокультурном пространстве, предлагаются практические рекомендации по совершенствованию мер, направленных на адаптацию иностранных студентов как фактора профилактики проявлений терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: *адаптация, иностранные обучающиеся, российское социокультурное пространство, профилактика, терроризм, экстремизм.*

Одной из задач миграционной политики России является «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами» [2]. Большим потенциалом для эффективного осуществления в России адаптации и интеграции мигрантов, в том числе направленного на предотвращение проявлений экстремизма и терроризма, обладает система образования. Социальная и культурная адаптация иностранных граждан – это совокупность действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и самого иностранного гражданина, направленных на его включение в социальное и культурное пространство российского общества [4].

Иностранные студенты в процессе адаптации к новой социально-экономической и культурной среде вынуждены преодолевать не только языковые сложности, но и психологические, социальные, религиозные и духовно-нравственные барьеры, осваивая новые для себя модели поведения [1, с. 118]. Возникающие проблемы адаптации иностранных обучающихся являются результатом действия разных факторов.

Во-первых, многие из них оказываются в другом этнокультурном и языковом пространстве, что приводит к психологическим трудностям, отчуждению иностранных студентов в принимающем сообществе.

Во-вторых, оторванность иностранных студентов от привычного социального окружения – знакомых, друзей, родных, отсутствие в принимающей стране устойчивых социальных связей ограничивают возможности адаптации, препятствуют решению актуальных проблем и удовлетворению жизненных потребностей [5, с. 62].

В-третьих, стремительная глобализация миграционных потоков, заметное изменение этнического состава населения в ряде регионов России в результате значительной иммиграции вызывают рост антиимигрантских настроений в обществе, прежде всего в местах наибольшего притока мигрантов, что еще более осложняет адаптацию иностранных студентов.

Еще одна проблема – это проблема гражданской идентификации иностранных обучающихся, что связано со сменой места жительства человека, непосредственным взаимодействием с другими этническими общностями. Это объясняется многими факторами, начиная от возраста иностранных студентов, его социального статуса, толерантности принимающей стороны, уровня образования, заканчивая индивидуально-психологическими характеристиками иностранных студентов.

Когда иностранный обучающийся не может адаптироваться к российскому социокультурному пространству, с его этнической идентичностью происходит отрицательная трансформация, развитие ее по типу этнического нигилизма, сепаратизма, национализма или крайнего фанатизма. Это может порождать проявления экстремистских взглядов и настроений.

Для профилактики таких негативных явлений, как проявление экстремистских взглядов и настроений российским вузам, в частности ХГУ им. Н. Ф. Катанова, необходимо:

- содействовать социально-психологической адаптации иностранных студентов к условиям многонационального и многоконфессионального региона и учебно-воспитательному процессу университета;
- формировать в образовательной среде вуза терпимость к инаковости, укреплять сотрудничество и взаимодействие между обучающимися иностранными студентами и студентами – гражданами России;
- приобщать иностранных студентов ко всем мероприятиям, проводимым в университете и регионе;
- привлекать к подготовке и проведению различных вечеров, организации интернациональных встреч, спортивных мероприятий, к участию в фестивалях, конференциях, вебинарах, диспутах и т. д.;

- знакомить иностранных студентов с историей, культурой, традициями народов России и субъекта, в котором находится вуз;
- формировать позитивное отношение к российскому обществу и многонациональной культуре страны;
- проводить правовое воспитание иностранных студентов, знакомить с основными положениями действующего законодательства РФ о пребывании иностранных граждан на территории РФ.

С этой целью в институтах ХГУ им. Н. Ф. Катанова проводятся встречи с представителями Прокуратуры Республики Хакасия, Управления Федеральной антимонопольной службы, Центра по противодействию с экстремизмом МВД, Следственного управления Следственного комитета по Республике Хакасия. В ходе встреч рассматриваются вопросы соблюдения законности и правопорядка в сфере миграционной политики, взаимодействия органов полиции и университета по охране общественного порядка, участия студентов в деятельности добровольной народной дружины и пропаганды правовых знаний, профилактики экстремизма и терроризма среди молодежи, противодействия коррупции, правопорядка в общественных местах [2, с. 85]. Процесс адаптации иностранных студентов к российскому социокультурному пространству должен стать частью политики в области образования и представлять собой комплексное явление, состоящее из взаимосвязанных элементов: адекватное взаимодействие иностранных студентов с социокультурной и интеллектуальной средой вуза, психоэмоциональная стабильность, освоение новых социальных ролей, приобретение новых навыков общения и взаимодействия, принятие ценностей принимающей стороны. Эти и другие качества будут способствовать успешному включению иностранного студента в образовательное пространство университета [1, с. 121].

Библиографический список

1. Айбазова М. А. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-inostrannyh-studentov-k-usloviyam-obucheniya-v-rossiyskih-vuzah> (дата обращения: 31.11.2023).
2. Викторов О. Н., Алексеева Е. С., Кузнецова В. В. Внеучебная работа с иностранными обучающимися и профилактика среди них противоправных действий // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Международной учебно-методической конференции / под ред. А. Ю. Александрова, Е. Л. Николаева, А. М. Шамсиева [и др.]. 2019. С. 85–91. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 31.11.2023).
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 31.11.2023).
4. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского ВУЗа (на примере Воронежской государственной Академии им. Н. Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. Часть 2. С. 284–288. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=27948> (дата обращения: 31.11.2023).

5. Проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=118633#0> (дата обращения: 31.11.2023).
6. Трофимова И.Н. Проблемы адаптации мигрантов в современной России // Вестник университета. 2013. № 8 С. 62–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-adaptatsii-migrantov-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 31.11.2023).

© Медведева Т. Н., 2023

ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мохова Анна Владимировна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права*

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу особенностей организации профилактической работы и противодействия терроризму и экстремизму в образовательных учреждениях высшего образования Российской Федерации.

Ключевые слова: профилактика терроризма, профилактика экстремизма, идеология, образовательная организация, высшее образование, мировоззрение, самосознание, информационное общество.

Современное общество является динамично развивающимся, быстро и легко трансформирующимся в силу различных факторов: политических, социально-экономических, этнокультурных и пр. Передовые информационные технологии занимают все более важное значение в нашей жизни. Тем не менее их использование ведет к переосмыслению культурных ценностей и трансформации сознания. Молодежь более всех подвержена воздействию информационной среды. Среди молодежи чаще формируются оппозиционные сообщества, пропагандирующие достижение цели через насилие, страх, запугивание, террор. С помощью сети информационных коммуникаций молодежным группам легче общаться, оказывать влияние друг на друга, пропагандировать различные идеи и взгляды и т. д. Молодые люди, зачастую не осознавая, увлекаются этими идеями, денежная составляющая также не ускользает от их внимания. Поэтому одной из основных задач современного общества является формирование и воспитание личности, способной противостоять различным угрозам, не быть вовлеченной в общественно опасные организации и осознавать последствия своего выбора.

Образование играло и играет важную роль в развитии общества. Оно является важным индикатором сформированности мировоззрения и самосознания человека, а также его компетенций в той или иной деятельности. Профилактика и противодействие идеологии терроризма и экстремизма в вузовской среде – это очень сложная многоуровневая работа,

направленная на выявление персонально у каждого молодого человека склонностей, интересов, окружения и общения, материального состояния и других жизненных активов. Это сложный и многогранный процесс, который не может быть выполнен отдельно взятым преподавателем, куратором или иным представителем вуза [1, с. 14].

На наш взгляд, возможными причинами роста экстремистских и террористических воззрений студенческой молодежи являются:

- ухудшение качества образования и духовно-нравственного воспитания;

- низкий уровень морального сознания молодежи;

- снижение уровня политико-правовой свободы;

- ксенофобия.

С уменьшением роли семьи и школы в процессе социализации личности увеличиваются риски влияния деструктивных сил на молодежь, привлекающих ее фальшивой «героизацией» терроризма, денежной приманкой, практикой возбуждения социальной, расовой, национальной, религиозной вражды и т. п.

Основной целью организационных мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму в образовательной организации является обеспечение постоянной готовности к безопасной повседневной деятельности, а также к действиям в случае угрозы или возникновения чрезвычайных ситуаций [3, с. 9]. В настоящее время можно выделить следующие основные этапы организации профилактической работы в вузе:

1. С целью систематизации работы воспитательного характера происходит планирование деятельности с обучающимися на учебный год. Каждый педагог – куратор группы или преподаватель спецдисциплин – участвует в данном процессе. Для облегчения работы в этом направлении можно провести опрос, анкетирование среди студентов с целью выяснения того, в каких мероприятиях они хотели бы принять участие. Уточнения или дополнения в планы вносятся в течение учебного года.

2. Информационно-просветительская деятельность представляет собой деятельность, направленную на пропаганду знаний социально-психологического характера среди всех участников образовательного процесса. Одним из направлений здесь является размещение информации в сети Интернет, изготовление плакатов и баннеров в вузе, издание буклетов просветительского характера, раздача листовок, чтение лекций, проведение бесед и пр.

3. Интерактивная деятельность обучающихся заключается в тесном взаимодействии с органами власти, правоохранительными органами, студентами из других вузов. Важным является участие студентов в научно-практических конференциях, форумах, симпозиумах по данной проблематике. В настоящее время одной из актуальных является проблема выявления признаков пропаганды экстремизма в образовательной среде посредством сети Интернет. Так как проблема терроризма и экстремизма стала одной из глобальных проблем человечества, все больший интерес

вызывает международное сотрудничество в сфере профилактики и противодействия данному асоциальному явлению, обмене опытом применения практических навыков.

Введение во всех отечественных вузах с сентября 2023 г. учебной дисциплины «Основы российской государственности» направлено на формирование в мировоззрении отечественной молодежи ценностного отношения к пяти ключевым объектам социально-политической реальности: человеку, семье, обществу, государству и стране. Кроме того, одной из целей данного курса является подготовка специалистов, способных противостоять современным глобальным угрозам и предотвратить их. Таким образом, новая дисциплина призвана усилить акцент в образовательных организациях на патриотическом воспитании, культуре мирного поведения, межнациональной и межконфессиональной дружбы, а также умении отстаивать собственное мнение, противодействовать социально опасному поведению, в том числе вовлечению в экстремистскую деятельность всеми законными средствами.

Большую роль в профилактике терроризма и экстремизма играют научные семинары и вебинары из цикла «Организация противодействия терроризму и экстремизму в образовательных учреждениях». Важным моментом в этом процессе является освещение такого вопроса, как правоприменение в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом [2, с. 34]. Другой немаловажный аспект – официальная статистика правонарушений в данной сфере. Студенты должны изучать статистику, анализировать ее, выявлять истоки распространения терроризма и экстремизма и предлагать методы и способы противодействия этим явлениям и борьбы с ними.

Каждый отечественный вуз или центры переподготовки и повышения квалификации ежегодно реализуют такие дополнительные программы, как «Противодействие терроризму и экстремизму в современных условиях», «Информационная безопасность», «Профилактика распространения терроризма и экстремизма в образовательной среде» и т. п. Каждый педагог обязан пройти подготовку по данным программам. Для слушателей курсов переподготовки кадров, например, государственных и муниципальных служащих, в программы могут включаться такие вопросы, как проблемы психологии личности, профилактика коррупции, терроризма и экстремизма в федеральных и региональных органах власти и т. д.

Таким образом, экстремистские и террористические взгляды в немалой степени являются продуктом современного информационного общества. Наиболее уязвимой социальной группой является молодежь, в частности студенты, которые подвержены рискам и влиянию радикально-деструктивных идей. Работа педагога в образовательной организации требует много усилий и терпения, так как он является учителем и воспитателем, наставником и куратором одновременно. Профилактические мероприятия в сфере противодействия терроризму и экстремизму должны проходить «красной нитью» через все учебно-воспитательные планы вузов и охватывать как студентов, так и профессорско-преподавательский состав.

Библиографический список

1. Гасанов К. А., Рагимова Т. А. Профилактика идеологии экстремизма и терроризма в студенческой среде // Профилактика экстремизма в системе образования: сборник материалов Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации / сост. А. С. Спрыгин, И. С. Анофриев. Выпуск 4. Москва: МПГУ, 2019. 92 с.
2. Малафеева М. А. Экстремистские проявления в образовательных организациях Российской Федерации в 2017–2021 годах: динамика, статистика, тенденции. Москва: Изд-во: Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации, 2022. 89 с.
3. Эффективные практики профилактики распространения идеологии экстремизма и терроризма в образовательных организациях: практическое пособие / В.П. Перфилов и др. Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2021. 82 с.

© Мохова А. В., 2023

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК МЕТОД БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Николаева Екатерина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права

Ахремюк Диана Сергеевна,

студент

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассмотрены вопросы правового воспитания как метода борьбы с терроризмом. Подчеркнута актуальность высокого уровня правосознания и правовой культуры граждан в современных условиях. Обоснована необходимость взаимодействия государства и институтов гражданского общества, совместными усилиями которых необходимо создание позитивных действий как приема предупреждения воздействия террористической идеологии.

Ключевые слова: терроризм, правовое воспитание, борьба, правосознание, правовая культура, ценности.

В современных условиях активизировались социальные процессы, сопряженные с гражданской позицией людей, и отчетливо просматривается воздействие глобальных процессов на все области жизни, поэтому важность общественного порядка повышается. Выбранный государством курс политико-правового развития зависит от имеющегося правосознания и правовой культуры граждан, полноценного протекания политико-правовой социализации, правильного понимания личных прав и свобод и реализации правовых знаний в повседневной жизни [4, с. 105]. Важность современного правового воспитания обусловлена тем, что создание общественного правосознания каждого гражданина основывается на политико-правовом опыте предыдущих поколений. Содержанием и ключевым назначением правового воспитания выступает передача, накопление и овладение правовыми знаниями и знакомство с правовыми ценностями [3, с. 115]. Поэтому целью является принятие изначально внешних созна-

нию индивида ценностей, норм и установок как субъективно значимых элементов правосознания.

Терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности страны: взятие заложников, похищение людей, взрывы, акты насилия, прямые угрозы их реализация и т. д. Проблема противодействия терроризму в России – одна из важных задач обеспечения государственной безопасности. В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», терроризм – это идеология насилия и практика влияния на принятие решения государственными или международными органами, сопряженные с устрашением населения и другими формами противоправных насильственных действий [2].

Помимо установления ответственности за преступления террористической направленности [5, с. 117], важно выработать и реализовывать профилактические мероприятия. Особенно важно их проведение среди молодежи, поскольку именно она в силу разных причин является уязвимой в плане подверженности отрицательному воздействию разных антисоциальных и криминальных групп [6, с. 154]. Правовое воспитание как метод борьбы с терроризмом предполагает выполнение следующих действий:

- проведение системных мер по формированию правовой культуры. В том числе этому способствует расширение юридического элемента в воспитании и образовании. Знание своих прав и свобод развивает чувства уважения к правам и свободам иных лиц, в частности к их жизни, здоровью и достоинству;

- воспитание толерантного мировоззрения, терпимого отношения ко всем независимо от религии, национальности, социального и имущественного положения и т. д. В ч. 2 ст. 19 Конституции РФ запрещены любые формы ограничения прав граждан по различным признакам [1]. И у каждого человека с детства должна закладываться мысль об уважении всех без деления по любым признакам. Это поможет противодействовать разным видам религиозного, национального и социального экстремизма;

- совершенствование вопросов отдыха и досуга. Многие люди попадают в радикальные организации ввиду отсутствия желания, а иногда и возможности проводить свое свободное время с пользой. Государству необходимо создать в крупных городах и малых населенных пунктах активно действующие социально-культурные заведения [7, с. 164]. Необходимо активная пропаганда здорового образа жизни, занятий спортом и физической культурой. При этом такие возможности должны быть доступны всем в материальном плане;

- рост уровня социальной и материальной защищенности, помощь в трудоустройстве молодых специалистов, поддержка жилищных программ. Эти меры помогут молодым людям осознать, что государство заботится о них, и нет необходимости совершать противозаконные действия [8].

Наиболее результативным средством массового информационного влияния террористов на молодежь является Интернет, использующийся

для вербовки новых членов, в том числе террористов-смертников, для создания поддержки террористических организаций, для скачивания террористической литературы, для соответствующих рассылок и т. д. Действуют и традиционные каналы социального взаимодействия (например, обучение в зарубежных теологических учебных заведениях).

Для противодействия данным отрицательным тенденциям государственные органы с привлечением институтов гражданского общества должны проработать следующие направления:

- информационно-аналитическое обеспечение противодействия терроризму (выпуск различных памяток, брошюр, плакатов, социальной рекламы, объективные публикации в прессе о деятельности правоохранительных органов и антитеррористических комиссий, формирование тематических документальных фильмов и видеороликов и т. д.);

- пропагандистское (своевременное доведение объективных данных об итогах деятельности в данной области);

- идеологическое обеспечение (формирование религиозной и межнациональной терпимости, патриотизма, здорового образа жизни, приоритетов общечеловеческих ценностей и т. д.);

- организационное (содействие деятельности общественных и религиозных объединений традиционной конструктивной, в частности антитеррористической, направленности; взаимодействие со СМИ, проведение конференций, слетов и т. д.);

- образовательное (формирование системы подготовки специалистов, в частности, из числа гражданских лиц, в сфере информационного противодействия терроризму) [8].

Такую работу необходимо вести поступательно, в том числе отстаивая интересы России в данной сфере на международном уровне.

Таким образом, поддержка социализации со стороны государства вместе с политико-правовым просвещением и пропагандой в настоящее время должны стать мощным воспитательным ресурсом в процессе борьбы с террористической идеологией.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2023).
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; в ред. Федер. закона от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля; 2022. 30 дек.
3. Артеменко Н. Н., Тарасова О. Е., Николаева Е. А. Правовое воспитание как способ предупреждения преступности несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2020. № 2 (182). С. 68–70.
4. Гусарова М. А. Проблема правового воспитания молодежи как фактор формирования антитеррористических установок правосознания в современном российском обществе // Вестник АГУ. 2020. № 2 (259). С. 104–109.
5. Николаева Е. А., Ардамин И. А. Проблема классификации юридической ответственности // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2023. № 1 (43). С. 117–121.

6. Тарасова О. Е., Константинова Е. Д. Правовое воспитание школьников как средство профилактики формирования экстремистского сознания среди молодежи // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 18 октября 2019 года / науч. ред. Н. А. Никиташина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан, 2019. С. 153–157.
7. Тарасова О. Е., Тарасова О. Е., Шульбаев О. Н. Детско-юношеский туризм как образовательно-воспитательная среда // Наука и образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Караганда, 29 апреля 2022 года. Т. 2. Караганда, 2022. С. 163–166.
8. Правовая основа борьбы с экстремизмом и терроризмом // Официальный сайт портала города Москвы. URL: <https://dorogomilovo.mos.ru/counter-terrorism/extremism/the-legal-basis-of-the-fight-against-extremism-and-terrorism/> (дата обращения: 25.11.2023).

© Николаева Е. А., Ахремюк Д. С., 2023

ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГРУППЫ ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Сафиуллина Зарина Зиннуровна,
студент

*Научный руководитель: Тарасова Ольга Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства*

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Казань, Республика Татарстан

В статье раскрываются вопросы вовлечения несовершеннолетних в деструктивные движения. Автор придерживается системного подхода в профилактике деструктивных проявлений среди несовершеннолетних путем реализации программ познавательного, разъяснительного и правовоспитательного характера.

Ключевые слова: несовершеннолетние, деструктивная идеология, профилактика вовлечения в деструктивные движения, инциденты вооруженных нападений.

Вопросы национальной безопасности на сегодняшний день особо актуальны, так как мы живем в условиях глобальных перемен мирового и национального масштаба. Перемены касаются не только национальных интересов государства, но и отдельно взятого человека, который должен быть в безопасности от внешних и внутренних угроз. Одной из таких угроз является криминализация подрастающего поколения. «Глобальные перемены современного общества приводят к утрате духовно-нравственных ценностных ориентиров» [3, с. 153], и это больше всего сказывается на молодежи. Преступность подрастающего поколения становится настоящей угрозой для общества и для национальной безопасности государства.

Несовершеннолетние в силу своих социально-психологических особенностей склонны к максимализму и радикальным настроениям. Отсутствие жизненного опыта влияет на восприимчивость к идеологическому воздействию, поэтому их мировоззрение сильно отличается от взглядов других возрастных групп, что делает несовершеннолетних наиболее уяз-

вимой группой для вовлечения в деструктивные движения. Особенно остро это стало проявляться в век информационных технологий. Посредством интернета подростки вовлекаются в сообщества противоправного характера. Данные сообщества или группы, которые получили название деструктивных, следует рассматривать как объединения людей, преследующих разрушительные цели в отношении любой социальной конструкции общества и в отношении конкретной личности. Иными словами, деструктивное поведение проявляется в разрушительном характере действий, направленных на уничтожение гармоничного состояния личности и сложившихся традиций и норм, социальных структур, культур, вероисповедания и порядка в обществе в целом.

Среди деструктивных движений, получивших широкое распространение на территории России, можно отметить такие, как «ОФФ», «валхалла», «лесники», «лесные санитары», занимающиеся организацией массовых драк с последующим выкладыванием видео в сети Интернет; «АУЕ», или «Арестантское уголовное единство»,⁴ пропагандирующее криминального образа жизни, привитие антигосударственных жизненных принципов; интернет-сообщества, администраторы которых целенаправленно склоняют подростков к совершению самоубийств, смертельно опасных действий и занятий (зацепинг, трейнсерфинг, руфинг).

Одними из наиболее опасных деструктивных движений являются колумбайн и скулшутинг. У колумбайнеров и скулшутеров нет политических или религиозных мотивов, нет цели привлечения общественного внимания для получения какого-либо блага. Скорее, их действиями руководит ненависть, желание мести или иная причина сугубо личного характера, обращенная не к определенному лицу, а к обществу в целом [2, с. 39]. Это позволяет отличить скулшутинг от, например, межличностных конфликтов, где жертвой выступает конкретное лицо. Скулшутинг отличается от серийных убийств, так как он совершается, скорее, как единичная акция и в ограниченный промежуток времени.

Ключевыми признаками деструктивных сообществ является крайне негативное отношение к закону, правоохранительным органам, государству, что является угрозой национальной безопасности. В этой связи возникает острая необходимость проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения деструктивного поведения. На наш взгляд, такие профилактические мероприятия целесообразно реализовывать в рамках правового воспитания. Правовое воспитание включает в себя не только правовое обучение, т. е. знакомство подростков с мерами юридической ответственности за совершенные противоправные деяния, но и работу социальных педагогов, психологов по формированию негативного отношения к деструктивным движениям [1, с. 68]. Конкретные

⁴ Организация с законодательством Российской Федерации признана осуществляющей экстремистскую деятельность.

действия могут быть выражены в оказании психологической, социально-педагогической помощи как несовершеннолетнему, так и семье.

Системный подход в профилактике деструктивных проявлений среди несовершеннолетних обеспечивается путем проведения различных мероприятий на уровне региона. Так, на территории Республики Татарстан с участием сотрудников МВД РТ проводится мониторинг обстановки, связанной с деструктивной деятельностью «групп смерти»; лиц, пропагандирующих экстремизм в молодежной среде; «колумбайн». Ведется работа по выявлению лиц, возможно, попавших под влияние манипуляторов, установлению личностей кураторов и администраторов сообществ этой тематики, а также по удалению и ограничению доступа к сообществам депрессивной тематики «колумбайн». На наш взгляд, данную работу следует расширить. Мероприятия должны быть направлены не только на подрастающее поколение, но и на их родителей (законных представителей). Речь идет об их информировании родителей о способах, методах вовлечения детей в деструктивные движения. Весьма полезны будут собрания, встречи с представителями правоохранительных органов, а также с психологами, которые дадут разъяснения о том, например, как распознать потенциального скулшутера. В данном аспекте следует активно использовать технологию домашнего визитирования, которая подразумевает посещение семей «трудных подростков» специалистами для оказания адресной помощи, направленной на успешную социальную интеграцию.

Основная работа по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные движения ложится на педагогов образовательных учреждений. На наш взгляд, на сегодняшний день следует выйти за рамки разъяснительной работы. Педагоги общеобразовательных учреждений при работе с подростками должны делать акцент на научно-исследовательскую работу, обеспечивающую сочетание творческих разработок с повседневной практикой правового воспитания. Организация свободного времени подростков является особым направлением психолого-педагогической профилактики. Данное направление обладает большим потенциалом для развития и использования на практике. В данном аспекте, на наш взгляд, будет уместно возродить различные мероприятия в рамках детско-юношеского туризма, который направлен не только на «физическое, но и нравственное оздоровление молодого поколения» [4, с. 164]. Благодаря разнообразным направлениям детско-юношеского туризма (спортивно-оздоровительному, туристическо-краеведческому) педагог имеет возможность не только решить задачи занятости подростка, его физического оздоровления, но и повлиять на нравственное формирование личности.

Также хотелось бы отметить, что в качестве профилактической меры вовлечения несовершеннолетних в деструктивные движения можно рассматривать временное трудоустройство. Занятость подростка будет способствовать не только снижению уровня преступности, увлечения деструктивными идеологиями, но и адаптирует несовершеннолетних к современным рыночным отношениям, будет способствовать приобретению

трудовых навыков, окажет материальную поддержку. В данном направлении должны работать представители государственных органов на федеральном и региональном уровнях – Министерство труда и социальной защиты, Уполномоченный по правам ребенка в субъекте РФ [5, с. 143].

Таким образом, профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивные движения должна иметь программный характер, включающий в себя мероприятия не только разъяснительного, но и правоспитательного характера.

Библиографический список

1. Артеменко Н. Н., Тарасова О. Е., Николаева Е. А. Правовое воспитание как способ предупреждения преступности несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2020. № 2 (182). С. 68–70.
2. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38–43.
3. Тарасова О. Е., Константинова Е. Д. Правовое воспитание школьников как средство профилактики формирования экстремистского сознания среди молодежи // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 18 октября 2019 года / науч. ред. Н. А. Никиташина; отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2019. С. 153–157.
4. Тарасова О. Е., Тарасова О. Е., Шульбаев О. Н. Детско-юношеский туризм как образовательно-воспитательная среда // Наука и образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Караганда, 29 апреля 2022 г. / Частное учреждение Академия «Bolashaq». Т. 2. Караганда: РИО «Болашақ-Баспа». Частное учреждение «Академия «Болашақ», 2022. С. 163–166.
5. Николаева Е. А., Тарасова О. Е. Уполномоченный по правам ребенка в Республике Хакасия: к характеристике системы разделения властей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–2 (58). С. 143–145.

© Сафиуллина З. З., 2023

СКУЛШУТИНГ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Стонт Алина Олеговна,

студент

Научный руководитель: Козлова Валерия Николаевна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена анализу особенностей скулшутинга как формы вооруженного насилия в образовательной среде. Автор определяет характерные черты данного явления, анализирует процессы, детерминирующие скулшутинг, предлагает пути его профилактики.

Ключевые слова: скулшутинг, образовательное учреждение, насилие, буллинг, меры профилактики.

Скулшутинг – это опасное социальное явление, которое за последние годы распространилось по всему миру, включая нашу страну. Зародившись в США, скулшутинг привлек внимание общества и вызвал острую реакцию, так как создает чувство неуверенности, страх и напря-

жение. Однако, несмотря на актуальность проблемы, исследований в российской науке по этой теме явно недостаточно [6]. Поэтому изучение скулшутинга становится крайне важным вопросом для нашей страны. Необходимо провести более глубокое исследование этой проблемы, чтобы лучше понять ее причины и механизмы развития. Такой анализ поможет разработать эффективные меры предотвращения и реагирования на подобные инциденты.

Под скулшутингом (англ. school shooting – стрельба в школе) понимается «массовая стрельба, вооруженное нападение учащегося (группы учащихся) или стороннего человека на обучающихся и педагогов в учреждении образования» [7].

Анализ исследований, посвященных скулшутингу, позволяет выделить несколько характеристик, которые присущи этому явлению. Скулшутинг обычно происходит в учебных заведениях, а его исполнителями являются учащиеся или выпускники этих учреждений. Потерпевшими могут быть одноклассники или одноклассники стрелка, а также другие учащиеся и педагоги. Основными мотивами скулшутинга являются самоутверждение, злоба, обида, месть и конфликты с педагогами или одноклассниками. Преступники намеренно стремятся причинить вред здоровью и жизни максимально возможному числу людей, используя при этом огнестрельное или холодное оружие, а также взрывчатые вещества [3, 4].

Многие исследователи отмечают символический (через вооруженное насилие они пытаются привлечь внимание и передать определенное сообщение окружающим) [1] и демонстративный (часто используются специфические атрибуты, одежда, создается особый образ, чтобы привлечь внимание) [8] характер действий шутеров.

Феномен скулшутинга требует специальных исследований со стороны представителей психологической и медицинской наук. Безусловно, принимаемые государством меры в виде ужесточения законодательства в уголовно-правовой сфере, а также в сферах оборота оружия и выявления психических заболеваний при предоставлении ряда прав (таких как выдача разрешений на управление транспортным средством, на владение оружием и его хранение, права занимать государственные и муниципальные должности и т. п.) будут иметь определенный профилактический эффект.

Однако действенность этих мер объективно не может быть достаточной, чтобы не допустить или хотя бы снизить количество подобных трагедий, например, невозможно полностью контролировать или отключить Интернет. Виртуальное пространство стало основной площадкой коммуникации для многих людей, особенно для тех, кто не чувствует себя удовлетворенным в реальной жизни. В Интернете они могут обсуждать свои проблемы и найти поддержку. Поэтому необходимо искать альтернативные подходы к проблеме скулшутинга, которые помогут выявить потенциально опасное поведение и предотвратить трагедии.

Кроме того, физические меры безопасности, такие как металлодетекторы, железные двери и увеличение числа охранников, не всегда являются

ся достаточными. Вместо этого необходимо уделять больше внимания превентивным мерам, которые сосредоточены на нравственных и психологических аспектах проблемы.

Одним из ключевых факторов, который нужно учитывать, является то, что проблема скулшутинга имеет не только психические, но и нравственные истоки, именно в этой сфере в нашем обществе предпринимаемые усилия недостаточны, несистемны и как бы второстепенны по сравнению с принятием юридических мер.

Помимо этого, важно развивать образовательные программы, которые помогут выявить и предотвратить психологические проблемы у обучающихся. Проведение психологических консультаций и тренингов, направленных на развитие навыков решения конфликтов и эмоционального интеллекта, может быть эффективным способом предотвращения насилия в школах.

Переходный возраст является одним из самых сложных периодов в жизни подростка. В это время организм и эмоции подвержены физиологическим изменениям, что требует повышенного внимания. Подростки стремятся к самовыражению и самоутверждению в обществе, но нестабильность эмоций и неокрепшее духовное развитие могут привести к различным психологическим проблемам.

Одна из таких проблем – это формирование чувства превосходства над другими людьми или, наоборот, чувства собственной недооцененности и пониженной самооценки. Эти проблемы могут привести к социальной изоляции и проблемам взаимодействия с окружающими.

Кроме того, длительное общение в интернет-сообществах негативного характера может изменить моральные ценности подростка и привести к накоплению обид. В конечном итоге эти негативные эмоции могут проявиться в форме шутинга или травли.

Для борьбы с буллингом и создания позитивного психологического климата в учебных заведениях многие страны разрабатывают и внедряют специальные программы. Например, в США существует программа No Bullying Schools, которая разработана группой американских преподавателей, ученых и экспертов с целью предотвращения травли. Эта программа включает в себя такие меры, как анонимная система сообщений о случаях насилия в школах, пропаганда ненависти к буллингу, а также просветительская работа с учениками, родителями и педагогами [2].

К сожалению, в России пока не существует широкоизвестных комплексных программ противостояния травле, которые бы вовлекали различных членов школьного сообщества на разных уровнях [5]. Однако осознание проблемы травли и необходимость обращения за помощью к взрослым уже начинает проникать в сознание детей с раннего возраста.

Важно, чтобы родители и педагоги активно работали с подростками, обучая их тому, что такое травля и как важно обратиться за помощью, если они сталкиваются с подобными ситуациями. Это поможет создать

безопасную и поддерживающую среду для развития подростков и помочь им преодолеть сложные периоды в их жизни.

Таким образом, одной из главных причин скулшутинга являются девиации, которые формируются в обществе. Необходимо изменить отношение к людям, страдающим от психологических, психических или социальных проблем, и не допустить развития их отчаяния до того момента, когда они могут совершить ужасные акты мести. Поэтому основная задача заключается в нейтрализации равнодушия и пренебрежения, которые исходят от общества.

В конечном счете решение проблемы скулшутинга требует комплексного подхода. Это включает в себя не только физические меры безопасности, но и превентивные меры, которые направлены на психологическую поддержку и помощь людям, а также на развитие образовательных программ.

Социальные факторы играют важнейшую роль в выявлении причин скулшутинга, и поэтому коррекция социальной среды должна стать основным направлением эффективной профилактики таких трагедий. Необходимо обучать молодых людей разрешению конфликтов, повышать уровень их воспитания и проводить работу с родителями и преподавателями в образовательных учреждениях. Так, целесообразно включить в школьные учебные планы специальный курс для борьбы с буллингом и создания позитивного психологического климата в учебных заведениях, который могут вести психологи; на такие занятия можно и нужно приглашать третьих лиц – известных деятелей из разных сфер, которые бы делились личным опытом о том, как необходимо разрешать конфликты, рассказывали, как они сталкивались с травлей (в частности, в период обучения в школе, в вузе и т. д.) и как они справились с этой проблемой, чтобы молодое поколение видело на «живых» примерах, что со всеми трудностями в жизни можно справиться мирным путём.

При этом крайне важна воспитательная роль семьи в формировании нравственных ценностей и эмоциональной стабильности у детей. Воспитание играет ключевую роль в формировании поведения молодых людей, поэтому необходимо создать условия, в которых они могут развиваться и расти, не испытывая чувства отчуждения и одиночества. Открытость, доверие и эмпатия должны стать основными принципами, на которых строится система взаимоотношений. Всё это в совокупности поможет предотвратить совершение скулшутингов.

Библиографический список

1. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26 (1). P. 185–210.
2. Башурина Е., Михантьева М. Природа скулшутинга: почему происходят массовые расстрелы в школах и как их предотвратить. URL: <http://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutingapochemu-proishodyat-massovye-rasstrely-vshkolah-i-kak-ih> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Борисова Н. Ф. Скулшутинг – новая криминальная угроза обществу // *Российский правовой журнал*. 2021. № 1 (6). С. 125–129.

4. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
5. Молчанова Д. В., Новикова М. А. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта. Москва, 2020.
6. Плотников В. В., Самойлов С. Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 161–168.
7. Протопопова Е. Г., Казенная Е. В. Нападения на учебные заведения: феномен «скулшутинг» (скулшутинг) и психологические аспекты безопасности образовательной среды // Образование личности. 2019. № 1. С. 12 – 19.
8. Суходольская Ю. В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 117–120.

© Стонт А. О., 2023

СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ СКУЛШУТИНГА СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шаповалова Полина Алексеевна,

студент

Научный руководитель: Шведчикова Елена Викторовна,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

Статья посвящена рассмотрению скулшутинга как разновидности террористических актов; изучению его сущности, факторов и причин возникновения, черт, характерных для подростков, участвующих в группах и сообществах, посвященных экстремистской и террористической деятельности, а также методов и способов профилактики и противодействия скулшутингу в современной России.

Ключевые слова: скулшутинг, террористическая деятельность, экстремизм, дети, подростки, внешние факторы, внутренние факторы, профилактические меры, способы противодействия.

Скулшутинг – это нападение на образовательную организацию с применением оружия, сопровождаемое взрывами и стрельбой, с целью причинения вреда учащимся и педагогам, а также любым лицам, оказывающим сопротивление [1].

Скулшутинг можно отнести к одному из подвидов террористической деятельности, поскольку он становится причиной причинения вреда жизни или здоровью большого количества людей. С каждым годом действия подобного рода получают все большее распространение, а временной промежуток между ними становится все меньше.

Всего на территории России было совершено более 10 случаев скулшутинга. 3 февраля 2014 года был зафиксирован первый случай скулшутинга в России. На территории школы № 263 города Москвы десятиклассник Сергей Гордеев, вооруженный карабином и винтовкой, застрелил учителя географии и захватил в заложники своих одноклассников. Позднее молодой человек открыл огонь по прибывшим на место

происшествия полицейским, убив одного сотрудника вневедомственной охраны и тяжело ранив патрульного. После переговоров, в которых участвовал отец преступника, подросток отпустил заложников, а через некоторое время был задержан [2].

География преступлений данного вида широка и не зависит от возраста, вероисповедания, семейного благополучия преступников.

Примечательно, что чаще всего скулшутинг совершают непосредственно обучающиеся в образовательной организации или их знакомые. Это подростки, на которых довольно легко оказать психологическое влияние: запугать, заинтересовать материально, внушить потребность в совершении преступления. Этими методами пользуются террористические и экстремистские организации и сообщества для достижения своих целей.

На данный момент существует множество факторов и причин, в связи с которыми могут совершаться террористические акты в виде скулшутинга. Стоит отметить, что они делятся на причины внешнего и внутреннего характера.

Среди внешних причин можно выделить следующее:

- последствия воспитания ребенка (отсутствие внимания со стороны родителей, семейное насилие, ссоры с родственниками);

- подверженность тирании со стороны коллектива (класса, группы, компании и т. д.), так называемый буллинг, то есть воздействие на одного из членов коллектива с психологической или физической стороны, совершение агрессивных действий;

- несоответствие уровня жизни или социального статуса ожиданиям подростка;

- подверженность чрезмерному воздействию со стороны сайтов или групп, ставящих своей целью пропаганду терроризма, экстремизма и скулшутинга;

- воздействие компьютерных игр, поддерживающих насилие.

К внутренним причинам скулшутинга можно отнести:

- психическое состояние подростка в результате воздействия на него внешних факторов (воспитание родителей, взаимодействие со сверстниками, подверженность влиянию компьютерных игр, последствия взаимодействия с сайтами или группами, пропагандирующими террористическую или экстремистскую деятельность);

- половое взросление;

- индивидуальные причины агрессивного поведения, связанные с какими-либо аспектами, особенностями во внешности подростка, его характере; последствия жестокого или агрессивного воспитания, вызывающие желание самоутвердиться за счет других – более слабых – людей для получения авторитета и признания более сильных.

Часто в качестве причины совершения рассматриваемого деяния подростки выбирают месть своим обидчикам, но бывают случаи, когда скулшутер не преследует конкретного человека или группу лиц, а ставит

своей целью массовое убийство людей. Подобные явления называются буйством и являются разновидностью скулшутинга [3].

Отдельно стоит отметить, что по определенным элементам во внешности и поведении подростка можно определить его склонность к совершению террористических актов. Например, к особенностям поведения можно отнести замкнутость и скрытность или, наоборот, чрезмерную агрессию и жестокость подростка в отношении не только одноклассников или одноклассников, но и преподавателей. Скулшутера может выдать его внешний вид – темная и часто закрытая одежда, призванная скрыть личность человека – или сомнительный круг общения (такие же подростки, попавшие под негативное влияние групп или сообществ, занимающихся публикацией мемов, фотографий, картинок с авторскими подписями либо ссылками на тематику массового убийства в «Колумбайне» и других учебных заведениях).

Для профилактики скулшутинга следует:

- Стараться организовывать свободное время подростков таким образом, чтобы на компьютерные игры и прочие виртуальные увлечения, способные навредить им или оказать дурное влияние, не оставалось времени, использовать опцию «родительский контроль».

- Организовывать взаимодействие подростков со сверстниками в реальном, а не в виртуальном мире, проводить в образовательных организациях мероприятия, направленные на сближение коллектива, прямое взаимодействие друг с другом.

- Установить взаимодействие между семьей и образовательным учреждением для того, чтобы иметь возможность отслеживать эмоциональное состояние подростка как дома, так и в учебном заведении.

- Проводить мероприятия, призванные дать больше информации, рассказать об опасности и последствиях терроризма, экстремизма и скулшутинга.

Противодействие скулшутингу может осуществляться, например, через установление доверительных взаимоотношений с подростком как у педагогов – за счет проведения мероприятий, направленных на сближение коллектива учащихся, так и у родителей – за счет более длительного и занимательного времяпровождения, прямого и открытого диалога. Также очень важным в предупреждении скулшутинга является организация мероприятий, направленных на обучение подростков пользованию сетью Интернет. Ведь Всемирная сеть с каждым днем становится все более привычной и обыденной частью нашей жизни, в связи с чем каждому, а в особенности детям и подросткам, важно знать, как защитить себя в той или иной ситуации. Немаловажным в предотвращении скулшутинга является улучшение пропускной системы в образовательных организациях: установка современного оборудования; системный осмотр территории образовательной организации на наличие опасных или подозрительных предметов; разработка и систематические репетиции плана действий, на случай совершения террористического акта на территории учебного

заведения; инструктирование работников и учащихся о должном поведении в случае совершения террористического акта [4].

Библиографический список

1. Методические рекомендации по профилактике и выявлению скулшутинга от 20 окт. 2022 г. // Официальный сайт Министерства образования Пензенской области. URL: https://minobr.pnzreg.ru/gosudarstvennye-uslugi/Методические_рекомендации_%20Скулшутинг.pdf (дата обращения: 30.11.2023).
2. 3 февраля 2014 года – Нападение со стрельбой в Московской школе № 263. URL: <https://russianguiant.ru/2023/02/03/3-fevralja-2014-goda-napadenie-so-strelboj/> (дата обращения: 30.11.2023).
3. Кочегаров Д. Скулшутинг – что это такое простыми словами и причины. URL: <https://duhitelo.ru/skulshuting-cto-eto-takoe/> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Макарова К. Причины скулшутинга и методы борьбы с ним. URL: <https://school-science.ru/17/19/52631> (дата обращения: 30.11.2023).

© Шаповалова П. А., 2023

СКУЛШУТИНГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Шведчикова Елена Викторовна,

*старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права*

Голубченко Ирина Евгеньевна,

студент

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

В статье рассматривается правовой феномен скулшутинга, получивший широкое распространение в современном мире. Раскрываются причины данного антиобщественного явления и сущность профилактической работы по предупреждению скулшутинга.

Ключевые слова: *скулшутинг, массовые убийства, экстремизм, подростки, профилактика.*

Огромный резонанс в обществе вызывают действия, касающиеся проявления крайних форм насилия в образовательной среде. Особое внимание привлекают случаи нападения учащихся на преподавателей и обучающихся с целью осуществления расправы с применением разного оружия, взрывчатых веществ. Эта крайняя форма агрессии, характеризующаяся социально опасными насильственными действиями, получила название «скулшутинг».

Скулшутинг – это планирование, организация и совершение вооруженного нападения на территории образовательного учреждения одним или несколькими учащимися с целью массового убийства. Это явление, вызывающее опасение во всем мире. Подобные инциденты с применением насилия не относятся к преступлениям террористического характера, но имеются веские основания для отнесения их к указанной категории, поскольку они имеют схожие механизмы и требуют усиления наказания в отношении тех, кто совершает такого рода преступления.

Основными признаками, характеризующими скулшутинг, являются:
– совершение преступления на территории образовательного учреждения;

– отсутствие четких обобщающих характеристик личности правонарушителя;

– направленность преступного умысла непосредственно на причинение вреда жизни и здоровью;

– применение огнестрельного оружия и/или взрывных устройств [4].

По мнению многих ученых, подростки часто совершают преступления или другие противоправные действия не в корыстных целях, а просто для того, чтобы привлечь к себе внимание. Родители чаще всего отказываются вникать в проблемы, которые волнуют подростков, что мешает формированию взаимных доверительных отношений между ними. В отсутствие поддержки и помощи со стороны семьи подросток начинает искать ее в других социальных группах [1].

Причины скулшутинга могут быть разнообразными. К внешним факторам относятся трудности в общении со сверстниками и учителями; конфликты и недопонимание; недостаток родительского внимания, а также ссоры с членами семьи; травля в общеобразовательной среде и за ее пределами; воздействие групп и сообществ, пропагандирующих идеологию «школьной стрельбы». К внутренним факторам относятся депрессия; психические расстройства, которые возникают без должного внимания; обида, которая может породить желание отомстить.

Непонимание друг друга сверстниками, плохие отношения между ребенком и родителями, недостаток денег для удовлетворения собственных потребностей оказывают существенное негативное влияние на развивающуюся личность ребенка. Подростковый возраст сопровождается крайней эмоциональностью. Впечатлительные и психологически неустойчивые подростки подвержены влиянию явлений и событий, которые могут вызвать яркую эмоциональную реакцию. И этим эмоциональным состоянием подростков активно пользуются вербовщики в запрещенные экстремистские и террористические организации.

Предупреждение и предотвращение скулшутинга рассматривается как система мер, направленных на устранение факторов и причин антиобщественных явлений, а также минимизацию рисков, которые могут привести к такому явлению. На данный момент профилактическая работа ограничивается оснащением образовательных учреждений техническими средствами и системами безопасности, ужесточением контроля доступа в образовательные учреждения для выявления признаков аморального поведения и усилением государственного контроля за оборотом оружия и боеприпасов [2].

Помимо мер, направленных на защиту образовательной организации, необходимо обращать внимание на социально-психологические факторы:

1. Взаимоотношения с ребенком внутри семьи. Главным авторитетом для ребенка является семья. Это то «пространство», где устанавливаются моральные ценности и формируется личность.

2. Поведение подростка в школе. Ребенок, который часто проявляет агрессию по отношению к преподавателям и сверстникам, также находится в группе риска. Агрессия часто является не более чем пассивным защитным механизмом.

3. Психологические травмы нападавшего. Постоянная травля в школе, вызывающая суицидальную идеацию, и нарастающая внутренняя агрессия заставляют подростка совершить что-то «грандиозное» перед своей смертью, что представляет собой основной исход любого плана нападения на школу.

4. Психические заболевания. Психолого-психиатрическое обследование часто помогает предотвратить случаи скулшутинга. Общение ребенка с психологом позволяет лучше понять и прочувствовать всю тяжесть жизни подростка, которая кажется ему невыносимой. Беседы с родителями также необходимы для того, чтобы помочь ребенку не только в школе, но и дома.

Таким образом, скулшутинг является одной из наиболее актуальных проблем, стоящих перед современным обществом. Профилактика стрельбы в школах должна быть комплексной и включать ряд мер. Важным аспектом является создание безопасной и поддерживающей образовательной среды, а также предоставление доступной и эффективной медицинской помощи детям и подросткам с проблемами психического здоровья. Важно уделять особое внимание профилактике насилия и оскорбительного поведения среди учащихся. Большое значение имеет работа с родителями и обществом в целом, направленная на формирование здоровых методов взаимодействия и конструктивного разрешения конфликтов. Проверенная временем подготовка учителей и изучение симптомов и методов помощи детям с проблемами психического здоровья могут стать эффективной профилактической мерой скулшутинга.

Библиографический список

1. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
2. Карлов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
3. Чунин А. С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // Обзор. НЦПТИ. Вып. 2020. № 3 (22). С. 48–52.
4. Щетинина Е. В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. № 2 (18). С. 127–130.

© Шведчикова Е. В., Голубченко И. Е., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Сафьянов Л. А.</i> О дополнительных мерах по поддержанию общественно-политической стабильности в Республике Хакасия, предупреждению и пресечению экстремистских акций, направленных на ее дестабилизацию	3
<i>Наумкина В. В.</i> Распространение экстремизма в молодежной среде посредством информационной среды	6

Секция 1.

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ ВО ВСЕХ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯХ: ФИЛОСОФСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Аксютин Ю. М.</i> Религиозный радикализм в Республике Хакасии: динамика изменения оценок характера межрелигиозного взаимодействия и уровня религиозной толерантности	9
<i>Баранцева Н. А.</i> Документы Нюрнбергского процесса о преступлениях против человечности и мира как свидетельство государственного терроризма нацистской Германии	12
<i>Берестов А. А.</i> Террористическое движение усташей: образование, идеология, деятельность	16
<i>Бондарева Е. С., Валов И. Н.</i> Криминологическая характеристика личности преступника-террориста	19

Ведерников А. А. Политика государства по отношению к католицизму как профилактика религиозного экстремизма в Российской империи в период правления Екатерины II.....	22
Винтер В. Е. Терроризм как глобальная проблема современности	26
Галкина Н. В. Реализация права самоидентификации народа Российской Федерации.....	28
Зинатулин Т. А. Особенности проявления терроризма	30
Ионов А. А. Экстремистская и террористическая деятельность Судето-немецкой партии.....	33
Кулаева Е. А. Антитеррористическое законодательство Российской империи.....	35
Мосман И. А. Личность преступника-террориста.....	38
Никиташина Н. А., Лисица В. Н., Мельникова Т. В. Этический экстремизм как разновидность экстремизма	41
Троякова Ю. К. Деятельность общественных организаций этнической направленности по реализации основных направлений государственной национальной политики Российской Федерации (на примере Республики Хакасия).....	44
Тышта Е. В. Массовые политические настроения как один из путей формирования экстремистских воззрений общества.....	46
Удальцова Ю. А. Слабость «железных мечей»: почему терроризм не победить бомбардировками?.....	50
Фасхудинова М. А. Психологический портрет террориста	53
Цыба Л. С. Понятие кибертерроризма в международном праве.....	56
Черненко Д. С. Личность преступника как элемент криминологической характеристики преступлений террористической направленности	59

Юданов С. Г. Трансформация антитеррористических операций: от Союза Советских Социалистических Республик к Российской Федерации (1970–1990-е гг.).....	62
--	----

Секция 2.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Батенева Е. В. Противодействие распространению терроризма в системе интернета	65
Валеева Н. О. Полномочия органов исполнительной власти Республики Хакасия по противодействию экстремизму	69
Василенко А. Р., Шведчикова Е. В. К вопросу о противодействии финансированию терроризма и экстремизма в современном мире	73
Высочанский А. С. Органы внутренних дел Российской Федерации в общегосударственной системе профилактики экстремизма	74
Гусейнов Р. В. Отравление как способ химического терроризма и значимость его выявления	76
Доо А. М. Правовое содержание обязательного контроля, осуществляемого в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма	78
Иванова С. С. О необходимости международно-правовых мер борьбы с терроризмом при использовании биотехнологий	81
Курбатова С. М. Идеолого-правовые основы борьбы с терроризмом в Великобритании	83
Лубенникова С. А. Меры по противодействию экстремизму, применяемые органами местного самоуправления	86
Лянка А. В. Деятельность Контртеррористического управления ООН по борьбе с кибертерроризмом	90

Пономарева Е. В. Борьба с кибертерроризмом как часть системы международной информационной безопасности	93
Талимончик В. П. Проблема выработки международно-правовых средств борьбы с кибертерроризмом в условиях развития информационно-коммуникационных систем	97
Тетеревлева А. В. Проблемные вопросы правового регулирования противодействия экстремизму	100
Хабибуллина А. А., Зинатулин Т. А. Профилактика терроризма в Российской Федерации	105
Чекотов И. П. Предупреждение преступлений экстремистской направленности посредством анализа собранных с помощью рекомендательных технологий данных	108

Секция 3. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Горбунова (Коршунова) И. В. Административные дела о признании информационных материалов экстремистскими: правовые аспекты	112
Григорьев В. С. Экоцид как преступление террористического характера, предусматривающее жестокое обращение с животными	116
Козлова В. Н. Проблемы реализации адвокатами и иными лицами, оказывающими юридическую помощь, обязанности по уведомлению Росфинмониторинга о проведении их клиентами подозрительных операций	120
Коков А. Д. Защита прав лиц, пострадавших от проявлений экстремизма и терроризма	124

<i>Лебедев А. С., Замаев В. И.</i> Уголовно-правовое противодействие терроризму.....	127
<i>Лубенникова К. А.</i> Юридическая ответственность за правонарушения экстремистской направленности	130
<i>Матвеева А. М.</i> Проблема компенсации жертвам террористических актов в международном праве (на примере Бесланской трагедии).....	134
<i>Николаева Е. А., Ардамин И. А.</i> Оценка роли статьи 20.29 КоАП РФ в системе административного законодательства о противодействии экстремизму	138
<i>Погодаева А. А.</i> Административная ответственность за правонарушения экстремистской направленности	142
<i>Середкин Д. С.</i> Особенности расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статей 205 Уголовного кодекса Российской Федерации	145
<i>Тарасов Е. С.</i> Субъективные признаки террористического акта	148
<i>Штырфунов Д. Ю.</i> Ликвидация юридического лица, осуществляющего террористическую деятельность	152

Секция 4. ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА, ТЕРРОРИЗМА И СКУЛШУТИНГА СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

<i>Бикеева Е. Д.</i> Профилактика экстремизма среди молодежи и подростков	156
<i>Козлова В. Н., Козлов В. С.</i> Позитивный контент как средство профилактики терроризма, экстремизма и скулшутинга среди детей и молодежи	159

Медведева Т. Н. Адаптация иностранных студентов в российском социокультурном пространстве как фактор профилактики проявлений терроризма и экстремизма	164
Мохова А. В. Профилактика и противодействие терроризму и экстремизму в образовательных учреждениях высшего образования	167
Николаева Е. А., Ахремюк Д. С. Правовое воспитание как метод борьбы с терроризмом	170
Сафиуллина З. З. Профилактика вовлечения несовершеннолетних в группы деструктивной направленности.....	173
Стонт А. О. Скулшутинг: причины и профилактика	176
Шаповалова П. А. Сущность, причины возникновения, профилактика и противодействие распространению скулшутинга среди детей и молодежи современной России	180
Шведчикова Е. В., Голубченко И. Е. Скулшутинг в современном мире: причины и профилактика.....	183

Научное издание

**ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ КАК УСЛОВИЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

*Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической конференции
(Абакан, 15 декабря 2023 г.)*

Научный редактор – **В. В. Наумкина**
Ответственный редактор – **В. Н. Козлова**

Корректор М. Е. Кулишкина
Компьютерное обеспечение О. Н. Калининой

Подписано в печать 15.12.2023. Формат 60 × 84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 12. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 12,7.
Тираж 60 экз. Заказ 74.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90А, тел. 22–51–13; e-mail: izdat@khsu.ru